

Октябрь 2025

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

80 лет ООН

Проблемы
внешней политики,
дипломатии,
национальной
безопасности

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Ежемесячный журнал

МНОГОСТОРОННЯЯ ДИПЛОМАТИЯ

Олег Шаманов 4

Климатический процесс ООН:
между экологическим экстремизмом
и политическим прагматизмом

На ооновском небосклоне выстроился своего рода «парад климатических планет»: в этом году исполняется десять лет с момента принятия Парижского соглашения по климату, 20 лет со времени вступления в силу Киотского протокола, и совсем недавно, в 2024 году, Рамочная конвенция ООН об изменении климата перешагнула свой 30-летний рубеж.

Олег Кобяков 16

ФАО: путь длиной в 80 лет, или мир
не построить на пустые желудки

Если «большая» ООН была создана с целью «избавить грядущие поколения от бедствий войны», как записано в ее Уставе, то основной задачей, поставленной странами-учредителями перед ФАО, было освобождение человечества от голода. Свое 80-летие 16 октября 2025 года ФАО встречает в осмыслении успехов, неудач и новых вызовов на этом пути, сосредоточивая свой интеллектуальный потенциал и практические усилия для достижения целей и задач повестки XXI века.

Ольга Лебедева 28

Народная дипломатия в России. Взгляд
из прошлого и перспективы на будущее

В многополярном миропорядке Россия заинтересована в расширении круга стран-единомышленников, составляющих основу мирового большинства. Традиционно весомую роль в поступательном выстраивании двусторонних отношений играли контакты в экономической сфере. В наши дни не менее важное значение отводится гуманитарному треку. Какое место занимает народная дипломатия в комплексе инструментов международного сотрудничества?

БЕЗОПАСНОСТЬ

Григорий Машков 36

Новые технологические вызовы
и международная безопасность

Внедрение в жизнь передовых технологических решений постепенно ведет к изменению военно-политического ландшафта в мире, переосмыслению основ стратегической стабильности, расширению сферы соперничества между странами, качественному скачку возможностей вооружений и военной техники, коренной трансформации военных конфликтов и появлению новых форм и способов ведения войны.

Филипп Трунов 46

Тенденции милитаризации европейских
«либеральных демократий»

В современных реалиях европейские «либеральные демократии» резко сократили торгово-хозяйственные контакты с Россией, стремятся ее «сдерживать» и «отбрасывать», используют эти задачи как обоснование для существования роста своей военной мощи. Однако переход от состояния «купца» к «воину» опирается на представление, которое является системным просчетом, - уверенность в том, что возможно критически ослабить Россию.

Кира Кожухова 60

Военное содержание американской
стратегической культуры

Деструктивная направленность американской стратегической культуры, «выросшей» в изоляции от основных военных противостояний государств Европы и Азии, предопределила старт гонки вооружений и холодной войны, краеугольную необходимость мирового первенства для США, а также решительное вмешательство в разнообразные локальные конфликты, где внезапно и весьма стабильно обнаруживаются национальные интересы Штатов.

Нубара Кулиева 70

«Борьба за пространства» началась:
Турция в Восточном Средиземноморье

Турция проявляет выраженную активность в вопросах усиления своего регионального

и международного влияния. Эта линия направлена на получение вполне определенных материальных, финансовых «дивидендов», в том числе и в виде контроля за полезными ископаемыми вне рамок «очевидной», признаваемой другими сторонами турецкой юрисдикции.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Владимир Заемский 80

О новой российской внешней политике
Западноевропейские политики продолжают обвинять Россию в наличии агрессивных намерений. Однако совершенно ясно, что самой большой стране мира нет нужды присоединять какие-либо территории, а явно приоритетной задачей является работа по согласованию всех аспектов европейской безопасности, включая соответствующие меры доверия, которые, в частности, должны исключить чрезмерное накопление западным оружием соседних с Россией государств.

КАРТИНА МИРА

Владимир Егоров 84

Россия и новый миропорядок
Протяженность формирования нового мирового порядка связана не с экономическим или политическим поражением Запада или Мирового большинства, а с переходом человечества в новую социальную систему постмодерна, где определяющим фактором развития станет информация, а не материальные активы.

Илья Лябухов 90

Трансакционная дипломатия
Дональда Трампа как средство достижения внешнеполитических целей

Трансформация американской внешней политики вызывает широкий резонанс в международном сообществе и ставит под вопрос традиционные механизмы глобального управления, что делает изучение особенностей, методологии и последствий «доктрины Трампа» особенно востребованным для понимания современной архитектуры международных отношений.

Даниил Этрин 102

США и Китай как государства-цивилизации в условиях формирования нового мирового порядка

Фундаментально поведение великих держав во многом формируется не только конкретными геополитическими реалиями «в моменте», но и некоторыми более абстрактными факторами. В первую очередь принадлежностью к той или иной цивилизации. В случае США речь идет о Западной цивилизации, в случае Китая - собственно китайской.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Никита Банцекин,
Павел Кондрашов 114

Малые и средние компании в международном экономическом сотрудничестве

Целый ряд особенностей субъектов малого и среднего предпринимательства позволяет им успешно встраиваться в мировые экономические связи и международные цепочки добавленной стоимости. Для России это отчетливо проявилось в период санкционных ограничений, наложенных на Российскую Федерацию традиционными внешнеторговыми партнерами, прежде всего из стран Европейского союза.

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Ирина Грачева 122

Опыт Советского Союза по осуществлению денацификации в Советской зоне оккупации Германии

Советским властям удалось уже к 1948 году провести в Восточной Германии основные демократические преобразования, очистить органы самоуправления, полицию и судебные органы от явных и скрытых нацистов, сформировать земельные и провинциальные правительства, которым СВАГ смогла полностью передать все экономические и политические полномочия по осуществлению дальнейших преобразований.

СОВЕТ ЖУРНАЛА:

С.В.ЛАВРОВ, министр иностранных дел России

А.А.АВДЕЕВ, *Чрезвычайный и Полномочный Посол*

А.И.ДЕНИСОВ, *первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук*

А.С.ДЗАСОХОВ, *доктор политических наук*

И.С.ИВАНОВ, *президент РСМД, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук*

К.И.КОСАЧЕВ, *заместитель председателя Совета Федерации Федерального Собрания России, кандидат юридических наук*

В.П.ЛУКИН, *член Совета Федерации Федерального Собрания России, доктор исторических наук, профессор*

А.Ю.МЕШКОВ, *Чрезвычайный и Полномочный Посол России во Франции и Княжестве Монако по совместительству*

А.Н.ПАНОВ, *доктор политических наук*

А.К.ПУШКОВ, *член Совета Федерации Федерального Собрания России, кандидат исторических наук*

Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН

С.А.РЯБКОВ, *заместитель министра иностранных дел России*

М.В.СЕСЛАВИНСКИЙ, *общественный и государственный деятель, заместитель генерального директора по взаимодействию с органами государственной власти ООО «ХК ЮэСэМ»*

А.В.ТОРКУНОВ, *ректор МГИМО МИД России, академик РАН, доктор политических наук*

А.А.ФЕДОТОВ, *кандидат юридических наук*

В.А.ЧИЖОВ, *первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности*

Ю.К.ШАФРАНИК, *президент фонда «Мировая политика и ресурсы», доктор экономических наук*

А.В.ЯКОВЕНКО, *Чрезвычайный и Полномочный Посол России, заместитель генерального директора медиагруппы «Россия сегодня», доктор юридических наук*

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

А.Х.Абашидзе, *доктор юридических наук, профессор*

М.Ц.Арзаканян, *доктор исторических наук, профессор*

Ю.А.Булатов, *доктор исторических наук, профессор*

В.П.Воробьев, *доктор юридических наук, профессор*

В.И.Гасумянов, *доктор экономических наук, профессор*

О.Г.Карпович, *доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор*

И.И.Кравченко, *кандидат политических наук*

А.В.Крутских, *доктор исторических наук, профессор*

В.Д.Кузнецевский, *доктор исторических наук, профессор*

О.В.Лебедева, *доктор исторических наук, профессор*

В.О.Печатнов, *доктор исторических наук, профессор*

Е.Б.Пядышева, *кандидат исторических наук, доцент*

Ю.Н.Саямов, *доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор*

А.В.Торкунов, *доктор политических наук, профессор, академик РАН*

А.В.Фролов, *доктор политических наук*

В.В.Штоль, *доктор политических наук, профессор*

Олег Шаманов

*Советник-посланник Посольства России в Таиланде,
заместитель постоянного представителя России
при ЭСКАТО*

oshamanovbangkok@mail.ru

Ключевые слова: *климат Земли, РКИК, Киотский протокол,
Дохийская поправка, Парижское соглашение, политика и климати-
ческий процесс.*

КЛИМАТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ООН: МЕЖДУ ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ЭКСТРЕМИЗМОМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРАГМАТИЗМОМ К 10-летию Парижского соглашения по климату, 20-летию Киотского протокола и 30-летию Рамочной конвенции ООН об изменении климата

За прошедшие годы проблема глобального изменения климата вышла далеко за пределы академических обсуждений в рамках научных сообществ и стала одной из самых резонансных политических тем. Одни видят в изменениях, происходящих в климатической системе Земли, предвестника экологического апокалипсиса, другие норовят списать на глобальное потепление чуть ли не все социально-экономические проблемы современности, одновременно лукаво, исподтишка, пытаясь решить задачи весьма далекие от экологических, а иные и вовсе кликушествуют о том, что изменение климата - это угроза международному миру и безопасности.

Выражаю признательность и большую благодарность за консультирование по некоторым научным аспектам моему давнему коллеге по климатическим переговорам А.И.Нахутину, заведующему отделом мониторинга парниковых газов в промышленности и энергетике ФГБУ «ИПКЭ», кандидату физико-математических наук.

Оставим ученым вопрос о причинах, сущности и возможных последствиях климатических изменений. Мне же, непосредственному участнику большинства важнейших переговорных баталий по климатической проблематике, начиная с 1-й сессии вспомогательных органов Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИИК) в 1995 году и до принятия Парижского соглашения (ПС) в 2015 году, а также его 1-го Совещания Сторон в 2016 году, представляется важным сегодня, на рубежном этапе, дать обобщенный взгляд на историю и развитие климатического процесса под эгидой ООН и попытаться оценить его итоги на сегодняшний день.

А этап, без преувеличения, рубежный. На ооновском небосклоне выстроился своего рода «парад климатических планет»: в этом году исполняется десять лет с момента принятия Парижского соглашения по климату, 20 лет со вступления в силу Киотского протокола, и совсем недавно, в 2024 году, Рамочная конвенция ООН об изменении климата перешагнула свой 30-летний рубеж¹.

Самое время задаться вопросом: а проглядываются ли за этой «магией дат» реальные достижения?

Для того чтобы ответить на него, полезно вспомнить, с чего же, собственно, все начиналось, и посмотреть в какой точке сегодня находится международный климатический процесс, в какие краски тезис об угрозе изменения климата Земли раскрашивает международную политическую палитру.

Из истории

Впервые вопрос об угрозе глобального изменения климата был поставлен в повестку дня ООН в 1988 году по инициативе Мальты. Впоследствии, кстати, именно представитель Мальты, Майкл Заммит Кутаяр, стал первым исполнительным секретарем Рамочной конвенции ООН об изменении климата, одним из наиболее профессиональных, вдумчивых и объективных, на мой взгляд, представителей плеяды руководителей ее Секретариата. В принятой в том году Генассамблей ООН резолюции 43/53 изменение климата было признано общей проблемой всего человечества, а перед Всемирной метеорологической организацией (ВМО) и Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП) поставлена задача подготовки соответствующих рекомендаций относительно элементов будущей международной конвенции по климату. Далее, в 1990 году, последовало решение «организовать процесс межправительственных переговоров в целях подготовки Межправительственным комитетом по ведению переговоров эффективной рамочной конвенции об изменении климата»².

Переговоры прошли сравнительно быстро и вполне успешно - уже 9 мая 1992 года Рамочная конвенция ООН об изменении климата была принята, а 4 июня открыта для подписания в ходе Конференции ООН по окружающей среде и развитию (1992 г., Рио-де-Жанейро, Бразилия).

Сегодня Сторонами конвенции являются 197 государств, включая Российскую Федерацию и Европейский союз как «региональную организацию экономической интеграции», согласно определениям РКИК.

За прошедшие годы проблема глобального изменения климата вышла далеко за пределы академических обсуждений в рамках научных сообществ и стала одной из самых резонансных политических тем.

*Межправительственный переговорный комитет по разработке РКИК
(заседание 28 июня 1991 г., Женева, Швейцария). В первом ряду слева направо:
исполнительный секретарь МПК М.З.Кутаяр (Мальта), председатель МПК Ж.Рипер (Франция),
секретарь (представитель ВМО) Э.Йенсен*

Цель РКИК сформулирована в самом общем виде - стабилизация концентрации парниковых газов в атмосфере на уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему. В соответствии с принципом «общей, но дифференцированной ответственности» развитые страны должны «демонстрировать лидерство» в сдерживании антропогенных выбросов и предоставлять развивающимся странам «новые и дополнительные» финансовые ресурсы для «покрытия всех согласованных издержек», связанных с выполнением ими своих обязательств по РКИК, а также поощрять передачу экологически безопасных технологий³.

Сразу надо отметить юридический нюанс, важный для понимания всей сложности и противоречивости международно-правового климатического режима: время идет, а закрепленное в РКИК разделение на доноров (развитые страны) и получателей помощи (развивающиеся страны) так и остается неизменным. За прошедшее 30-летие многие государства из группы развивающихся стран по уровню своего экономического потенциала догнали, а то и перегнали те государства, которые РКИК относит к развитым, и уже сами могли бы оказывать финансово-технологическое содействие нуждающимся странам.

Однако базовый климатический международно-правовой инструмент по-прежнему сохраняет в себе рудиментарное наследие 30-летней давности, ограничивающее финансовую базу мер по борьбе с изменением климата и являющееся одним из главных факторов, подпитывающих противоречия между развитыми и развивающимися странами. Россия неоднократно ставила вопрос о необходимости периодического пересмотра классификации, закрепленной в РКИК, но поддержки эта инициатива не получила. Причин тому много, все они находятся на стыке политических, социально-экономических и процедурно-юридических измерений.

Принятый в 1997 году на 3-й Конференции Сторон Конвенции (Киото, Япония) *Киотский протокол (КП)* операционализировал РКИК, установив конкретные объемы, сроки и спосо-

бы сокращения эмиссий парниковых газов. Он стал первым международно-правовым инструментом, который для решения экологических проблем предусматривал задействование рыночных механизмов, основанных на торговле квотами на выбросы, а также зачете в счет выполнения обязательств тех эмиссионных сокращений, которые заинтересованная сторона могла получить в результате реализации в других странах целевых проектов, ведущих к снижению объемов выбросов парниковых газов.

Говоря о Киотском протоколе, уместно отметить фактор, подчеркивающий роль нашей страны в международном климатическом процессе: свою жизнь - вступление в силу 16 февраля 2005 года - КП обрел только благодаря решению Российской Федерации о ратификации, принятому в феврале 2004 года по итогам сложного и довольно длительного внутринационального процесса по определению нашей позиции. Российская ратификация позволила обеспечить выполнение процедурно-юридических условий вступления Протокола в силу - достижение установленного порогового значения по уровню охвата глобальных эмиссий. Сейчас сторонами КП являются 191 государство и Евросоюз. От ратификации КП отказались США, а в 2012 году из него вышла Канада.

В приложениях к Протоколу зафиксированы количественные параметры сокращения эмиссий в период 2008-2012 годов конкретно каждой стороной из группы развитых стран и стран с переходной экономикой - в диапазоне до минус 8% по отношению к 1990 году, который в рамках климатического режима был выбран в качестве базового. При этом для развивающихся государств количественных обязательств не предусматривалось. Российской делегации удалось добиться учета социально-экономических и природно-географических особенностей нашей страны и, соответственно, вполне приемлемых параметров обязательств Российской Федерации - право к 2012 году иметь такой же объем выбросов, как и в 1990 году (т. е. нулевой уровень сокращений). Большая заслуга в этом принадлежит А.И.Бедрицкому, в течение многих лет возглавлявшему российские делегации на переговорных сессиях и конференциях сначала в качестве руководителя Росгидромета, а далее, до выхода в отставку в 2018 году, - советника и специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам климата, человеку исключительного трудолюбия, высочайшей профессиональной квалификации и государственного склада ума.

В рамках согласованного срока обязательств КП охватывал лишь 30% совокупных глобальных выбросов парниковых газов. Соответственно, говорить о его высокой эффективности в плане решения климатической проблемы не приходилось. Главная роль, отводившаяся ему, - демонстрация развитыми странами своей приверженности выполнению предначертанных им РКИК функций лидерства в ограничении парниковых эмиссий и опробование рыночных механизмов. Это был первый шаг на пути реальных ограничений выбросов CO₂, причем в рамках специально разработанного юридического режима контроля за соблюдением.

В 2012 году на 18-й Конференции Сторон РКИК (Доха, Катар) была принята *Дохийская поправка* к Киотскому протоколу, которая задумывалась как продление срока его действия (пока идет работа над новым всеобъемлющим соглашением), определяя показатели сокращения

9 мая 1992 года Рамочная конвенция ООН об изменении климата была принята, а 4 июня открыта для подписания в ходе Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Сегодня Сторонами конвенции являются 197 государств, включая Российскую Федерацию и Европейский союз.

Делегация Российской Федерации требует слова в ходе принятия Дохийской поправки (8 декабря 2012 г., Доха, Катар)

эмиссии для развитых стран на второй период: 2013-2020 годы (отсюда и условное название «Киото-2»).

Российская Федерация еще задолго до Дохийской конференции подчеркивала, что не видит смысла в продлении КП в том виде, как он существовал (наподобие Китайской стены между развитыми и развивающимися странами), и сделала официальное заявление о том, что будет оставаться стороной Протокола, но не намерена брать количественные обязательства на второй период, так как это не решает климатическую проблему: Дохийская поправка была способна регулировать лишь 13-15% глобальных выбросов, по-прежнему не охватывая всех крупнейших эмитентов.

С самого начала процесс согласования положений второго периода обязательств был сопряжен с крайней нервозностью и поляризацией позиций основных переговорных групп (развитые, развивающиеся и страны с переходной экономикой) и в итоге вылился в срежиссированные Евросоюзом грубейшие процедурные нарушения при принятии проекта поправки - наглядное проявление экологического экстремизма и беспринципности ЕС «в одном флаконе».

Буквально накануне заключительной пленарной сессии вопреки компромиссным договоренностям, достигнутым в ходе рабочих консультаций, в общий итоговый документ с подачи европейцев были включены дополнительные пункты (весьма чувствительные для стран с переходной экономикой). Сразу вслед за этим всю Дохийскую поправку поспешно поставили на утверждение и молниеносно объявили принятой консенсусом (требование российской делегацией слова по порядку ведения было попросту проигнорировано - мол, «не заметили»). А упомянутые дополнительные пункты вели к нарушению целостности юридическо-го режима соблюдения Киотского протокола и существенному ущемлению интересов стран с переходной экономикой (вне зависимости от того, намерена ли была та или иная страна из этой группы брать обязательства или нет).

Следует ли говорить, что столь несбалансированный документ (да еще с такой, как принято говорить, подмоченной репутацией) Россия не ратифицировала. Япония также отказалась взять на себя количественные обязательства в рамках «Киото-2». За бортом КП оставались США и Канада. В дальнейшем решение об отказе от ратификации этого документа приняли

Парижское соглашение принято (12 декабря 2015 г., Париж, Франция). Слева направо: председатель 21-й Конференции Сторон РКИК Л.Тубиана (Франция), исполнительный секретарь РКИК К.Фигерес (Коста-Рика), Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, министр иностранных дел Франции Л.Фабиус, Президент Франции Ф.Олланд

Белоруссия и Украина. В результате Дохийская поправка смогла охватить лишь 7,6% глобальных эмиссий. Все это печально сказалось на судьбе бесславно канувшего в Лету «Киото-2», историю которого западноевропейские апологеты «климатического кризиса» стараются сейчас не вспоминать: поправка буксовала восемь лет и вступила в силу в последний день предусмотренного ею срока обязательств⁴. Что называется, много шума, а в результате - пшик. Практическая ценность - нулевая.

Кульминацией международного климатического процесса под эгидой ООН стало принятие *Парижского соглашения* на 21-й Конференция Сторон РКИК (30 ноября - 13 декабря 2015 г., Париж, Франция), в которой участвовал Президент Российской Федерации В.В.Путин.

Принятие этого документа под громкие овации в импровизированном конференц-центре, сооруженном на территории выставочного комплекса Ле-Бурже под Парижем, стало результатом четырех лет напряженной кропотливой работы всего мирового сообщества.

Переговоры по его разработке и согласованию были запущены по решению 17-й Конференции Сторон РКИК (2009 г., Бонн, Германия), в соответствии с которым сторонам РКИК предписывалось «приступить к процессу разработки протокола, иного правового акта или согласованного итогового документа, имеющего юридическую силу, согласно Конвенции, применимого ко всем Сторонам»⁵.

Найденный в Парижском соглашении баланс интересов развитых и развивающихся стран, в том числе всех крупных эмитентов (Китай, США, Евросоюз, Россия, Индия, Япония, Бразилия, Республика Корея, Мексика, Индонезия, ЮАР), объективно отражает степень возможного на современном этапе международного консенсуса по проблематике противодействия изменению климата и адаптации к его последствиям⁶.

Стратегической целью соглашения определено «удержание прироста глобальной средней температуры намного ниже 2°C сверх доиндустриальных показателей и приложение усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5°C». Иных четко выраженных цифровых обязательств оно не предусматривает.

Прорывное достижение ПС - объединение в едином международно-правовом формате усилий развитых и развивающихся стран, за что российская делегация боролась на протяжении всего переговорного процесса. Это стало возможным благодаря реализованной в Соглашении идее гибкого сочетания коллективной цели по сдерживанию глобального потепления с так называемыми определяемыми на национальном уровне вкладами стран в международные усилия по ограничению эмиссий. Данная формула выводит за рамки международно-правовых обязательств те национальные климатические меры, содержание которых каждая сторона определяет самостоятельно и затем вносит в общую копилку⁷. Таким образом, в отличие от Киотского протокола Парижское соглашение смогло обеспечить практически полное покрытие глобальных эмиссий.

Кроме того, по настоянию Российской Федерации в него введены статьи, закрепляющие адекватный учет лесного фактора (что исключительно важно для нашей страны, имеющей самый большой в мире лесной покров) и значение адаптации к изменениям климата для всех стран, а не только развивающихся.

К достижениям российской дипломатии следует также отнести и принципиально важное решение, которого удалось добиться по итогам 1-го Совещания Сторон ПС (2016 г., Марракеш, Марокко), а именно: на первых этапах проведение разработки имплементационных регламентов ПС под эгидой Конференции Сторон РКИК, что обеспечило полноценное (с правом голоса) участие в переговорах всех стран - как ратифицировавших его, так на тот момент еще и не сделавших это. В развернувшейся в Марракеше острой полемике по этому вопросу вновь ярко проявился экологический экстремизм Евросоюза, который старался во что бы то ни стало подтолкнуть всех к скорейшей «слепой» ратификации ПС и, всеми силами стремясь обеспечить себе преимущественные позиции, ратовал за то, чтобы формирование свода правил велось сразу под патронажем ПС (таким образом, право голоса имели бы только страны, его ратифицировавшие).

А объективные обстоятельства стали совершенно очевидными: изначально было понятно, что Российской Федерации (как и многим другим государствам) потребуется определенное время для формирования внутринационального консенсуса в отношении ратификации ПС на основе четкого понимания международных «правил игры» (которые только предстояло согласовать) и обеспечения материальных условий для присоединения к соглашению⁸. Никакой политической дальновидности у брюссельских еврофункционеров, позиция которых могла привести совершенно к обратному результату - оттолкнуть не только Россию, но и другие государства от участия в соглашении, выработанном с таким трудом, и близко не проглядывалось...

Такова общеисторическая канва климатической истории. Ознакомившись с ее основными вехами, можно перейти к вопросу, поставленному вначале.

Каков же уровень достигнутого за прошедший период?

Посмотрим лишь на ключевые макропоказатели, не вдаваясь в детали.

На «стартовые позиции» в 2015 году Парижское соглашение вышло с суммарным общемировым объемом эмиссий в размере 48,8 млрд т эквивалента CO₂⁹. При этом уже имелось согласованное еще в 2009 году обязательство развитых стран «совместно мобилизовать к 2020 году в контексте предотвращения изменения климата 100 млрд долларов в год для удовлетворения потребностей развивающихся стран»¹⁰. В Париже эта финансовая цель была подтверждена, но, как стало ясно уже тогда, доноры ее «не вытягивали», и поэтому срок ее выполнения был продлен до 2025 года.

Сегодня свой десятилетний юбилей соглашение встречает с показателем суммарных выбросов в объеме 52,9 млрд т¹¹. То есть после 2015 года прирост выбросов продолжился, хотя, надо

признать, по сравнению с аналогичным отрезком времени до принятия ПС (2005-2015 гг.) его темпы снизились почти в два раза. Из шести основных эмитентов (Китай, США, Индия, Евросоюз, Россия, Бразилия) только две стороны показали за период действия ПС сокращение выбросов: США - с 6,3 до 5,9 млрд т (- 6,3%) и Евросоюз - с 3,8 до 3,2 млрд т (- 15,8%). При этом 2024 год стал самым теплым за всю 175-летнюю историю метеонаблюдений - среднегодовая глобальная приземная температура была на 1,55°C выше среднего значения за 1850-1900 годы¹². А современные тенденции с выбросами парниковых газов ведут, по некоторым оценкам, к повышению средней глобальной температуры на 3°C¹³ (вспомним цель ПС: удержание прироста глобальной средней температуры намного ниже 2°C).

Доля возобновляемых источников энергии в конечном энергопотреблении сейчас составляет, как это указано в наиболее свежем на сегодняшний день исследовании Международного энергетического агентства (МЭА), скромные 13%¹⁴. Предполагается, что данный показатель может вырасти к 2030 году до 20%. Однако этот же прогноз констатирует, что в 2030 году около 75% глобального энергетического спроса будут по-прежнему удовлетворяться за счет ископаемых видов топлива.

Что касается мобилизации финансов для оказания содействия развивающимся странам на климатические цели, то заявленный показатель в 100 млрд долларов был таков, как считается, достигнут в 2022 году¹⁵. Однако и эти объемы показались недостаточными. В 2024 году на 29-й Конференции Сторон РКИК (Баку, Азербайджан) была утверждена новая коллективная цель - достичь к 2035 году общего ежегодного объема помощи доноров в размере не менее 300 млрд долларов¹⁶. Аппетиты, как говорится, растут. А вот удовлетворит ли их новая согласованная цифра - большой вопрос. Еще в Баку стала лоббироваться идея выйти на уровень 1,3 трлн долларов. А некоторые эксперты утверждают, что объем помощи для достижения целей, связанных с климатом и природой, который потребуется к 2030 году, следует оценивать аж в 2,7 трлн долларов¹⁷. Только откуда взять эти баснословные суммы? США выходят из игры. А потянет ли донорскую ношу Евросоюз - вопрос, если учесть, что его военный бюджет на 2025 год может составить почти 332 млрд долларов¹⁸, а на ближайшие годы планируются дополнительные вливания в военные расходы в размере около 935 млрд долларов¹⁹ - в сумме аккурат те самые 1,3 триллиона. Вот куда рекой льются деньги!

Как видно из приведенных данных, результат достигнутого за десять лет не впечатляет (если только не поражаться растущим финансовым запросам). Говорить о прорывных успехах не приходится. Хуже, однако, то, что такое положение дел сопровождается обострением разнонаправленных геополитических и экономических интересов сторон и реанимацией старых подходов, которые вновь находят свое выражение на страницах важнейших основополагающих документов. Так, в климатической части утвержденного ООН в прошлом году «Пакта во имя будущего»²⁰ восстановлен, по сути, принцип общей, но дифференцированной ответственности, то есть то, что в течение многих лет переговоров пытались преодолеть во имя обеспечения универсального характера и экологической эффективности климатического режима.

Все это накладывает отпечаток не только на природный, но и политический климат.

Цвета и краски политической палитры климатического процесса

Если, как принято говорить, взглянуть на ситуацию с высоты птичьего полета, то можно увидеть, что проблематика изменения климата раскрашивает современную международную политическую палитру в цвета, отнюдь не радующие глаз.

США вновь выходят из ПС²¹. И теперь, на мой взгляд, уже безвозвратно. В этой связи ожидать от американцев участия в мобилизации отмеченных выше более чем амбициозных объемов финансовых ресурсов не приходится. Причем не только по линии ПС, но и РКИК (стороной которой США остаются), что прямо следует из соответствующего указа Президента США Д.Трампа²². При этом более важны даже не финансово-технологические и экологические аспекты, связанные с этим шагом (неучастие в общих усилиях и обусловленное выходом США снижение охвата мировых выбросов парниковых газов до 84,28%), а демотивирующая политическая составляющая: если это не нужно крупнейшей державе, мощнейшей экономике мира и одному из основных эмитентов парниковых газов, то почему должны «напрягаться» другие?

Базовый климатический международно-правовой инструмент по-прежнему сохраняет в себе рудиментарное наследие 30-летней давности, ограничивающее финансовую базу мер по борьбе с изменением климата и являющееся одним из главных факторов, подпитывающих противоречия между развитыми и развивающимися странами.

лении, практически не допускающем многовариантности национальных энергетических стратегий, переформатировать профильные финансовые потоки, вплоть до нормативного ограничения инвестиций в проекты, связанные с ископаемыми источниками энергии. Очень хорошо помню, как в 2017 году Германия - явно не без участия Брюсселя - сделала эту идею одной из центральных в рамках своего председательства в «Большой двадцатке». Реализовать ее так, как этого им бы хотелось, немецким переговорщикам тогда не удалось - в первую очередь благодаря твердой позиции нашей делегации.

Но своих «хитрых заходов» евронаперсточники не оставили. Пытаясь всеми правдами и неправдами обойти рыночные механизмы и добиться ограничения цен на традиционные энергоносители (понятно, с прицелом в первую очередь на российские), они все время повторяли (причем еще задолго до февраля 2022 г.) и продолжают повторять сегодня мантру про так называемое низкоуглеродное развитие. И не без скрытого умысла!

Данный термин весьма однокбок. Он на уровне нейропрограммирования фокусирует внимание рядовых граждан, не погруженных в специальные научные знания, прежде всего на углеродных факторах глобального потепления, связанных с использованием для энергогенерации нефти, газа, угля, что дает хитрецам от политики возможность шантажировать поставщиков традиционных энергоносителей (мол, эти виды топлива «вредоносные», их надо скорее выводить из потребления) и под бой барабанов эоактивистов пытаться влиять на ценообразование. Ловко! Не так ли? Однако, что уходит из поля зрения общественности? То, что изменение климата обусловлено воздействием множества газов, а не только диоксида углерода.

Да, CO₂ является наиболее важным парниковым газом, образующимся в результате сжигания ископаемых видов топлива, но его доля «ответственности» за потепление - от 64% до 73%. При этом широко навязанный нарратив ретуширует остальную (и весьма существен-

Жирной грязной кляксой на этой же палитре выделяется использование проблематики климата для прикрытия нечистоплотных политических схем и недобросовестной экономической конкуренции. Достаточно быть объективным внимательным наблюдателем, чтобы увидеть предпринимаемые Евросоюзом на различных международных площадках агрессивные попытки под флагом борьбы за экологию реструктурировать глобальный энергобаланс в выгодном для себя направ-

ную!) часть климатического досье - вклад в глобальное потепление метана²³ (его доля - около 19%), закиси азота (около 6%), фторсодержащих газов и т. д.²⁴.

Поэтому говорить о низкоуглеродном развитии (а тем более использовать это выражение в официальных материалах) можно лишь тогда, когда имеется в виду *оценка общей нагрузки* на климатическую систему, рассчитываемая *на основе условной единицы* - эквивалента CO₂²⁵, но никак не применительно к прикладным стратегиям экономического развития. И помнить: в итоговых документах Парижской конференции и в самом ПС нет понятия «низкоуглеродное развитие», а есть термины «стратегии долгосрочного развития с низким уровнем выбросов парниковых газов», «развитие при низком уровне выбросов парниковых газов» и «достижение сбалансированности между антропогенными выбросами из источников и абсорбцией поглотителями парниковых газов». А это совсем другая история! И у нее совсем другое «юридическое послевкусие». Фиксация в ПС именно таких формулировок была одним из достижений российской дипломатии.

И, конечно, свою лепту в повышение градуса климатических дискуссий вносят настойчивые попытки апологетов «климатического кризиса» вывести глобальное потепление на уровень угрозы международному миру и безопасности. В качестве аргументов используются ссылки на продовольственную безопасность, голод, конфликты за разделяемые водные ресурсы, тезисы о «климатических беженцах», влиянии изменения климата на риски нестабильности в различных регионах мира и т. д. В результате Совет Безопасности ООН уже не раз проводил встречи по связанной с климатом повесткой дня²⁶, что только отвлекает его от рассмотрения действительно горячих проблем войны и мира. Не давая очевидной добавочной стоимости по существу вопроса, это ведет лишь к политизации климатического процесса и подпитывает его антагонизмы.

Вот так политически заряжено и со множеством острых подводных камней выглядит международный климатический процесс.

Вместе с тем сегодня некоторые признаки - отмечаю это с удовлетворением - указывают на то, что лихорадочный пульс «климатической горячки», спровоцированной экологическим экстремизмом последних полутора десятилетий (веду отсчет от скандального климатического саммита 2009 г. в Копенгагене²⁷), начинает нормализовываться. Переломный момент международной жизни, который мы переживаем, все расставляет по своим местам. В последние годы вы не увидите климата в заглавных темах или в первых строках повестки дня саммитов не только таких значимых международных объединений, как, например, «Большая двадцатка», БРИКС, ШОС, АТЭС, но даже «Группы семи»²⁸. Это, конечно, не означает, что ему вовсе не уделяется внимание в текстах тех или иных итоговых документов, но общий нисходящий тренд уже просматривается. И это хорошо.

Убежден, проблему глобального изменения климата следует рассматривать с холодной головой, опорой на науку (в т.ч. - это особенно важно - национальную), воздерживаясь от алармизма, а тем более использования темы в узкокорыстных политических и экономических целях, и решать ее общесистемно наряду с другими глобальными экологическими вызовами, а не в сверхприоритетном по отношению к ним порядке. Так, как это, собственно,

Проблему глобального изменения климата следует рассматривать с холодной головой, опорой на науку (в т.ч. - это особенно важно - национальную), воздерживаясь от алармизма, а тем более использования темы в узкокорыстных политических и экономических целях.

и задумывалось по итогам Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 года, заложившей базовые принципы коллективного движения к устойчивому развитию. Изменять, а уж тем более подменять в угоду сиюсекундной конъюнктуре эти согласованные на основе консенсуса принципы было бы большой ошибкой со всех точек зрения - и научной, и политической²⁹.

Вывод из всего сказанного самый очевидный: только политический прагматизм в сочетании с научно выверенным подходом сохранит мировому сообществу шанс на достижение реальных результатов в рамках сотрудничества на климатическом треке.

¹Парижское соглашение было принято 12 декабря 2015 г. на 21-й сессии Конференции Сторон РКИК ООН в Париже (отсюда название соглашения); Киотский протокол - вступил в силу 16 февраля 2005 г.; Рамочная конвенция ООН об изменении климата вступила в силу 21 марта 1994 г.

²Резолюция Генассамблеи ООН A/RES/45/212.

³Страны с переходной экономикой, включая Российскую Федерацию, были выведены за рамки списка доноров, перечисленных в Приложении II к РКИК; соответственно, Россия не несет юридических финансовых обязательств по РКИК, касающихся предоставления помощи развивающимся странам.

⁴О всех перипетиях с принятием Дохийской поправки и крайне неприглядной роли Евросоюза в этом процессе я писал ранее (см.: *Шаманов О. «Киото-2»: «хромая утка» западноевропейской климатической дипломатии» // Международная жизнь. 2020. №11).*

⁵Решение 1/CP.17, FCCC/CP/2011/9/Add.1.

⁶По официальной информации, представленной к моменту принятия ПС самими сторонами, процентная доля в глобальных выбросах (в эквиваленте CO₂) составляла: Китай - 20,09%, США - 17,89%, Евросоюз - 12,08%, Россия - 7,53%, Индия - 4,1%, Япония - 3,79%, Бразилия - 2,48%, Республика Корея - 1,85%, Мексика - 1,7%, Индонезия - 1,49%, ЮАР - 1,46%. Следует пояснить, что в силу различного потенциала национальных метеослужб эти данные различались по степени свежести и точности. У группы развитых стран они относились к 2013 г., а у развивающихся - к диапазону 2000-2010 гг. Для общей оценки положения дел они были сочтены приемлемыми (Доклад 21-й Конференции Сторон РКИК, FCCC/CP/2015/10).

⁷Авторство этой формулы принадлежит моей давней коллеге по переговорам С.Бинниаз, на ту пору старшему советнику Офиса спецпосланника по

климату Госдепартамента США, высококлассному юристу, а главное - вдумчивому переговорщику, всегда открытому к взаимоуважительной и непредвзятой профессиональной дискуссии.

⁸По завершении всех необходимых внутринациональных процедур Россия стала стороной ПС 7 октября 2019 г.

⁹На основе данных научной платформы «EDGAR - The Emissions Database for Atmospheric Research». Несмотря на свою аффилированность с Еврокомиссией, в научном отношении она дает достаточно полную и объективную статистику по выбросам CO₂, поэтому используется в данной статье в качестве основного источника. По ряду указанных ранее причин (см. сноску 7) цифры по глобальным эмиссиям, приводимые в Докладе 21-й Конференции Сторон РКИК (FCCC/CP/2015/10), не обеспечивают научной полноты.

¹⁰Решение 2/CP.15, FCCC/CP/2009/11/Add.1.

¹¹Самые свежие статистические данные, имеющиеся на сегодняшний день, относятся к 2023 г.

¹²ВМО, «Состояние глобального климата в 2024 году», 2025 г.

¹³Выступление Исполнительного секретаря РКИК С.Стилла на форуме «Петерсбергский климатический диалог», Берлин, Германия, 25 марта 2025 г.

¹⁴МЭА, «Renewables 2024 - Analysis and forecast to 2030», октябрь 2024 г. По понятным причинам самые последние статистические данные, вошедшие в доклад, относятся в 2023 г.

¹⁵Пресс-релиз ОЭСР «Developed countries materially surpassed their USD 100 billion climate finance commitment in 2022 - OECD», 29 мая 2024 г.

¹⁶Решение 1/CMA/6 6-го Совещания Сторон ПС, FCCC/PA/CMA/2024/17/Add.1.

¹⁷Raising ambition and accelerating delivery of climate finance. Third report of Independent High-Level Expert Group on Climate Finance. November 2024.

- ¹⁸Jacques Delors Institute, «EU Member States' defence budgets»; в пересчете на доллары по текущему курсу // https://institutdelors.eu/content/uploads/2025/04/Infographie_Defense_UE_Part1_Budgets_A4_EN.pdf
- ¹⁹Boosting European defence expenditure // European Council // <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/european-defence-expenditure>
- ²⁰Пакт во имя будущего, А/RES/79/1.
- ²¹США перестанут быть стороной ПС 27 января 2026 г., Depositary Notification C.N.71.2025.TREATIES-XXVII.7.d
- ²²The White House, Presidential Actions: «Putting America First In International Environmental Agreements». Executive order, 20.01.2025 г.
- ²³Да, метан также относится к классу углеродов, но в указанном смысловом ряду, как правило, выпадает из поля зрения общественности.
- ²⁴Для правильного понимания климатической проблемы следует учитывать, что общие выбросы парниковых газов - это сумма эмиссий не только антропогенного происхождения, но и тех, что обусловлены естественно-природными процессами (и по ряду параметров, например, применительно к метану, доля естественных источников может быть весьма значительной).
- ²⁵В соответствии с принятой методологией для калькуляции оценки общего воздействия на климатическую систему эмиссии всех видов парниковых газов пересчитываются в эквивалент CO₂.
- ²⁶Впервые официальное заседание СБ ООН по теме «Изменение климата» состоялось в апреле 2017 г. по инициативе Великобритании. Позднее проводились встречи и в иных, неофициальных, форматах.
- ²⁷Подробнее см.: Шаманов О. «Киото-2»: «хромая утка» западноевропейской климатической дипломатии // Международная жизнь. 2020. №11.
- ²⁸Последние примеры подготовки на упомянутых площадках специальных документов по климату относятся к 2022 г.: «Statement by the Shanghai Cooperation Organisation Heads of State Council on climate change response» (16 сентября 2022 г.); G7 «Terms of Reference for the Climate Club» (12 декабря 2022 г.).
- ²⁹На сей счет имеется целый ряд соображений, однако это тема отдельного разговора, который в формат данной статьи не вписывается.

Олег Кобяков

*Директор Отделения ФАО для связи
с Российской Федерацией*

oleg.kobiakov@fao.org

Ключевые слова: *продовольственная безопасность, право на питание, состояние почв, экосистемы, Россия - донор программ ФАО, партнерство ФАО.*

ФАО: ПУТЬ ДЛИНОЙ В 80 ЛЕТ, ИЛИ МИР НЕ ПОСТРОИТЬ НА ПУСТЫЕ ЖЕЛУДКИ

80 лет, прошедшие со дня основания Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО) в далеком 1945-м, кардинально преобразили геополитическую картину мира. К немногим глобальным константам, оставшимся неизменными с того времени, можно отнести ФАО - специализированное учреждение ООН с глобальным мандатом в области продовольствия, сельского, лесного, рыбного хозяйства и развития сельских регионов.

Если же «большая» ООН была создана с целью «избавить грядущие поколения от бедствий войны», как записано в ее Уставе, то основной задачей, поставленной странами-учредителями перед ФАО, было освобождение человечества от голода. Свое 80-летие 16 октября 2025 года ФАО встречает в осмыслении успехов, неудач и новых вызовов на этом пути, сосредоточивая свой интеллектуальный потенциал и практические усилия для достижения целей и задач повестки XXI века.

Нынешний генеральный директор ФАО, китаец, доктор сельскохозяйственных наук, Цюй Дунъюй, избранный на этот пост в 2019 году и переизбранный на второй срок в 2023 году, в одном из своих первых выступлений сказал: «Меня предупреждали, что ФАО - организация старая, забюрократизированная и бедная. Но если с первым этим фактором я ничего не смогу поделать, то с остальными обещаю быстро разобраться!»

Д-р Цюй сдержал слово. К 80-летию юбилею ФАО подошла с заметно «похудевшим» аппаратом, с новой, понятной всем динамичной программой «Четыре направления улучшений» (производства, питания, окружающей среды и качества жизни), такими флагманскими инициативами, как «Одна страна - один приоритетный продукт», «Рука об руку» (взаимодействие развитых и развивающихся стран на платформе инноваций), «Тысяча цифровых деревень».

Это оценили доноры - на фоне общего кризиса финансирования собственный бюджет ФАО остается неизменным, а объем добровольных взносов вырос вдвое. Бюджет на 2026-2027 год, единогласно одобренный летом этого года на 43-й сессии Конференции, высшего органа ФАО, подтвердил поддержку курса Цюй Дунъюя странами-членами и позволяет с уверенностью строить и реализовывать планы на будущее.

Миссия выполнима, но сроки поджимают

В то время как человечество овладевает нанотехнологиями, осваивает искусственный интеллект и мечтает о колонизации Марса, такое позорное явление, как голод, остается горьким уделом сотен миллионов жителей нашей общей планеты.

На Саммите ООН по устойчивому развитию в 2015 году в рамках «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», определившей 17 Целей устойчивого развития, впервые была сформулирована цель окончательно ликвидировать голод. ЦУР-2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства» подразумевала полностью победить голод к 2030 году. Страны - члены ООН делают немало для достижения этой цели, но в реальности обозначенный эпохальный рубеж пока остается за горизонтом.

Вооруженные конфликты, стихийные бедствия, масштабируемые последствиями изменения климата, и экономические кризисы продолжают отбрасывать сообщество наций назад на пути к реализации Повестки-2030.

В 2024 году, по статистике ФАО, в мире насчитывалось от 638 млн голодающих до 720 миллионов, или каждый 11-й землянин. С учетом медианной оценки (673 млн) это указывает на снижение количества голодающих на 15 миллионов по сравнению с 2023 годом и на 22 миллиона по сравнению с 2022 годом. В будущем ожидается постепенное сокращение числа недоедающих в мире. И все же, по реалистическим прогнозам, к 2030 году с проблемой голода все еще будут сталкиваться 512 млн человек, почти 60% из которых будут проживать в Африке.

Сегодня умеренное или острое отсутствие продовольственной безопасности испытывают примерно 2,3 млрд человек. Недостаточен прогресс в масштабах сокращения неполноценного питания и отставания роста среди детей, а масштабы анемии у женщин в возрасте от 15 до 49 лет в мире выросли на 3% - с 27,6% до 30,7%.

В годовом исчислении средняя продовольственная инфляция в мире выросла с 5,8% в декабре 2020 года до ошеломляющих 23,3% в декабре 2022 года. Тяжелее всего пострадала экономика стран с низким уровнем доходов.

Физическая и экономическая недоступность здоровых пищевых рационов не только не обеспечивает нормальное питание для более чем 3 млрд человек, но влечет масштабные косвенные издержки в виде роста расходов на здравоохранение и недополученных доходов национальных бюджетов.

К 2030 году суммарные мировые расходы на здравоохранение, вызванные ростом инвалидизации и смертности, а также связанные с неполноценным питанием, могут превысить 1,3 трлн долларов в год.

У рукотворных бед и стихийных напастей есть имена

Основные факторы хронического голода и тяжелого отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания, согласно аналитическим выкладкам ФАО, сводятся к следующему:

Вооруженные конфликты - по-прежнему ключевой фактор, затрагивающий примерно 140 млн жителей 20 стран и территорий. Массовый голод подтвержден в Судане, а среди горячих точек, население которых сталкивается с катастрофическим уровнем, по терминологии ФАО, «тяжелого отсутствия продовольственной безопасности», - Гаити, Мали, сектор Газа и Южный Судан.

Экономические потрясения, включая инфляцию и девальвацию валюты, обрекли на страдание от голода 59,4 млн человек в 15 странах, и этот показатель по-прежнему - несмотря на незначительное снижение по сравнению с данными за 2023 год - практически вдвое превышает допандемийные уровни. Ряд наиболее крупномасштабных и затяжных продовольственных кризисов, в том числе в Афганистане, Йемене, Сирии и Южном Судане, были обусловлены прежде всего экономическими потрясениями.

Экстремальные погодные явления, в частности вызванные Эль-Ниньо засухи и наводнения, привели к тому, что 18 стран охватил продовольственный кризис, от которого пострадали более 96 млн человек, особенно с серьезными последствиями в южных частях Азии и Африки, а также в регионе Африканского Рога.

Протекционизм и автаркия контрпродуктивны

Неприятная тенденция: С 2020 года удорожание продовольственной корзины неизменно опережает общую инфляцию, что указывает на особую уязвимость агропродовольственных систем и подчеркивает настоятельную необходимость выбора приоритетов продовольственной политики при макроэкономическом планировании.

ФАО, будучи по своей философии рыночной организацией, выступает за соблюдение принципов свободного рынка и потому считает контрпродуктивными такие протекционистские

меры, как экспортные запреты и квоты, заградительные пошлины (если только это не временные чрезвычайные ограничения, вызванные дефицитом продовольствия), и тем более решительно выступает против санкций и искусственных барьеров в продовольственной сфере.

«Перед лицом глобальных потрясений протекционистская политика или политика автаркии контрпродуктивны. Нам нужны скоординированные глобальные действия, основанные на общей ответственности, солидарности и надежной базе, - постулировал генеральный директор ФАО д-р Цюй Дунъюй и добавил: - Прогресс требует быстроты реакции, всеохватности и решительных действий. Мы должны охватить все сообщества - сельское и городское население, женщин и мужчин, детей и пожилых людей, приняв своевременные, справедливые и эффективные решения. Давайте действовать прямо сейчас, не ограничиваясь одним только энтузиазмом, но проявляя деятельную решимость, чтобы покончить с голодом, при этом никого не забыть и не оставить позади».

Право на питание - первооснова благополучия

Право на питание является одним из основополагающих прав человека. На сегодняшний день это положение записано в конституциях 30 государств, национальных законах, разного рода доктринах и концепциях свыше 100 государств.

Почему это важно знать: В 2022 году здоровое питание не могли позволить себе более 2,8 млрд человек. Этот пример вопиющего неравенства проявляется наиболее заметно в странах с низким уровнем дохода, где здоровый рацион не по карману 71,5% населения, в то время как в странах с высоким уровнем дохода этот показатель составляет всего 6,3%. Между тем в мире производится достаточно продовольствия, чтобы полностью и даже с избытком накормить все население планеты.

Что делает ФАО: Принятые Советом ФАО в ноябре 2004 года «Добровольные принципы» - фундаментальный документ, который определяет все виды деятельности, необходимые и достаточные, которые государства должны предпринять для реализации права человека на достаточное питание. Несмотря на то, что документ носит рекомендательный,

а не обязательный характер, большинство стран мира со всей ответственностью подходят к его реализации.

Российская Федерация закрепила право на питание в Доктрине продовольственной безопасности, согласно которой физическая и экономическая доступность пищевых продуктов гарантируется для каждого гражданина.

Почвы - это источник пищи, сытости и выживания

«Нашему растущему населению требуется больше питательных и безопасных пищевых продуктов, не содержащих загрязняющих веществ и патогенов, - подчеркивает генеральный директор ФАО д-р Цюй Дунъюй. - Страны должны взять на себя более масштабные обязательства в отношении устойчивого управления почвенными ресурсами».

Почему это важно знать: Производство продовольствия в мире почти на 95% зависит от состояния почв. Между тем почвы подвергаются все большей нагрузке вследствие неустойчивых методов ведения сельского хозяйства, чрезмерной эксплуатации природных ресурсов и роста численности населения.

Треть почвенного покрова уже подверглась деградации. По оценкам экспертов, к 2050 году эрозия почвы может привести к снижению на одну десятую (!) объема производства сельскохозяйственных культур.

Что делает ФАО: Во-первых, активно продвигает использование таких современных технологий, как спутниковый мониторинг, геоинформационные системы (ГИС) и искусственный интеллект, а также развивает Глобальную систему информации о почвах (GLOSIS) для интеграции данных на региональном и глобальном уровнях.

Разработана глобальная программа «Доктора для почв», которая предполагает обучение фермеров, повышение их осведомленности в области устойчивого управления почвами, а также оказание поддержки национальным правительствам и заинтересованным сторонам (НПО и частный сектор) в удовлетворении потребностей сельских сообществ.

Функционирует Глобальная система информации о почвах (GloSIS) - это платформы для интеграции и анализа почвенной информации. Проект направлен на стандартизацию данных, создание карт и внедрение цифровых технологий через Международную сеть почвенных информационных институтов (INSII). Онлайн-платформа GloSIS Discovery Hub предоставляет доступ к данным и аналитическим инструментам, а программы обучения уже охватили 127 стран.

Пилотный проект RECSOIL, поддержанный ФАО в контексте глобальных усилий по смягчению последствий изменения климата, служит важной инициативой, направленной на борьбу с выбросами парниковых газов через фиксацию углерода в почвах.

Леса и климат: уравнение со знаком плюс

Урожайность даров леса зависит от климата, от того, какая была зима, какой был год, сколько накоплено влаги, не было ли поздних заморозков, как рано наступила зима. Изменение климата влияет решающим образом на лесной покров, его масштабы, воспроизводство и, конечно, на лесные продукты.

Почему это важно знать: Леса в контексте изменения климата в глобальном масштабе выполняют ключевую функцию по поддержанию углеродно-кислородного баланса атмосферы, почвы и зеленой массы леса. Неоценим вклад российских лесов в обеспечение продовольственной безопасности, в наполнение пищевых рационов не только в плане калорий, но и как поставщиков питательных микронутриентов и витаминов.

Что делает ФАО: Главными тремя направлениями деятельности ФАО на этом треке являются поощрение «механизма восстановления лесов и ландшафтов», проект «Действия против опустынивания» и Инициатива по лесовосстановлению, которая финансируется Глобальным экологическим фондом (ГЭФ).

- Существует технология LiDAR, построенная на 3D-картировании высокого разрешения, что позволяет своевременно обнаружить структурные изменения и произвести точную оценку запасов.

- Для дистанционного зондирования лесов применяется многоспектральная съемка, для чего используются спутники «Landsat», «Sentinel-2» и «MODIS». Эта технология позволяет отслеживать вырубку лесов и проводить оценки лесной биомассы.

- Применяются и беспилотники с многоспектральными датчиками, что обеспечивает доступ к удаленным районам и позволяет проводить мониторинг лесонасаждения и оценку лесовосстановления.

Рыба ждет! Ждет уважительного к себе отношения

Потребление продуктов из водных животных на душу населения увеличилось с 9,1 кг в 1961 году до 20,7 кг в 2022 году. При этом рыбная отрасль обеспечила около 15% животного белка для питания, а в некоторых странах Азии и Африки этот показатель превысил 50%.

Рыболовный и аквакультурный сектор имеет особое значение для мировой экономики в плане обеспечения занятости и доходов населения. Около 600 млн человек, включая членов семей, по статистике, заняты в первичном и вторичном (перерабатывающем) секторах, а также в натуральном хозяйстве.

Продукты из водных биоресурсов, констатируют эксперты ФАО, - одна из наиболее востребованных групп продовольственных товаров в мире: в торговле ими участвуют более 230 стран и территорий.

Злободневная проблема - сбережение водных биоресурсов, то есть поддержание ресурсов или их восстановление до уровней, при которых могут быть обеспечены максимальная устойчивая добыча (вылов) и биологическое разнообразие. Эта задача записана в ЦУР-14: «Сохранять и рационально использовать океаны, моря и морские ресурсы в интересах устойчивого развития».

Почему это важно знать: Доля морских рыбных ресурсов, эксплуатируемых сегодня на уровне, обеспечивающем биологическую устойчивость, продолжает снижаться - сейчас она составляет 62,3% (-2,3%). Сдержанный оптимизм вызывает тот факт, что для десяти морских видов, добываемых в самых больших объемах, этот показатель равен 78,9%.

Что делает ФАО: В рамках инициативы ФАО «Голубая трансформация» реализуется три задачи: содействие устойчивому развитию аквакультуры в целях удовлетворения растущего спроса на пищевые продукты из водных биоресурсов, обеспечение эффективного управления сектором рыболовства, модернизация производственно-сбытовых цепочек пищевых продуктов из водных биоресурсов.

На семь бед один ответ, или Подход «единое здоровье»

Подход «Единое здоровье», признающий взаимосвязь людей и экосистем, направлен на достижение устойчивого равновесия между здоровьем людей, животных - сельскохозяйственных и домашних питомцев - а также фауны и флоры окружающей среды.

Почему это важно знать: Сложность современных проблем здравоохранения - от устойчивости к противомикробным препаратам (УПП) и антропозоонозных заболеваний до рисков безопасности пищевых продуктов и угроз здоровью, связанных с климатом, - требует ответа в виде комплексного подхода «Единое здоровье».

Это подход предлагает способ предотвращения кризисов в области здравоохранения, сокращения экономических потерь, укрепления глобальной безопасности в сфере здравоохранения и комплексное и эффективное обеспечение устойчивого развития.

Что делает ФАО: Участвует в Четырехстороннем партнерстве, объединяющем ФАО, Всемирную организацию по охране здоровья животных (ВОЗЖ), Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) и Программу ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Акцент приходится на накопление объемов экспертных знаний и фактических данных для скоординированного обмена информацией и «лучшими практиками» между странами.

Угроза: патогены, не восприимчивые к антибиотикам

Рост масштабов и неизбирательный характер применения противомикробных препаратов в агросекторе (например, для профилактики, а не лечения заболеваний животных, в качестве стимуляторов роста) наряду с такими микробиологическими стрессорами, как загрязнение окружающей среды, создали благоприятные условия для развития лекарственной устойчивости микроорганизмов. Например, бактерии в воде, почве и воздухе могут приобрести такие свойства после контакта с устойчивыми микроорганизмами.

Почему это важно знать: Только в 2022 году в общей сложности 1,15 млн человеческих смертей были вызваны устойчивостью к противомикробным препаратам (УПП). К 2050 году, если не предпринимать мер, воздействие УПП на животноводство может привести к сокращению мирового ВВП на 40 млрд долларов в год. Во многих странах по-прежнему применяют противомикробные препараты для стимулирования роста, причем 76% из них не проводят предварительный анализ рисков.

Лекарственно устойчивые микроорганизмы, в том числе бактерии, вирусы, грибки и паразиты, могут возникать и распространяться среди людей, животных и растений, а также в окружающей среде. Они не знают границ и представляют всеобщую угрозу. Это явление диктует необходимость глобальных, региональных и национальных усилий по борьбе с УПП в рамках подхода «Единое здоровье».

Что делает ФАО: За счет российского добровольного взноса ФАО создала Региональную лабораторную сеть по УПП в пищевой продукции и сельском хозяйстве в странах Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии (ВЕЗЦА). В нее вошли лаборатории Армении, Беларуси, Казахстана, Монголии, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. В рамках проекта Центральный НИИ эпидемиологии Роспотребнадзора получил статус регионального референтного центра ФАО, а таких у нас всего девять в мире.

Как сказал руководитель ЦНИИЭ академик Василий Акимкин, его институт «проводит обучение специалистов из стран-партнеров ВЕЗЦА методам молекулярной диагностики при идентификации бактерий и идентификации генетических маркеров УПП. За семь лет работы уже обучено более 300 специалистов».

Институтом также разработана Национальная программа по системному молекулярно-генетическому эпиднадзору за циркулирующими на территории России геновариантами антибиотикорезистентных микроорганизмов в рамках концепции «Единое здоровье».

Опылители и медоносы - «наше все»

Опыление играет важную роль в агропродовольственных системах, обеспечивая производство более 75% мировых культур, включая злаки, фрукты, овощи, орехи и кофе. Помимо повышения урожайности, опылители улучшают качество и разнообразие пищевых продуктов.

Более 200 тыс. видов животных являются опылителями, подавляющее большинство из которых - дикие, включая бабочек, птиц, летучих мышей и более 20 тыс. видов пчел.

Пчелы и другие опылители служат индикаторами здоровья окружающей среды. Сегодня они находятся в зоне риска вследствие деградации среды обитания, неустойчивой сельскохозяйственной деятельности, изменения климата и загрязнения окружающей среды.

Почему это важно: Сокращение популяции пчел ставит под угрозу производство продовольствия, увеличивает затраты и усугубляет проблему голода и недоедания, особенно для сельских общин.

Что делает ФАО:

- Оказывает многообразную техническую помощь странам-членам по внедрению современных эффективных практик пчеловодства, начиная с научно обоснованного севооборота медоносов до селекционной работы с использованием методов генной инженерии и улучшения маркетинга меда и медопродуктов.

- Осуществляет координацию Международной инициативы по опылителям, отслеживая состояние их популяций и предлагая решения для управления опылением для устойчивого ведения сельского хозяйства.

ФАО считает, что каждый из нас может сделать что-то полезное, чтобы защитить пчел-опылителей, ибо, говоря словами писателя и гуманиста Антуана де Сент-Экзюпери, «мы в ответе за тех, кого приручили».

Ключ к преобразованию продовольственных систем

Цифровизация и инновации являются важнейшими факторами преобразования продовольственных систем, но на этом пути встают преодолимые, но не всюду и не всегда преодоленные барьеры.

Почему это важно знать: В список решаемых, но пока не решенных проблем эксперты ФАО включают неразвитую «цифровую инфраструктуру», что проявляется в неустойчивом сигнале в сельских и особенно отдаленных районах, не всегда доступную цену внедрения инноваций для мелких фермерских хозяйств, пробелы в законодательстве и отсутствие государственной программы по насыщению аграрного сектора высокими технологиями.

Что делает ФАО:

- Во-первых, это оптимизация управления сельскохозяйственными процессами, включая ведение учета, в том числе бухгалтерского учета, администрирование, прогнозирование и планирование использования ресурсов.

- Во-вторых, это сбор данных с ферм в реальном времени, дистанционное управление многими процессами, сокращение потребности в ручном труде и повышение эффективности ведения сельского хозяйства.

- В-третьих, это обеспечение вспомогательных инструментов для принятия решений на основе собранных данных, содействие в реализации стратегических решений, предоставление услуг.

- В-четвертых, предоставление рекомендаций и утилитарной информации для ведения сельского хозяйства производителям и другим работникам аграрного сектора.

- В-пятых, укрепление рыночных связей, расширение доступа к средствам производства, предоставление информации о ценах, продуктах и услугах.

- В-шестых, облегчение доступа к таким финансовым услугам, как банковские онлайн-операции, кредитование, страхование и субсидирование.

- В-седьмых, обеспечение прослеживаемости продуктов и повышение прозрачности производственно-сбытовых цепочек, а также контроль за товарными потоками от места производства до потребителя.

- Наконец, гендиректор ФАО д-р Цюй Дунъюй, выросший в семье рисовых фермеров из китайской глубинки, выдвинул и активно развивает «Инициативу цифровых деревень», к которой по всему миру присоединилось уже больше 1 тыс. сельских поселений.

Молодежь в роли драйвера роста

Как и в других организациях системы ООН, в ФАО выстроена слаженная система подбора и подготовки молодых специалистов, призванная обеспечить потребности Организации

в высококвалифицированных и мотивированных работниках, верящих в высокие идеалы и готовых посвятить себя служению всему человечеству.

Для выпускников вузов в ФАО открыты программы стажировок, программы для молодых специалистов и специалистов младшего звена, программы для ученых-исследователей. Те из них, кто показывают необходимые компетенции и убедились в правильности выбранного пути, получают хорошие шансы продолжить профессиональную карьеру в одном из 150 офисов ФАО по всему миру и ее римской штаб-квартире.

Московское бюро ФАО использует программу стажировок для пополнения своей команды. За последние годы стажировку в офисе прошли десять недавних выпускников, в частности и МГИМО, восемь из которых продолжили работать в ФАО в качестве консультантов.

ФАО регулярно, два раза в год, приглашает молодых выпускников вузов и студентов профильных специальностей на стажировки, в том числе в Московском офисе, региональном отделении ФАО в Будапеште и штаб-квартире.

Интересно, что генеральный директор д-р Цюй одним из первых своих решений после назначения летом 2019 года создал Комитет молодежи (который остряки окрестили «комитетом комсомола»). Шутки, однако, быстро сошли на нет и сменились поддержкой после того, когда новая структура с энтузиазмом взялась за дело и вскоре возглавила всю работу Организации по инновациям!

Гендерное равенство: незакрытый гештальт

Женщин часто не признают в качестве полноправных фермеров из-за преобладающего убеждения, вернее предубеждения, что сельское хозяйство - это «мужская работа». Неслучайно, чтобы развеять это мнение, по инициативе ФАО 2026 год объявлен Генассамблеей ООН Международным годом женщины-фермера.

Почему это важно знать: Женщины составляют 43% от общего числа занятых в сельском хозяйстве, но они до сих пор сталкиваются с существенной дискриминацией в том, что касается доступа к ресурсам, владения землей и домашним скотом, равной оплаты труда, участия в работе директивных органов, доступа к кредитам и финансовым услугам.

Работа женщин в сельском хозяйстве нередко рассматривается в качестве «вспомогательной» и часто не оплачивается. Кроме того, женщины зачастую не имеют доступа к официальному образованию и услугам по распространению сельскохозяйственных знаний, что приводит к ухудшению их и без того неблагоприятного положения в секторе.

Что делает ФАО: Организация противится дискриминации на двух уровнях: на правительственном уровне выступает в поддержку политики, направленной на содействие гендерному равенству; на индивидуальном уровне формирует у женщин навыки ведения предпринимательской деятельности и составления бизнес-планов в целях повышения их независимости и расширения возможностей быть вовлеченными в местную экономику.

Показателен опыт работы ФАО на этом треке в странах нашего региона. Так, проект на Западных Балканах показал, что одних изменений в законодательстве недостаточно. Юристы должны разъяснять семейным парам, занимающимся фермерством, преимущества и последствия совместной регистрации. В Грузии и Албании ФАО помогала женщинам наладить коллективную работу на основе мирового опыта кооперации в сельском секторе.

В Узбекистане, Таджикистане и Турции ФАО работает над расширением потенциала (компетенций и навыков) представителей профильных директивных органов по разработке, реализации и мониторингу политики с учетом гендерной проблематики.

Россия приходит на помощь как донор программ ФАО

Помимо ежегодного обязательного взноса в бюджет ФАО и взноса на содержание Московского офиса ФАО, Российская Федерация вносит единовременные целевые взносы на финансирование проектов ФАО по чрезвычайной помощи и техническому содействию развитию агросектора в третьих странах.

Значительным вкладом в операцию по ликвидации вспышки пустынной саранчи в Африке в 2020 году стал взнос России в размере 10 млн долларов. Дважды Россия направляла средства на поддержание и восстановление аграрного сектора Сирийской Арабской Республики (САР) - в общей сложности они превысили 12 млн долларов.

Не менее значимым было финансирование (6 млн долл.) программы по развитию школьного питания в Армении, Кыргызстане и Таджикистане.

Важными и своевременными были взносы на мониторинг антибиотикорезистентности в странах ВЕЗЦА и устойчивое почвопользование (соответственно 3,3 и 5 млн долл.).

Наконец, в 2025 году Россия внесла 3 млн долларов на проекты развития климатически сбалансированного земледелия в пяти странах Сахеля и трех странах Ферганской долины - Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане.

За десять лет работы Московского бюро ФАО (2016-2025 гг.) суммарный добровольный взнос России на осуществление различных проектов ФАО превысил 50 млн долларов, что примерно в пять раз больше расходов ФАО на содержание этого офиса.

Вместе с тем в ФАО убеждены, что Россия, которую нынешним летом Всемирный банк перевел в категорию стран с высоким уровнем доходов, может больше как донор, и рассчитывает на новые российские добровольные взносы в фонд программ техсодействия ФАО.

Партнерство: география обширна и расширяется

Территориальная компетенция Отделения ФАО в Москве не ограничивается границами России. Отделение ФАО обеспечивает взаимодействие ФАО с Евразийской экономической комиссией и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), а также способствует участию ФАО в мероприятиях БРИКС.

Страны БРИКС оказывают все более глубокое влияние на положение дел в агросекторе и продовольственной безопасности в глобальном масштабе. Московское бюро ФАО поддерживает контакты с каждым государством, которое председательствует в объединении в соответствии с принципом ротации. Это бюро (Московский офис) представлял ФАО почти в дюжине мероприятий, проведенных в рамках председательства России в БРИКС в 2024 году.

Возьмемся за руки, друзья!

Окончательно побороть голод можно только консолидацией усилий всех заинтересованных сторон на самых разных уровнях. Заявляя, что к 2030 году при текущем развитии событий ЦУР-2 выполнена не будет, ФАО не берется спрогнозировать сроки победы над голодом.

В то же время победа над голодом остается достижимой целью. Ее сроки полностью зависят от того, когда мировое сообщество решится на скоординированные инвестиции и политические действия, направленные на трансформацию глобальных продовольственных систем.

ФАО в соответствии с ЦУР-17 (Партнерство в интересах устойчивого развития) приветствует и поддерживает усилия заинтересованных сторон, включая такие авторитетные международные организации, как ШОС, БРИКС и многие другие, и готова совместно работать с ними для выработки амбициозной и реалистичной программы достижения устойчивого развития после 2030 года.

ФАО следует предостережению творца «зеленой революции» лауреата Нобелевской премии мира Нормана Борлоуга: «Мир не построить на пустые желудки». Эта мантра не менее значима, чем записанный на нашем логотипе девиз на латинском: «Fiat panis», что означает: «Да будет хлеб!», равно как и нынешний девиз ФАО: «Четыре направления улучшений».

На протяжении всей истории человечество преследовали четыре всадника Апокалипсиса - голод, болезни, война и смерть. Настало время остановить эту роковую упряжку и обеспечить мирную, здоровую и счастливую жизнь всем людям на планете!

- СССР был в числе основателей ФАО, однако в силу ряда причин не вступил в организацию ни в 1945 году, ни позднее, но с 1987 года получил статус наблюдателя. В 1993 году правительство РФ открыло Бюро постоянного наблюдателя при ФАО в рамках Посольства России в Италии.

- Россия вступила в ФАО в 2006 году. Бюро постоянного наблюдателя было преобразовано в Постоянное представительство.

- В 2010 году было создано самостоятельное Постоянное представительство Российской Федерации при ФАО и других международных организациях сходного профиля в Риме.

- 5 февраля 2015 года было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и ФАО об учреждении Отделения ФАО для связи с Российской Федерацией в Москве, которое начало работу в 2016 году.

Ольга Лебедева

*Профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД
России, доктор исторических наук*

o.lebedeva@mgimo.ru

Ключевые слова: *народная дипломатия, многополярный мир, сетевые площадки, международное гуманитарное сотрудничество, «мягкая сила», гуманитарная дипломатия.*

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В РОССИИ. ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО И ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

Сегодня, в эпоху политической турбулентности и неопределенности, в условиях невозможности решения некоторых задач на политическом уровне, особенно востребованными оказываются вспомогательные каналы дипломатического взаимодействия. Выбор того или иного формата обусловлен многими факторами - региональной спецификой, характером двусторонних отношений и опытом практического взаимодействия России с конкретным государством, степенью вовлеченности других заинтересованных сторон (неправительственных участников) в продвижение национальных интересов на международной арене.

В многополярном миропорядке Россия заинтересована в расширении круга стран-единомышленников, составляющих основу мирового большинства - противников «порядка, основанного на правилах», который коллективный Запад пытается представить как универсальную модель мироустройства. Для этих целей оказывается недостаточным наращивать контакты исключительно по официальным дипломатическим каналам. Традиционно весомую роль в поступательном выстраивании двусторонних отношений играли контакты в экономической сфере. В наши дни не менее важное значение отводится гуманитарному треку. Какое место занимает народная дипломатия в комплексе инструментов международного сотрудничества?

Народная дипломатия как инструмент международного взаимодействия

На текущий момент существуют многочисленные смежные понятия, предполагающие вовлечение в дипломатию различных игроков - государств и представителей негосударственного сектора (бизнеса, научно-академического сообщества и гражданского общества). В зависимости от субъектного состава можем выделить гуманитарную, народную, или общественную дипломатию. Ключевое отличие заключается в том, что государство (органы власти, зарубежные представительства) в гуманитарной дипломатии выступают в качестве непосредственных участников, а в народной (общественной) оказывают содействие неправительственным институтам. В России к таким институтам относятся департаменты МИД России - ДМГК (гуманитарные связи), ДМО (гуманитарная помощь), ДМПЧ (права человека), ДРС (работа с соотечественниками за рубежом), ДСКЦ (реагирование на чрезвычайные ситуации и оказание помощи в стихийных бедствиях), ДИП (информационно-разъяснительная работа), РЗУ, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) и его зарубежные представительства (центры науки и культуры, «русские дома»), а также в ряде случаев отдельные органы исполнительной и законодательной власти федерального, регионального и муниципального уровней.

Гуманитарная дипломатия включает разные направления деятельности государств и неправительственных сторон по наращиванию гуманитарных связей в сфере культуры, науки и образования, спорта и туризма, взаимодействия молодежи. Некоторые зарубежные авторы сводят гуманитарную дипломатию к двум аспектам - защите прав человека и реагированию на гуманитарные кризисы, спровоцированные военно-политическими конфликтами¹, стихийными бедствиями и чрезвычайными ситуациями². В российском научном сообществе доминирует расширенный подход. Под гуманитарной дипломатией чаще понимается совокупность мер и мероприятий гуманитарного характера (в Концепции внешней политики Российской Федерации от 2023 г. соответствующие цели и задачи закреплены в разделе «Международное гуманитарное сотрудничество»³), а также разрешение гуманитарных кризисов и развитие сотрудничества в сфере защиты прав человека⁴.

Потенциал народной (общественной) дипломатии более востребован в рамках международного гуманитарного сотрудничества. Вместе с тем отдельные правозащитные неправительственные организации вносят весомый вклад в поиск механизмов и обеспечение защиты основополагающих прав и свобод человека. На фоне неблагоприятной эпидемиологической обстановки, чрезвычайных ситуаций неправительственные субъекты также играют важную роль в практической реализации национальных и международных инициатив.

С народной дипломатией не следует путать понятие публичной дипломатии. Ее главная цель заключается в том, чтобы с помощью различных методов добиться изменения общественного мнения, а именно - восприятия государства зарубежной аудиторией⁵. Большое внимание уделяется информационной политике, совершенствованию работы СМИ и новых медиа, особенно с учетом перехода к новому научно-технологическому укладу⁶. При этом публичная дипломатия включает различные подвиды (форматы и механизмы) взаимодействия - цифровую, экспертную и научную, культурную дипломатию, а ее участниками, как и в гуманитарной дипломатии, могут стать государства. Таким образом, использование понятия публичной дипломатии предусматривает фокусирование на формировании благоприятного имиджа государства за рубежом, в первую очередь с помощью «мягкой силы».

Как и другие направления внешней политики и дипломатии России, народная дипломатия носит многоуровневый характер. Взаимодействие по гуманитарным вопросам осуществляется

в двусторонних и многосторонних форматах, в том числе в рамках классических международных и региональных организаций, а также на более гибких, сетевых площадках, таких как БРИКС, Форум партнерства «Россия - Африка», Группа стратегического видения «Россия - исламский мир». Отдельного внимания заслуживает изучение механизмов функционирования диалоговых структур, которые по мере развития деятельности в межфорумный период приобретают статус полноценных системных институтов развития⁷.

Отечественная народная дипломатия: от истории к современности

Несмотря на то, что традиционно дипломатия рассматривается исключительно как средство разрешения споров мирным путем и предотвращения военно-политических конфликтов⁸, гуманитарный трек с момента существования древних государств занимал видное место в арсенале инструментов дипломатического взаимодействия. Богатый исторический опыт в данной сфере удалось накопить и Российскому государству.

Исторически первой формой гуманитарного сотрудничества, зародившейся в Древней Руси, выступала религиозная дипломатия. В Древнерусском государстве обращение в христианство княгини Ольги и князя Владимира, а также последующее крещение Руси было призвано обеспечить налаживание политических отношений с Византийской империей. В дальнейшем приверженность православной религии позволила сохранить самобытные особенности русской культуры в эпоху татаро-монгольского ига. После объединения отдельных княжеств вокруг Москвы и образования Московского царства православие легло в основу концепции «Москва - Третий Рим», которая бы обеспечивала укрепление международного имиджа новообразованного государства как центра притяжения стран и народов православного мира.

Развитию религиозных связей отводилось особое внимание и по мере освоения Московским царством, а затем Российской империей новых территорий. Процесс проникновения на новые земли сопровождался усложнением ландшафта гуманитарного пространства. Традиционную славянскую и древнерусскую культуру и православие дополняли обычаи и традиции, религии и верования местных народов и народностей. Российскими правителями делалась ставка на уважение социокультурных особенностей местного населения. Благодаря этому удалось не только не допустить крупных сопротивлений по мере продвижения России на Восток, но и сформировать особую культуру мирного сосуществования многонационального многоконфессионального народа в рамках единого государства. Таким образом, современная российская цивилизация может выступать в качестве региональной проекции модели многополярного миропорядка, фундаментом которого является культурно-цивилизационное многообразие.

Если на первом этапе своего развития гуманитарная дипломатия имела второстепенное значение, то по мере усиления позиций России на международной арене «мягкая сила» стала важнейшим инструментом укрепления ее статуса великой державы. Показательным примером экспорта российской культуры за рубеж могут служить Дягилевские сезоны - театральные гастроли под руководством известного деятеля Серебряного века, антрепренера С.П.Дягилева с 1908 по 1921 год. Благодаря его инициативе балетные и оперные спектакли, поставленные преимущественно на русские мотивы, были представлены широкой публике в Париже, Вене, Лондоне, Монако, немецких и итальянских городах, а в годы Первой мировой войны - в США.

В советскую эпоху гуманитарная дипломатия была ориентирована на решение стратегической внешнеполитической цели по расширению советского влияния в мире, в первую очередь в странах социалистического блока и третьего мира. В эти годы для решения гуманитарных задач начинают все активнее привлекаться неправительственные участники, развитие получают

полуформальные и неформальные каналы взаимодействия с внешними партнерами (на уровне отдельных лиц - выдающихся деятелей культуры, науки, организаций).

Новаторством гуманитарной внешней политики СССР становится то, что она приобретает системный характер. Стимулом этому послужило создание в 1925 году Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС, с 1958 г. - Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, ССОД). Помимо центрального аппарата ВОКС, а затем ССОД, средства гуманитарной дипломатии включали разветвленную сеть загранпредставительств - обществ, ассоциаций, комитетов дружбы, республиканских обществ культурной связи, отраслевых секций. Перед объединением ставились две ключевые цели: нарастить гуманитарные связи со странами-союзниками и обеспечить продвижение за рубежом советского опыта в гуманитарной сфере, включая достижения в области культуры, науки и образования⁹.

Примечательно, что если первоначально основными региональными направлениями были страны ближнего зарубежья и Азии, то в дальнейшем география расширялась за счет всех без исключения регионов мира. После преобразования ВОКС в ССОД за 15 лет была открыта 21 новая точка за рубежом в восточно-европейских, азиатских, африканских и латино-американских странах. В 1980-х годах появляются новые центры в государствах Западной Европы.

В компетенцию ССОД входила организация выставок, культурно-просветительских мероприятий, реализация мер по продвижению русского языка. В практику вошло проведение фестивалей, конференций. В рамках информационно-пропагандистской работы обеспечивалась отправка более 450 периодических изданий за рубеж, а сам ССОД вместе с АПН издавали газету «Московские новости» на русском, английском, арабском, испанском и французском языках, также ССОД издавал ежемесячный журнал «Культура и жизнь» на русском, английском, испанском, немецком и французском языках.

Отдельный элемент «мягкой силы» в советский период - деятельность эмигрантов (представителей «белой эмиграции» в довоенный период, диссидентов в эпоху холодной войны). Выдающиеся ученые, писатели, поэты, философы стремились не просто сохранить самобытную национальную культуру, но и популяризировать ее за рубежом. При этом часто их деятельность находила широкую поддержку среди иностранцев, признание со стороны зарубежных коллег. В качестве одного из примеров вспомним первого отечественного нобелевского лауреата (Нобелевская премия по литературе в 1933 г.) И.А.Бунину, юбилей которого отмечается в 2025 году. Помимо создания выдающихся произведений литературы, Иван Алексеевич читал лекции.

Нередко дома белых эмигрантов использовались для проведения культурных салонов и литературных вечеров; под покровительством отдельных мигрировавших из России/СССР меценатов открывались дома моды (как, например, дом «Ирфе» Ирины и Феликса Юсуповых), заведения традиционной русской кухни. В частности, одним из первопроходцев продвижения отечественной гастрономической культуры выступал Л.А.Аронсон. В его кафе-ресторане часто собирались представители интеллектуальной элиты.

Существенный вклад в формирование положительного имиджа страны за рубежом внес первый космонавт, уроженец Советского Союза Ю.А.Гагарин. После полета в космос он выступал в различных странах, а его зарубежные турне стали называть «миссией мира». Его задача гуманитарной дипломатии заключалась в том, чтобы в условиях острого геополитического, экономического и идеологического противостояния СССР и США добиться благоприятного расположения иностранных граждан к советскому народу, культуре, а также повысить уровень объективного восприятия внутренней жизни в Советском Союзе.

Огромное значение с точки зрения изменения отношения к Советскому Союзу имело проведение таких крупных мероприятий на территории СССР, как Всемирный фестиваль молодежи и студентов в 1957 году и летние Олимпийские игры 1980-го года. Организация обоих мероприятий

дополнялась богатой культурной программой для гостей-иностранцев, которая позволила им ближе познакомиться с достопримечательностями различных регионов страны, обычаями и особенностями отдельных народов. Оба мероприятия посетили представители как социалистических, так и капиталистических стран. Гуманитарный трек и народная дипломатия стали охватывать новые направления сотрудничества - взаимодействие молодежи, спорт и туризм.

Все вышеобозначенные направления международного гуманитарного сотрудничества, как и другие аспекты гуманитарной дипломатии (чрезвычайное реагирование, гуманитарная помощь, защита прав человека), занимают одно из ключевых мест во внешнеполитической повестке Российской Федерации. Причем если на этапе становления России в 1990-х годах эти сюжеты были вторичными по отношению к политическому и экономическому треку, то сегодня они представляют самодостаточный вектор отечественной дипломатии. Изменению отношения к гуманитарному направлению международной деятельности в России способствовало повышение заинтересованности к взаимодействию с внешними партнерами и реальной возможности вовлечения в продвижение национальных интересов государства со стороны неправительственных игроков. Именно в гуманитарных областях практические навыки, опыт и знания субъектов народной дипломатии были наиболее востребованными.

После осознания несостоятельности модели однополярного миропорядка, ограниченности возможностей России в случае развития отношений исключительно с западным миром начинается новый этап концептуального развития отечественной дипломатии, старт которому положил Е.М.Примаков. Сторонник «избирательного партнерства» с Западом, многовекторной внешней политики на основе национальных интересов новый министр иностранных дел в своей «доктрине Примакова» заложил фундамент будущей дипломатии России на несколько десятилетий вперед¹⁰. Новый политический нарратив требовал корректировки идейно-ценностной парадигмы. Была сделана ставка на закрепление за Россией статуса государства-цивилизации, а стратегическим приоритетом стало содействие в формировании многополярного мира¹¹.

К середине 2000-х годов структурные изменения в глобальном геополитическом ландшафте стали очевидными. Как отмечал О.В.Степанов, попытки «интегрировать Россию в клуб угнетателей» обернулись провалом¹². Возрастало количество приверженцев идеи многополярного мира, неотъемлемым элементом которого было бы обеспечение культурно-цивилизационного многообразия. Первостепенной задачей российского руководства становится превращение России в один из политико-экономических центров нового мироустройства. Для обеспечения стране достойного и соответствующего ресурсному потенциалу места в системе международных отношений усилия сосредотачиваются на имиджевых аспектах.

В этот же период впервые в концептуальных документах подчеркивается важность гуманитарных связей (ранее гуманитарная составляющая сводилась к проблеме прав человека и помощи в чрезвычайных ситуациях). В Концепциях внешней политики от 2008¹³ и 2013 годов¹⁴ популяризация и продвижение российской культуры, прежде всего русского языка, развитие партнерств цивилизаций, рассматриваются как инструмент по повышению объективного восприятия страны за рубежом. С 2008 года начинает функционировать Россотрудничество, активизируют деятельность неправительственные организации, появляются новые экспертные площадки.

Новым толчком концептуального развития и институциональной трансформации послужило начало специальной военной операции, которое буквально обнажило назревавшие уже не один год тенденции мирового развития. По словам министра иностранных дел России С.В.Лаврова, предпринимаются попытки «агрессивного насаждения вседозволенности» и «деструктивных моделей поведения», до абсурда доводится идея толерантности¹⁵. Размывание норм морали на Западе снижает потенциал коллективного реагирования на многочисленные вызовы и угрозы современности. Для выживания государства в экзистенциальном противостоянии с адептами

«порядка, основанного на правилах», требуется созидательная, конструктивная политика на основе консенсуса мирового большинства, которому чужды либеральные идеологемы. Начинает усиливаться работа по отстаиванию традиционных духовно-нравственных ценностей. Такие ценности сегодня служат основой сплочения вокруг России стран-единомышленников.

Народная дипломатия - есть ли будущее?

В этой связи логично встает вопрос: есть ли будущее у потенциала народной дипломатии в условиях тотальной антироссийской кампании, регулярных усилий коллективного Запада вытеснить нашу страну с мировой арены как неудобного игрока? Есть ли у научного сообщества и гражданского общества возможности, которые бы помогли защитить самостоятельность России?

Неоспоримым преимуществом современной палитры инструментов дипломатического взаимодействия представляется многообразие форматов, методов и площадок сотрудничества с внешними партнерами. Широкие возможности перед народной дипломатией России связаны с развитой разветвленной институциональной системой. Дополнительным стимулом развития народной дипломатии на гуманитарном направлении стало образование в структуре МИД России Департамента по многостороннему гуманитарному сотрудничеству и культурным связям (ДМГК). К новому подразделению перешли координирующие полномочия в сфере международного гуманитарного сотрудничества, ранее осуществляемые Россотрудничеством.

Среди прочего, создание департамента способствовало активизации практических контактов по линии неправительственных участников, в том числе на полях крупнейших мероприятий, значимых для укрепления имиджа государства. Совместно с другими правительственными институтами и фондами (крупнейшие - фонд «Росконгресс», Федеральное агентство по делам молодежи «Росмолодежь») регулярно организуются международные и региональные форумы и конгрессы, причем часто они проходят синхронно с саммитами и министерскими встречами. Это позволяет бизнесу, гражданскому обществу и научному сообществу согласовывать свои действия с приоритетами государственной политики, которые обозначают политические деятели на пленарных сессиях.

Несмотря на турбулентную геополитическую обстановку, за последние годы Россия успешно провела ряд масштабных спортивных и культурно-просветительских мероприятий в различных городах России. В Сочи дважды прошел Всемирный фестиваль молодежи, в Казани - Игры стран СНГ и Игры БРИКС, в разных городах стран СНГ, включая российские регионы, - Дельфийские игры, Игры стран СНГ. Обсуждение ключевых проблем развития государства, его международных связей и перспектив разрешения глобальных проблем современности велось в рамках международных образовательных форумов «Территория смыслов», «Евразия Global», «Байкал» и многих других.

Немаловажную роль сыграли молодежь, спортсмены, выдающиеся деятели культуры и искусства. Во время пребывания иностранных гостей в России для них разрабатывалась специальная культурная программа, которая позволяла ближе узнать о традициях, обычаях, особенностях народов, проживающих не только в столице, но и в удаленных уголках страны. Налаживание неформальных связей между российскими гражданами и иностранцами заложило почву для дружественных связей России со странами-единомышленниками из Азии, Исламского мира, Африки, Латинской Америки, некоторых европейских государств.

Вопреки целенаправленной информационной кампании против Российского государства продолжило меняться его восприятие со стороны внешних партнеров. Среди российской общественности укрепилось понимание отсутствия угрозы полной изоляции страны на международной арене. Более того, удалось подтвердить, что односторонние незаконные ограничительные меры могут вызывать временные трудности в политических отношениях между странами,

но не служить препятствием в развитии связей между отдельными гражданами даже недружественных государств.

Другим важным направлением гуманитарного сотрудничества, где может быть востребован потенциал народной дипломатии, остается оказание гуманитарной помощи. В данном случае отечественные НПО действуют в тесной координации с ДМО МИД России. Неправительственные организации предоставляют дополнительные источники финансирования проектов, реализуемых организациями системы ООН, а их привлечение к участию в дискуссиях и поиске решений на многосторонних конференциях по реагированию на гуманитарные кризисы помогает деполиitize механизм взаимодействия донора и реципиента¹⁶.

В отличие от отдельных политических национальных и многосторонних структур их деятельность основывается на анализе ситуации «на местах», учете реальных потребностей пострадавших стран. Снижается риск необоснованных «гуманитарных интервенций», направленных на решение политических задач, а не на адекватное урегулирование гуманитарных кризисов в нуждающихся странах.

Новым словом в народной дипломатии стало развитие сетевых форматов взаимодействия. По сравнению с классическими международными организациями им не свойственна жесткая иерархия, преобладает горизонтальный механизм сотрудничества. Сетевые площадки более открыты для всех заинтересованных сторон, носят инклюзивный характер¹⁷, а значит - представляют широкое поле возможностей не только для малых и средних государств (первичных субъектов мировой политики), но и для неправительственных субъектов. Сетевую дипломатию России характеризует многоуровневость и многовариативность форматов.

На глобальном уровне ключевой такой площадкой выступает форум БРИКС, объединяющий государства-члены и некоторые страны-единомышленники (государства - партнеры БРИКС, участники форматов БРИКС-плюс и БРИКС-аутрич). Гибкость и акцент на разнотемпной модели развития позволяет привлекать к участию в работе БРИКС те страны, которые на текущий момент не готовы к полноправному членству в объединении, либо не полностью удовлетворяют требованиям членства. С другой стороны, политика в отношении так называемого «внешнего контура» помогает подготовить их к дальнейшему присоединению. В 2025 году такой статус получили Беларусь, Боливия, Индонезия (позже ставшая полноправным членом), Казахстан, Куба, Малайзия, Таиланд, Уганда и Узбекистан.

Государства, заинтересованные в сотрудничестве с БРИКС, как правило, уделяют особое внимание экономическому и гуманитарному направлениям как более мягким формам наращивания международных связей. Это означает, что в практическом взаимодействии особую роль играют бизнес, неправительственные организации, научно-аналитические центры. Контакты на уровне представителей общества способствуют адаптации потенциальных членов к идеологии БРИКС, более глубокому пониманию мировоззренческой основы его деятельности.

О широте гуманитарной деятельности БРИКС свидетельствует наличие разнообразных площадок - Национального комитета по исследованию БРИКС, в составе которого действует Научный совет, Сетевого университета, Молодежного и Студенческого советов. Регулярно проходят тематические форумы с привлечением видных религиозных деятелей, представителей научного сообщества и гражданского общества, крупных частных корпораций, молодежи. Параллельно с этим реализуются культурно-просветительские и научно-образовательные проекты, ориентированные на повышение осведомленности граждан, проживающих в странах БРИКС и других государствах, в отношении особенностей форума БРИКС, его роли в многополярном миропорядке и противодействии глобальным вызовам и проблемам современности.

Помимо БРИКС существуют более узкие с точки зрения географии форматы - Группа стратегического видения «Россия - Исламский мир» и форум партнерства «Россия - Африка». Их работа

позволяет учитывать специфические особенности региона, выстраивать контакты с многосторонними объединениями и неправительственными участниками. Создание Группы стратегического видения послужило стимулом укрепления международного сотрудничества отдельных российских регионов, в которых подавляющее большинство населения исповедует ислам. Зачастую драйвером развития гуманитарной дипломатии в таких регионах выступали авторитетные деятели культуры и представители духовенства. Неформальные контакты играют роль подспорья проникновения России и на африканский континент. Востребованность «мягких», менее чувствительных форм сотрудничества с государствами Африки побудила дополнить политический саммит экономическим и гуманитарным форумом.

Еще одними гибкими сетевыми механизмами народной дипломатии выступают диалоговые и дискуссионные площадки. Практика проведения ежегодных форумов и конгрессов, «круглых столов» и конференций постепенно закрепились как самодостаточный инструмент международного сотрудничества. Вместе с тем обратим внимание, что фонды, организующие подобные мероприятия, реализуют проекты и в межфорумный период с учетом достигнутых в ходе тех или иных событий результатов обсуждений и договоренностей. Как следствие, возрастает значимость диалоговых структур не только как вспомогательных механизмов по изучению вопросов глобальной повестки, но и как инструментов поиска и практической реализации конкретных решений.

¹Богатырева О.Н. Гуманитарная дипломатия. Современные концепции и подходы // Международные процессы. 2022. №20(1). С. 166-191; Constantinou C. Humanitarian diplomacy as moral history // Peacebuilding. 2022.

²Тромогласова Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: исследование. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 124 с.

³Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. Официальный сайт МИД России. 2023 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 16.08.2025) //

⁴Практика современной гуманитарной дипломатии / Под редакцией Д.А.Кузнецова. М.: Эдитус, 2022. 206 с.

⁵Долгинский А.В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО. 2011. №2. С. 275-280; Fisher G.H. Public Diplomacy and the Behavioral Sciences. Bloomington. 1972. P. 4.

⁶Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. №2. С. 37-47.

⁷Столков Д.С. Дипломатия диалоговых структур и площадок: Фонд Росконгресс // Международная жизнь. 2023. №12. С. 35.

⁸Бордачев Т.В. Дипломатия после процедуры // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. №2. С. 116.

⁹Пофффе А.Е. Деятельность зарубежных обществ дружбы с Советским Союзом // Вопросы истории. 1966. №3.

¹⁰Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века // Внешняя политика и безопасность современной России (1991-1998). Хрестоматия в 2-х т. Т. 1. Кн. 1 / Сост. Т.А.Шакалина М.: МОНФ, 1999. С. 179-195.

¹¹Концепция внешней политики Российской Федерации. 2000 г. // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 16.08.2025).

¹²Степанов О.В. Россия самоосвобожденная // Россия в глобальной политике. 22.09.2022.

¹³Концепция внешней политики Российской Федерации. 2008 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 16.08.2025).

¹⁴Концепция внешней политики Российской Федерации. 2013 г. // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 16.08.2025).

¹⁵Лавров рассказал о важности сохранения традиционных ценностей в России // Международная жизнь. 01.11.2023 // URL: <https://interaffairs.ru/news/show/43017> (дата обращения: 16.08.2025).

¹⁶Шаталов А.С. Донорские конференции ООН высокого уровня как инструмент мобилизации международного финансирования // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. №4. С. 74-89.

¹⁷Бурганова И.Н. Феномен сетевой дипломатии в системе международных отношений (на примере Российской Федерации) // МНИЖ. 2016. №6-1 (48). С. 120-123.

Григорий Машков

Посол по особым поручениям, председатель в Режиме контроля за ракетной технологией в 2021-2022 гг., член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации

DNKV@mid.ru

Ключевые слова: новые технологии, критически важные технологии, искусственный интеллект ИИ, квантовые технологии, чипы, микроэлектроника, редкоземельные элементы.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Цель поставлена предельно конкретно: в области технологического развития Россия должна быть конкурентоспособна по ключевым направлениям.

В.В.Путин. Выступление на заседании Совета по науке и образованию 6 февраля 2025 г.

Мир переживает четвертую промышленную революцию. Помимо открывающихся беспрецедентных возможностей научно-технический прогресс сопряжен с серьезными рисками и угрозами международной безопасности, которые уже начинают реально выкристаллизовываться и будут все более отчетливо проявлять себя в дальнейшем.

Внедрение в жизнь передовых технологических решений постепенно ведет к изменению военно-политического ландшафта в мире, переосмыслению основ стратегической стабильности, расширению сферы соперничества между странами, качественному скачку возможностей вооружений и военной техники, коренной трансформации военных конфликтов и появлению новых форм и способов ведения войны. Повышается динамика конфликтов, усиливается фактор нестабильности и неопределенности, снижается роль человека в принятии решений о задействовании летальных средств поражения.

Развитие новых технологий (НТ) опирается на уже существующий научный и производственный фундамент в конкретных странах и имеет свою внутреннюю динамику, которая определяется многими факторами. «Перепрыгнуть» стадии развития без серьезных внутренних усилий или внешнего содействия практически невозможно. Локомотивами инновационных процессов в военной области являются разные игроки: в США - это гражданский бизнес и наука, работающие в том числе и по заказам Пентагона, в Китае - это военно-промышленный

комплекс (ВПК), который неразрывно связан с гражданским сектором (military-civic fusion), в России - это преимущественно ВПК и военная наука. Эти исторически сформировавшиеся движители влияют на уровень эффективности инновационного процесса, темпы развития и внедрения ноу-хау в военную сферу и требуют разных подходов к их управлению. В частности, в США возникает проблема изучения гражданского рынка новаций и привлечения гражданских наработок в военную сферу, в России, наоборот, серьезным вызовом является конверсия военных достижений в гражданское производство.

Сфера охвата новых технологий четко не определена и разнится в национальных юрисдикциях. В докладе Генсекретаря ООН по тематике потенциального воздействия последних достижений науки и техники на международную безопасность и разоружение (июль 2024 г.) выделяются искусственный интеллект (ИИ) и автономность, беспилотные системы, цифровые технологии, биология и химия, космические и аэрокосмические технологии, электромагнитные технологии, технологии производства материалов¹. В списке Национальной стратегии критических и новых технологий администрацией США, непосредственно связанных с национальной безопасностью, определены 18 областей².

Новые технологии находятся на разных этапах зрелости, и временные рамки их массового внедрения в военную сферу варьируются. На одних направлениях, таких как ИИ³, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), гиперзвук, беспилотные летательные аппараты (БПЛА) разной степени автономности, они уже активно внедряются в военные дела и задействуются в зонах конфликтов. На других, например квантовые технологии (КТ)⁴, только начинают использоваться в военных целях, и их массовое применение прогнозируется в перспективе пяти-десяти лет, а некоторые вообще находятся на уровне теоретических разработок.

В большинстве стран передовые научные исследования и разработки в различных областях, особенно в военной, носят закрытый характер. Дать полную оценку реальному положению дел в плане прогресса в некоторых областях на основе открытых источников весьма затруднительно, что создает дополнительные сложности по части прогнозирования, мониторинга, регулирования таких технологий и управления ими, а также при стратегическом планировании и обновлении военных доктрин.

Новые технологии стали неотъемлемой частью стратегий национальной безопасности развитых стран и возведены в ранг приоритетных. В науку и технологии вкладываются значительные финансовые ресурсы - около 1,1 трлн долларов ежегодно. Государства стимулируют высокотехнологичные исследования и разработки, стартапы; бизнесу, работающему в высокотехнологических сферах, оказывается максимальное содействие (финансовое и правовое) со стороны госструктур; идет ускоренная подготовка высококвалифицированных специалистов в перспективных областях, одновременно усиливается национальный контроль за распространением передовых ноу-хау.

Еще один немаловажный аспект - это риски, связанные с конвергенцией науки и технологий на основе междисциплинарного взаимодействия конкретной технологической области с новейшими и уже существующими технологиями. В частности, по оценке ООН, речь идет о сочетании ИИ и автономности, ИКТ, ИИ и КТ, ИИ и науки о жизни, биологии и ИКТ, и наконец, ядерного оружия, ИКТ и ИИ⁵. Подобная конвергенция может увеличивать разведывательный потенциал противника, повышать эффективность управления войсками и ударной мощи.

Развитие новых технологий происходит на фоне жесткого военно-политического и экономического противостояния и отсутствия какого-либо доверия между противоборствующими центрами силы. Тенденция к обострению ситуации носит долгосрочный характер. Это предопределяет невозможность налаживания равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в инновационной сфере, а тем более обеспечения доступа к новым технологиям. По сути, западные

политические элиты открыто ведут линию на формирование неокOLONиализма технологического типа, где малая группа стран, обладающих передовыми технологиями, будет диктовать свои условия технологически менее развитому большинству.

Новые технологии вписаны в концепцию глобального доминирования США и их западных союзников и уже сейчас играют ключевую роль в процессе ее реализации. По мере раскрытия потенциала их роль, особенно в военной сфере, будет возрастать. Инновации становятся константой глобальной политики, которая будет формировать неотехнологические полюсы притяжения. Степень обладания новыми технологиями будет определять место каждой страны в новом формирующемся миропорядке.

Использование новых технологий в военной сфере пока еще слабо регламентируется на многостороннем уровне. В последние годы наблюдается повышение внимания международного сообщества к формированию правовой основы регулирования инновационных процессов. На профильных площадках данная тематика постепенно интегрируется в повестку дня заседаний: КБТО, КЗХО, ДНЯО, Группы правительственных экспертов по смертоносным автономным системам КНО, Конференции по разоружению (КР), Первого комитета ГА ООН, а также экспортно-контрольных режимов.

США вместе со своими союзниками активно работают в многосторонних форматах в целях формирования выгодных им и контролируемых ими международно-правовых механизмов сотрудничества в области новых технологий с прицелом на недопущение в эту сферу «авторитарных режимов». Под началом США формируются технологические альянсы, которые являются, по сути, закрытыми «клубами», доступ в которые без их согласия запрещен. Появляются многочисленные инициативы, нацеленные на продвижение интересов западных «передовиков». Анализ диалога на многосторонних площадках показывает, что международное сообщество еще далеко от понимания того, как вести дела в сфере новых технологий и на какие итоговые результаты выходить.

Основной прогресс по всему спектру новых технологий сконцентрирован в двух глобальных центрах - США (и их союзников) и Китае. В настоящее время между этими крупными игроками по сути развернулась гонка «на опережение» за овладение новыми технологиями, которые становятся значительным фактором в борьбе за влияние на мировые процессы.

Американская политическая элита исходит из того, что передовые технологии (advanced technologies) трансформируют мир, и использует их как ключевой инструмент для продвижения своих «демократических» ценностей. Навязываемая Вашингтоном весьма размытая концепция «технологий для добра» призвана изолировать противников (читай: Китай и Россию) от технологических процессов «демократических» стран.

По поручению Президента США Д.Трампа разрабатывается национальная стратегия обеспечения безусловного лидерства в критических и новых технологиях в XXI веке. Ставка делается на повышение эффективности инвестиций в научно-исследовательскую деятельность, снятие внутренних регуляторных ограничений при принятии решений и стимулирование экспорта высокотехнологичной продукции. Одновременно предпринимаются шаги по защите интеллектуальной собственности, недопущению проникновения стратегических соперников в инновационную структуру США и их союзников и цепочки поставок материалов, ограничению доступа к чувствительной информации за счет усиления национальной системы экспортного контроля.

Вашингтон стремится через новые технологии еще больше консолидировать свои военно-политические альянсы, все сильнее привязывая к себе своих традиционных союзников и партнеров. Одновременно американцы активно работают на отрыв стран, которые тяготеют к их соперникам и противникам за счет технологических и инвестиционных подачек. Индия, Филиппины и некоторые другие азиатские страны через инновационное военно-техническое сотрудничество втягиваются в западные региональные объединения. Вашингтон также целенаправленно предпринимает шаги антироссийской и антикитайской направленности в Африке и Латинской

Америке. Активная работа по разрушению традиционного взаимовыгодного партнерства с Россией ведется Вашингтоном на постсоветском пространстве (Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан). По мере роста значения новых технологий в достижении целей развития тактика политического воздействия на страны через предоставление доступа к технологиям будет получать все большее развитие.

Пекин в своих доктринальных документах заявляет о намерении достичь технологической самостоятельности и к 2035 году стать лидером в области инноваций, интегрировать новые технологии в экономический рост, национальную безопасность и модернизацию вооруженных сил страны, а к 2050 году иметь современную армию, которая сможет противостоять глобальным конкурентам и противникам. За последние 20 лет расходы на НИОКР в КНР выросли более чем в 100 раз - с 5 млрд долларов до 600 миллиардов, а общие расходы на новые технологии с 0,5% до 2,8% к ВВП. Китайские компании уже сейчас удерживают лидерство в 37 из 44 отраслей производства новых технологий.

Значительные средства в развитие передовой науки вкладывают и наиболее развитые страны Европейского союза (Франция, Германия, Италия, Финляндия и др.), а также Великобритания, Швейцария, Япония, Республика Корея, Израиль и Австралия. Их программы инновационного развития на ближайшую перспективу делают акцент на ИИ, КТ, полупроводники и микроэлектронику. При этом некоторые определяют и свои специфические приоритеты. Так, Франция в качестве стратегической цели поставила задачу стать третьей в мире в сфере квантовых вычислений, Республика Корея - сохранить долю в мировом производстве полупроводников и микроэлектроники на уровне не ниже 20%.

К числу наиболее активно и широко задействованных в военных делах технологий специалисты относят искусственный интеллект. Разработки ИИ сконцентрированы в относительно небольшой группе государств и осуществляются в основном частными компаниями. Уже на данном этапе ИИ активно используется в автономных системах и в системах принятия военных решений на оперативном, тактическом и стратегическом (неядерном) уровнях, логистическом обеспечении, в средствах управления, связи и разведки, робототехнических комплексах, включая БПЛА, а также в киберпространстве.

Для США лидерство в области ИИ - безусловный приоритет. На эти цели выделено 500 млрд долларов (проект Stargate). Стремительно догоняет США Китай. Символом китайских достижений стал запуск в январе 2025 года генеративной языковой модели DeepSeek, которая по основным параметрам практически сравнялась с разработками американской OpenAI.

Вашингтон и ряд его союзников активно продвигают свою повестку в области ИИ на международных площадках, а также в двух- и многосторонних форматах. В ноябре 2023 года Госдепартамент США опубликовал политическую декларацию «Об ответственном военном применении ИИ и автономных систем вооружений» (политдекларация по ИИ), к которой присоединилось более 50 стран. С подачи Нидерландов и Республики Корея проводятся саммиты по ответственному использованию ИИ в военных целях (Responsible AI in the military domain - REAIM). Россию туда не приглашают. REAIM позиционируется как платформа для обмена мнениями и подготовки к будущей дискуссии по военному ИИ на профессиональных площадках. Основной фокус западных стран - на сохранении «человеческого контроля» при принятии решений о применении ядерного оружия. Нидерланды объявили о намерении вынести инициативу REAIM в Первый комитет ГА ООН.

Динамично развиваются *квантовые технологии*. Перспективы задействования КТ в военных делах до конца еще не ясны. В настоящее время прилагаются значительные усилия по коммерциализации КТ в таких областях, как вычисления, связь, криптография и создание новых приборов на принципах квантовой механики (датчики, дальномеры, камеры, радиочастотные антенны, гироскопы и акселерометры, гравиметры, гравитационные градиентометры и магнитометры)⁶.

В ближайшей перспективе все эти приборы позволят оптимизировать логистику, планирование и проведение военных операций, повысят потенциал сбора развединформации, скоростную обработку и передачу данных, сделают более точной навигацию и т. д.

Мировые инвестиции в квантовые исследования за последнее десятилетие достигли 25 млрд долларов (государственное и частное финансирование). Несомненными лидерами в КТ являются США и Китай, а также ЕС и Япония.

В 2020 году США инвестировали в развитие КТ 1,2 млрд долларов. С 2021 года ежегодно на цели развития КТ выделяется более 800 млн долларов. Основные усилия направлены на развитие цифровых квантовых компьютеров и внедрение квантовой технологии для создания антенн радиочастотного диапазона.

С начала 2000-х годов КНР инвестировала в КТ 15 млрд долларов. Ведет строительство крупнейшего в мире центра квантовых исследований (около 10 млрд долл. инвестиций). К 2030 году будет создана национальная инфраструктура квантовой связи.

КТ также занимаются Великобритания, Германия, Нидерланды, Республика Корея, Тайвань, Израиль, Япония. Систематические квантовые исследования проводятся Австрией, Швецией, Данией и Швейцарией. В 2022 году в ряде стран (США, Нидерланды, Финляндия, Франция) началось строительство инфраструктуры для производства критических компонентов квантовых устройств. Страны стремятся выстроить полный цикл производства: от компонентов квантовых вычислений до периферии и программного обеспечения для квантовых вычислений. Россия занялась квантовыми технологиями только в 2020 году.

Реализация программ ИИ и КТ невозможна без *микроэлектроники*. Развитые страны вкладывают в эту область огромные средства. Темпы ее роста весьма внушительные. Так, например, по экспертным оценкам, объем рынка микрочипов увеличится с нынешних 700 млрд долларов до 940 млрд долларов к 2030 году.

В последние годы наблюдается стремление ряда стран к освобождению от электронной зависимости и локализации производства микрочипов. Администрация США выделила на эти цели более 10 млрд долларов. Подписан президентский указ, запрещающий технологическим компаниям использовать чипы, произведенные вне страны. Ужесточены ограничения на экспорт готовых чипов и американских технологий по их производству в Китай.

КНР, в свою очередь, стремится догнать США в области микроэлектроники, вкладывает средства в научно-исследовательские разработки в этой сфере, развивает собственное производство современных чипов и необходимого оборудования.

Для производства электроники, в том числе и для военных целей, требуются редкоземельные металлы. В целях обеспечения непрерывных поставок критических минералов (80% их добычи сконцентрировано в Китае) США изучают возможности разработки многих материалов на шельфе морского дна, в других странах, формируют альянсы и логистические цепочки поставок. На саммите «Группы семи» (2023 г., в Японии) запущен план по критическим минералам, на встрече в верхах в Кананаскисе в 2025 году - программа действий, которую поддержали руководители Австралии, Индии и Республики Корея. В сентябре этого года в Чикаго под председательством США пройдет конференция по критическим материалам и минералам⁷.

Проблематика *гиперзвукового вооружения* весьма подробно освещена в моей статье «Гиперзвуковое оружие: стратегический прорыв или стратегический вызов»⁸. В свете быстрого развития гиперзвукового оружия на Западе на передний план выходит задача создания в России надежного щита от этого вида ракетных вооружений, что потребует новых технологических решений, включая усиление космического сегмента.

Отдельного внимания заслуживает проблематика *беспилотных летательных систем*. Уже сейчас очевидно, что их использование меняет характер военных конфликтов. Беспилотники способны выводить из строя бронетехнику, опорные пункты, системы связи, транспорт, живую силу

противника. Кроме того, дроны активно используются для разведки, контрбатарейной и радиоэлектронной борьбы, для минирования и разминирования местности. По мнению военных экспертов, более 70% боевых действий в зоне СВО осуществляется с помощью БПЛА. Их вклад в контроль над воздушными пространствами (разведку, выявление скоплений живой силы противника, вооружения и военной техники (ВВТ), а также нанесения ударов по ним) неограничен и по мере развития беспилотной авиации будет только возрастать. В этой области сохраняется немало вызовов, ответы на которые еще предстоит найти, включая укрепление национальной системы ПВО, способной эффективно противостоять дронам, в том числе роевым с использованием ИИ.

Внедрение новых *информационно-телекоммуникационных технологий* в западных странах подчинено задаче обеспечения превосходства над потенциальными противниками в области связи и управления. США и их союзники ведут линию на полную автоматизацию всех функций боевого управления, формирование единого информационного пространства с новой безопасной средой и с доступом возрастающего количества пользователей к хранящейся и циркулирующей информации. Так, в последнее время в ВС США создается интегрированная инфоструктура, объединяющая в единый комплекс системы разведки, высокоточные системы поражения и командования и управления в контексте широкой роботизации войны и внедрения ИИ. Инфоструктура выстраивается в виде федерации систем открытой архитектуры, которые могут модернизироваться, интегрироваться, сливаться с другими системами или удаляться в ходе совершенствования глобальной инфраструктуры⁹.

Военные космические и аэрокосмические технологии. Уже сейчас Пентагон рассматривает космос как арену будущих боевых действий, при этом не только в целях сдерживания, но и для нанесения поражения противнику. Усилились тенденции к созданию национальных ПРО и противоспутниковых систем. Продолжает разворачиваться ракетное оружие, нацеленное на объекты в космосе на низкой околоземной и геостационарной орбитах. Уже проводятся испытания противоспутникового оружия по реальным мишеням в космосе. США впервые продемонстрировали возможность прямого перехвата космического аппарата в любой точке орбиты с использованием морских противоракет ПРО. Противоспутниковым потенциалом обладает уже развернутый наземный эшелон ПРО американского континента.

Космические технологии применяются для решения задач раннего предупреждения, навигации, наблюдения и связи. Идет интеграция спутниковых систем в единую информационно-телекоммуникационную сеть - основу применения разведывательных и ударных систем, а также высокоточного оружия в будущих войнах. Ведется реконфигурация военной спутниковой связи. Получают развитие многоспутниковые системы на базе малых космических аппаратов (МКА).

Продолжается разработка оружия направленной энергии. Активизируются исследования по лазерному и СВЧ оружию космического базирования. Финансируются проекты по пучковому оружию.

Военно-космическими программами сегодня располагают США, Китай, Канада, Великобритания, Германия и Франция.

В докладе ООН по новым технологиям отдельное внимание уделено *химии и биологии*. Достижения в этих областях ускоряются и становятся все более взаимозависимыми. В последнее время наблюдаются случаи применения химических веществ в качестве оружия, а новые возможности редактирования гена, полагают эксперты, могут использоваться для совершенствования агентов в предыдущих программах по биологическому оружию (БО) или созданию новых форм БО.

В странах Запада (прежде всего недружественных к нам) сконцентрировано большинство передовых технологий и инновационных решений. Делиться с нами своими ноу-хау недруги не намерены, наоборот - они делают все, чтобы ограничить нам доступ к инновациям и сдерживать

развитие нашего экономического и военного потенциала. Да и наши друзья не очень-то торопятся делиться с нами своими наработками, хотя получили от нас в свое время много технологий, которые позволили им создать передовую научно-промышленную базу. Так что при решении задач технологического обновления Россия вынуждена в основном полагаться на себя.

Определить уровень инновационного развития нашей страны, особенно в контексте обеспечения национальной безопасности, - дело весьма непростое. Согласно Глобальному инновационному индексу 2024 года, Россия (из 133 исследуемых стран) находится на 59-й позиции по общим показателям (США - 3, Китай - 11), на 46-й - по высокотехнологическому производству (США - 22, Китай - 11), на 56-й - по высокотехнологическому экспорту (США - 20, Китай - 1) и на 43-й - по импорту (США - 10, Китай - 8)¹⁰. Школа им. Кеннеди Гарвардского университета в своем Индексе критических и новых технологий (июнь 2025 г.) ставит Россию на 3-е место в области космоса, 11-е - в ИИ, на 14-е - в сфере биотехнологий, на 18-е - в полупроводниках и на 23-е - в сфере КТ (из 25 исследуемых стран). Данные показатели весьма красноречивы: Россия позиционируется в обоих исследованиях в диапазоне от 30-й до 50-й позиции по стобальной шкале.

Причин, по которым мы не входим в первую десятку, много, и они разноплановые. И в них надо серьезно разбираться. Это и исторические, и политические, и экономические, и финансовые, и структурные, и даже философские.

Назрела необходимость проведения глубокого всестороннего анализа состояния дел в России в области критических и новых технологий, рисков и угроз для безопасности России, связанных с их ускоренным внедрением у наших противников, и выработки комплексной стратегии для их купирования. При этом данная стратегия должна отражать не только нынешний статус-кво России, но и учитывать динамику технологического развития нашей страны и других стран на длительную перспективу. Задачи, которые стоят перед нами в сфере новых технологий, - не из легких. Тем не менее важно ставить загоризонтные цели уже сейчас и определять конкретные пути их достижения, учитывая опыт инновационного развития прежде всего «передовиков». Потенциал у России для решения этих задач достаточен.

Исторически ситуация в области новых технологий складывалась для России не лучшим образом. После прекращения существования СССР российская политическая элита пошла на сближение с Западом и отказалась от самостоятельного научно-технологического развития, а российский бизнес легко вписался в процесс глобализации в качестве поставщика сырьевых ресурсов. Ставку сделали на закупку новых технологических продуктов за рубежом. Советский потенциал, в том числе промышленная база, был постепенно утрачен. Сейчас нам приходится восполнять упущения прошлых десятилетий. Технологическое перевооружение России выдвигается в качестве ключевого приоритета и становится императивом. Без инновационного прорыва вряд ли удастся решить и вопросы долгосрочного социально-экономического развития страны и проблемы ее национальной безопасности.

В последние десятилетия для укрепления технологического суверенитета страны делается немало. Но посыл к этому идет скорее извне, а не изнутри. Разрабатываются национальные программы обеспечения технологического лидерства в различных областях. Указом Президента России №529 от 18 июня 2024 года утверждены приоритетные направления научно-технологического развития и перечень важнейших наукоемких технологий¹¹. Одобрена Концепция технологического развития на период до 2030 года¹². На регулярной основе проводятся совещания с участием президента по конкретным инновационным направлениям (ИИ, КТ, химия, космические технологии¹³). Вместе с тем о полном успехе говорить не приходится. Динамика научно-технологических процессов в развитых странах показывает, что мы пока еще уступаем лидерам в этой области по многим аспектам и есть опасность нарастания этого разрыва.

В российских условиях роль локомотива в технологическом лидерстве может сыграть государство в лице исполнительной власти, разумеется, в тесном сотрудничестве с научными круга-

ми и бизнес-сообществом. Только государство может определить на далекую перспективу риски и угрозы, которые несет технологический прогресс нашей безопасности, и выстроить правильную стратегию действий по их купированию на этом направлении. Только государство может гарантировать существенное, стабильное и долгосрочное финансирование научных исследований и опытно-конструкторских разработок по конкретным приоритетным направлениям. Только государство сможет содействовать формированию необходимой производственной базы и гарантировать спрос на готовую продукцию. Только государство сможет развернуть широкомаштабную подготовку научных и производственных кадров, выстроить адекватную политику по привлечению высококвалифицированных иностранных специалистов.

Все это потребует существенного перераспределения приоритетов, сил и средств в пользу новых национальных проектов технологического лидерства.

Для достижения долгосрочных целей инновационного развития и придания большей динамики этому процессу потребуются и структурная модификация. Как представляется, нужен единый постоянно действующий полномочный орган федерального уровня с широким аналитическим потенциалом и адекватными компетенциями для подготовки рекомендаций по новым технологиям для руководства страны, в том числе с учетом появляющихся вызовов и угроз в сфере международной и национальной безопасности. Ныне действующие госструктуры инертны и малоэффективны. При этом важно заниматься не только разработкой «Дорожной карты» технологического развития страны, но и контролировать выполнение установок российского руководства, программ инновационного развития и конкретных проектов на всех уровнях (федеральном, региональном или местном). Пока же складывается впечатление, что инновационная тематика рассеяна по различным министерствам, ведомствам, агентствам, компаниям, банкам и т. д. Только через комплексный подход и жесткую исполнительскую дисциплину можно обеспечить ускоренное продвижение страны к технологической независимости.

Следовало бы сделать инновационное развитие страны ключевой установкой в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 года и скорректировать соответствующим образом все остальные документы: Военную доктрину Российской Федерации от 25 декабря 2014 года, Морскую доктрину Российской Федерации от 31 июля 2022 года, Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания от 19 ноября 2024 года, а также социально-экономические, научно-технические, образовательные стратегии и программы.

В контексте происходящей технологической революции стоило бы по-новому посмотреть на структуру вооруженных сил страны. В условиях высокотехнологичных войн потребуются профессиональная армия, способная использовать новые достижения науки и техники на поле боя в борьбе с хорошо вооруженным противником. В связи с этим перед военно-политическим руководством страны возникнут задачи адаптации структуры ВС (она уже началась) к новым вызовам и угрозам, обеспечения жизнеспособности и эффективности ВВТ, комплектации офицерского и рядового состава (подготовки, переподготовки и удержания в рядах ВС на длительный период высококвалифицированных специалистов), а также выработки алгоритмов сопряжения традиционных методов ведения войны с высокотехнологическими и обеспечения взаимодействия с гражданским сектором. Должны быть пересмотрены сроки срочной службы и методы подготовки призывников, усилено внимание и к гражданской обороне с учетом новых технологических возможностей ВВТ.

Важно повысить статус российской науки, сделать престижной и уважаемой работу ученых, стимулировать изобретателей на поиск инновационных решений. Нужны дополнительные усилия для возвращения в страну российских специалистов и привлечения профильных иностранных экспертов.

В свете быстрого технологического прогресса возникают вызовы и перед российской дипломатией. В области внешней политики требуется усиление внимания к этому направлению,

выработка единого скоординированного курса, постановка практических задач, исходя из реального соотношения сил на международной арене и учета специфики политики зарубежных стран в высокотехнологических областях.

Прежде всего востребовано обновление концептуальных внешнеполитических документов. В частности, в Концепции внешней политики Российской Федерации следовало бы существенно повысить статус критических и новых технологий как в экономическом блоке, так и военнополитическом. Не помешала бы и отдельная долгосрочная программа действий при продвижении национальных интересов в сфере новых технологий на многосторонних площадках и в двусторонних отношениях.

Да и сама российская дипломатия должна наращивать соответствующие компетенции, понимать возникающие вызовы, связанные с прорывными технологиями, оперативно реагировать на них в плане купирования рисков и угроз и иметь единую тесно сопряженную с внутренними целями развития линию, занимать в дискуссиях на международных площадках активную позицию.

Давно назрела необходимость создания/воссоздания (в 1990-х гг. в МИД СССР/России функционировал Департамент по вопросам научного и технического сотрудничества) в структуре МИД единой службы (управление, департамент или офис специального представителя президента по инновационному развитию и т. д.). Подобные структуры сейчас созданы во многих внешнеполитических ведомствах западных стран, дипломаты которых активно работают над формированием переговорных площадок и новых технологических альянсов. В Госдепартаменте США действует аппарат спецпосланника по вопросам критически важных и новых технологий, который курирует реализацию «стратегии обеспечения превосходства страны» в данной сфере.

Мир быстро меняется технологически. Наши же подходы ко многим международным проблемам безопасности остаются неизменными. В условиях жесткого противостояния на глобальном уровне надо критически посмотреть на наши нынешние позиции. Прежде всего речь идет о подходах к стратегической стабильности, включая учет всех угроз, исходящих от передовых достижений науки и техники в военной сфере. Сейчас становится очевидным, что «золотые» договоры типа СНВ-3 уже не отражают реального баланса военных потенциалов в мире. И путь простого сокращения ракетно-ядерных вооружений уже исчерпал себя и в случае дальнейшей реализации лишь усугубит ситуацию для России. Конечно, процесс поиска справедливого баланса будет сопряжен со сложностями в преодолении сопротивления противников и категоризации новых технологий и нахождения определенных алгоритмов.

Это касается и многих других вопросов КВРН, где технологии серьезно влияют на расклад сил и могут предопределить исход военного противостояния. Так, на фоне создания глобальной ПРО США, модернизации ядерных арсеналов в США, Франции и Великобритании, приближения американского ТЯО к российским границам, усилий многих стран получить доступ к ядерному оружию требуется дополнительный анализ наших подходов к ДНЯО, особенно к его разоруженческой опоре. Через призму новых технологий стоит посмотреть и на наши подходы к КБТО и КЗХО. Мы продолжаем выступать против милитаризации космоса и размещения там ОМУ, формируем мирные альянсы, хотя развитие глобальной системы ПРО США, включая решение о создании «Золотого купола для Америки», предусматривает существенное укрепление арсенала средств для ведения боевых операций в космосе, в том числе развертывание на орбите систем перехвата. Новые технологии влияют и на эффективность обычных вооружений. Отдельная тема для проработки - формирование региональной безопасности через призму технологического прогресса. Да и в двусторонних отношениях нам надо проявлять сдержанность по части передачи новейших военных технологий.

В российских подходах к инновациям пока еще просматриваются определенные непоследовательность, несогласованность и даже противоречивость. Иногда мы идем на поводу у западников, поддерживая их инициативы, например США в ООН по ИИ, в которой уже закладываются

контуры будущих договоренностей. Безуспешно пытаемся «контролировать» форматы дискуссий по инновационным темам или просто продвигаем экономически нам выгодные, но в военном плане ущербные инициативы (пример - часто декларируемая нами готовность продавать редкоземельные металлы западникам, на основе которых делаются санкционные микрочипы).

Международное сообщество уже в течение длительного времени ведет формирование многосторонней правовой базы регулирования ИТ - от политических обязательств в области транспарентности и доверия до юридических запретов отдельных категорий инновационной продукции. При этом законоперщиками выступают лидеры в различных технологических областях.

Мир быстро меняется технологически. Новые технологии будут определять основные направления развития человечества. На передний план выходят страны, обеспечившие себе максимальный экономический и научно-технологический прогресс. Они все больше заявляют о себе и требуют большего куска глобального пирога.

Будущие военные конфликты - это высокотехнологические войны. Наши западные противники уже сейчас к ним весьма серьезно готовятся, переводя традиционные ВВТ на инновационные рельсы, задействуя ноу-хау для доминирования на поле боя на всех направлениях. Специальная военная операция демонстрирует уязвимые места наших ВС в контексте новых технологий. Многие из них устраняются по ходу боевых действий. Но это скорее тактические решения. Главное же заключается в стратегическом измерении: если мы не ускорим технологическое перевооружение, Россия может оказаться отодвинутой на периферию глобальных процессов, включая формирование глобальной и региональной архитектуры безопасности.

¹Доклад Генерального секретаря ООН «Последние достижения в области науки и техники и их потенциальное воздействие на усилия в области международной безопасности и разоружения» // A/79/224.

²National Science and Technology Council, Fast Track Action on Critical and Emerging Technologies Report. «Critical and Emerging Technologies List Update». February 2024.

³Истанов В. Процесс внедрения зарубежными странами технологий искусственного интеллекта в системы вооружений // Зарубежное военное обозрение. 2024. №9. С. 3-11; Баширов И. Угрозы внедрения технологий искусственного интеллекта // Зарубежное военное обозрение. 2023. №4. С. 03-13; Баширов И. Мировое соперничество в сфере технологий искусственного интеллекта // Зарубежное военное обозрение. 2021. №11. С. 15-26; Баширов И. Значимость технологий искусственного интеллекта в XXI веке // Зарубежное военное обозрение. 2021. №10. С. 12-17; Яблоков Г. Развитие военных технологий искусственного интеллекта в Великобритании // Зарубежное военное обозрение. 2023. №10. С. 27-31; Зиберт А., Веселов И. Применение вооруженными силами США искусственного интеллекта в киберпространстве // Зарубежное военное обозрение. 2023. №6. С. 23-25.

⁴Шебалкин А. Программы зарубежных стран по внедрению квантовых технологий в военную сферу // Зарубежное военное обозрение. 2025. №2. С. 16-22; Шебалкин А. Перспективы приме-

нения квантовых технологий за рубежом // Зарубежное военное обозрение. 2024. №8. С. 26-34.

⁵Доклад Генерального секретаря ООН «Последние достижения в области...»

⁶Шебалкин А. Программы зарубежных стран... Шебалкин А. Перспективы применения...

⁷G7 Critical Minerals Action Plan Main Content. Kananaskis, Alberta // <https://www.pm.gc.ca/en/news/statements/2025/06/17/g7-critical-minerals-action-plan>

⁸Машков Г. Гиперзвуковое оружие: стратегический прорыв или стратегический вызов // Международная жизнь. 2023. №7. С. 60-65.

⁹Истанов В. Процесс внедрения...

¹⁰World Intellectual Property Organization (WIPO) (2024). Global Innovation Index 2024: Unlocking the Promise of Social Interpreneurship. Geneva: WIPO. 10.34667/tind.50062

¹¹Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий». №529. 18 июня 2024 г.

¹²Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. №1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.».

¹³Заседание Совета по науке и технике. 06.02.2025 // <http://kremlin.ru/events/president/news/76222>; Совещание по вопросам развития космической деятельности. 16.04.2025 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76692>

Филипп Трунов

*Ведущий научный сотрудник
отдела Европы и Америки ИНИОН РАН,
доктор политических наук*

ltrunov@mail.ru

Ключевые слова: милитаризация, «сдерживание», европейские государства - члены НАТО, Германия, Великобритания, НАТО, ЕС, «коалиции желающих», военные расходы, глубокий точный удар, ударные БПЛА, многосторонние группировки, численность личного состава, принцип достаточности, Россия.

ТЕНДЕНЦИИ МИЛИТАРИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ «ЛИБЕРАЛЬНЫХ ДЕМОКРАТИЙ»

Доминирующая сила в Северной и отчасти Западной Европе VIII-XI веков - викинги были, в зависимости от обстановки, то купцами (если население, куда они прибыли, могло оказать успешное сопротивление), то воинами (когда территория казалась слабо защищенной) [1, с. 44-48]. Ошибочная оценка весьма часто вела к разгрому отрядов пришельцев-норманнов, уверенных, что они способны решать пространственно-объемные задачи малыми силами.

В современных реалиях европейские «либеральные демократии» резко сократили торгово-хозяйственные контакты с Россией, стремятся ее «сдерживать» и «отбрасывать», используют эти задачи как обоснование для существенного роста своей военной мощи. Особенно отчетливы данные изменения в деятельности ЕС как объединения и его крупнейшего государства-члена - ФРГ. Однако переход от состояния «купца» к «воину» опирается на представление, которое является системным просчетом, - уверенность в том, что возможно критически ослабить Россию.

Данная оценка исходит из опыта прошлой холодной войны, итоги которой оказались исключительно выгодны для евроатлантического сообщества. Его истеблишмент убежден, что тогда он смог выстроить эффективную систему «сдерживания» с полномасштабной военной составляющей (но без перехода к «горячей» войне), измотать Советский Союз, втянуть его

в «гонку вооружений». В результате СССР стал «хрупким» изнутри, что и рассматривалось на Западе как главная причина достигнутых успехов конца 1980-х - начала 1990-х годов. Однако дискуссионна объективная степень «хрупкости» Советского Союза, то есть за вычетом субъективных факторов, прежде всего готовности М.С.Горбачева и его команды идти по пути «опережающих уступок» в отношении «западных демократий» [2].

Не менее важно другое: необоснованная убежденность на Западе в том, что Отечество не сможет извлечь уроки из трагедии самораспада (1991 г.), не рационализирует использование своих ресурсов в сфере обороны и безопасности. Так, в июне 2025 года Президент РФ В.В.Путин заявил, что оборонные расходы России - 6,3 % от ВВП, или 13,5 трлн рублей (порядка 162 млрд долл.)¹. При этом это показатель в условиях вынужденной СВО, когда России приходится вести широкомасштабные боевые действия. В ближайшем будущем российское руководство планирует заметно сократить траты на оборонные нужды, считая их высокими².

Однако удельный вес от ВВП военных трат РФ в условиях СВО (6,3%) заметно ниже, чем был у США в период войн в Корее (14%) и во Вьетнаме (10%)³. В абсолютном значении в 2024 го-

ду военные расходы только у крупнейшего европейского государства - члена НАТО - Германии составили 72 млрд евро (85 млрд долл.)⁴. К 2029 году Берлин планирует почти удвоить данный показатель⁵, де-факто доведя его до имеющегося у России на сегодня уровня.

Задача статьи - исследовать ряд тенденций милитаризации массива европейских государств - членов НАТО и ЕС, в том числе конкретных таковых на примерах Германии и Великобритании.

Пример ФРГ здесь наиболее показателен: из всех европейских «либеральных демократий» по итогам прошлой холодной войны она оказалась ключевым бенефициаром. Федеративная Республика сумела исключительно выгодно для себя решить «германский вопрос» (распространить свою юрисдикцию на территорию ГДР), получила возможность перефокусировать внимание при использовании бундесвера со «сдерживания» СССР в Европе на обеспечение стратегического присутствия далеко за пределами зоны ответственности НАТО. К концу 1990-х годов ФРГ сумела утвердиться в качестве региональной державы, но последующие усилия с целью стать мировой державой в военно-политическом отношении не привели в середине 2020-х годов к искомому результату.

Германия, неизменно действуя совместно с государствами - партнерами по ЕС и НАТО, не сумела стать результативным гарантом безопасности для стран происхождения вооруженного конфликта на Глобальном Юге. Соответственно, ФРГ в числе акторов евроатлантического сообщества не продемонстрировала должной результативности в деле противодействия неклассическим угрозам безопасности. Под последними понимаются те, в которых военная составляющая не является доминирующей, а источниками могут выступать не только государства, но и негосударственные акторы.

Прилагая длительное время усилия в зонах нестабильности, в том числе в Сирии и Ираке, страны - участницы ЕС оказались в положении объектов в условиях кризиса беженцев и роста террористической активности на территории Европейского союза в 2015-2017 годах. Ключевую

В современных реалиях европейские «либеральные демократии» резко сократили торгово-хозяйственные контакты с Россией, стремятся ее «сдерживать» и «отбрасывать», используют эти задачи как обоснование для существенного роста своей военной мощи.

роль в устранении первопричин кризиса, вызванных наступлением ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в РФ) в САР, сыграли Россия и Иран. Однако вместо кооперации с ними «либеральные демократии» пошли по пути ужесточения системы «сдерживания» РФ, перешли к данной стратегии и в отношении ИРИ с начала 2020-х годов. Одновременно в первой половине десятилетия происходил вынужденный уход контингентов стран - участниц НАТО и ЕС из стран происхождения вооруженного конфликта на Глобальном Юге, прежде всего из Афганистана и Мали.

Игнорируя объективные причины этого (свою недостаточную эффективность и результативность в деле урегулирования, особенно в деле борьбы с международным терроризмом), «либеральные демократии» избрали стратегию, которая носила характер псевдокомпенсации, реваншизма: сфокусироваться на

«сдерживании» РФ, безосновательно признавая ее источником классических угроз. У таковых осевой является военная составляющая, а источником выступают государства как тип актора.

Будучи уверены в своей способности выиграть стратегическое противостояние с Россией, элиты европейских «либеральных демократий» де-факто исходят из опыта лишь прошлой холодной войны, последующих за ней десятилетий, то есть принципиально отбрасывают в своем мышлении огромную,

Прилагая длительное время усилия в зонах неустойчивости, в том числе в Сирии и Ираке, страны - участницы ЕС оказались в положении объектов в условиях кризиса беженцев и роста террористической активности на территории Европейского союза в 2015-2017 годах.

весьма поучительную историю взаимоотношений с Отечеством до 1945 года включительно. Прежде всего, это положение относится к нынешнему истеблишменту ФРГ, который резко ускорил отход от учета ответственности за злодеяния Третьего рейха.

«Либеральные демократии» в деле противодействия классическим угрозам безопасности отводят Североатлантическому альянсу ключевое значение. Следует подчеркнуть, что речь идет именно о преобладающей, но отнюдь не единственной роли. Альянс входящие в него государства воспринимают в качестве структуры-«тяжеловеса». Отсюда явствует, что эгиду блока целесообразно использовать на наиболее масштабных по содержанию и ответственных направлениях, но стараться не применять на треках, которые считаются самыми провокационными, содержащими риск неконтролируемой эскалации, и пока они признаются таковыми.

На данных участках активно задействован ЕС и «коалиции желающих». Последнюю представлял формат «Рамштайн» (с апреля 2022 г.), созданный для координации оказываемой Украине военной помощи. НАТО и ЕС как институты входили в число участников площадки, но не играли в ее работе преобладающей роли - она принадлежала государствам (США, Канаде, крупнейшим европейским «либеральным демократиям»). Для поставок конкретного вида вооружений и военной техники (ВВТ), например реактивных систем залпового огня, танков, самолетов, создавалась своя отдельная «коалиция желающих», для которой «Рамштайн» выступал «зонтичной» структурой [3, р. 8, 32-36].

Для подготовки кадров ВСУ на территории европейских «либеральных демократий» к концу 2022 года были учреждены две параллельно действующие миссии: *Interflex* в формате «коалиции желающих» с направляющей ролью у Великобритании и *EUMAM UA* под флагом ЕС, в работу которой ключевой вклад вносила Германия [4]. Только на Вашингтонском саммите НАТО (июль 2024 г.) было принято решение часть нагрузки по обучению украинских

военных передать Альянсу [5], однако основную роль продолжили играть миссии *Interflex* и *EUMAM UA*. Очевидно, форматы ЕС и «коалиции желающих» останутся доминирующими в ходе дальнейшего сотрудничества европейских «либеральных демократий» с Украиной, а также распространения их влияния в других различных частях постсоветского пространства (примеры тому - мониторинговые миссии *EUMM Georgia* в Грузии с конца 2008 г. у границ Абхазии и Южной Осетии; *EUMA* в Армении с 2023 г. вблизи Нагорного Карабаха).

Такой сценарий не только обусловлен позицией администрации Д.Трампа по оптимизации практического вклада США в решение проблем безопасности в Европе, но отвечает долгосрочными устремлениями действующих элит европейских «либеральных демократий». Они стремятся обеспечить западноцентричность формирующегося миропорядка, особенно повышенную его ориентированность на них самих, через демонстрацию своей военной мощи, готовности и способности ее эффективно использовать [см., например, 6]. Частная, но важная иллюстрация тому - формула мира через силу для Украины⁶, а растрачиваемую военную мощь ей помогают восполнить европейские государства - члены НАТО и ЕС. *Секьюритизация деятельности Европейского союза*, то есть растущее внимание к вопросам безопасности и обороны, *теснейшим образом сочетается с европеизацией мощи Североатлантического альянса* (ее группировок, финансирования), *деятельности блока*. Притом готовность задействовать в дополнение к ЕС и НАТО форматы «коалиции желающих», особенно предоставить в их распоряжение войска, весьма различна у конкретных европейских «либеральных демократий»: у Великобритании этот показатель высокий, а у Германии, напротив, низкий.

Обращает внимание рост юридически оформленных двусторонних межгосударственных договоров. Тенденция отчетлива на примере сотрудничества держав «евротройки» (ЕЗ) - Великобритании, Германии, Франции. Германия в развитие Елисейского договора (1963 г.) заключила с Францией в январе 2019 года обновленный Ахенский договор [7]. Впервые с момента образования (1949 г.) ФРГ подвела правовую двух-, а не многостороннюю основу под отношения с Великобританией: в октябре 2024 года стороны подписали соглашение между военными ведомствами, а в июле 2025-го - «большой» общеполитический Кенсингтонский договор⁷. За неделю до этого Соединенное королевство опубликовало с Пятой республикой Нортвудскую декларацию о координации усилий в области ядерной политики⁸, в развитие Ланкастерских соглашений (2010 г.). Все вновь подписанные документы сфокусированы на вопросах безопасности и обороны, нацелены на углубление и расширение координации в сфере внешней политики в целом, использования ВС, развития военных производств.

Означает ли факт заключения и содержание данных юридических актов ослабление многосторонних связей внутри НАТО, особенно на фоне президентства Д.Трампа? По мнению автора, с одной стороны, они должны укреплять единство западноевропейских держав внутри Альянса, тем самым способствовать европеизации его мощи и повышать дееспособность. С другой - задать оформленные юридически основания для тесного сотрудничества не только под эгидой НАТО, но и других форматов (прежде всего «ЕС+», с участием Великобритании, «коалиций желающих», площадок *ad hoc*). Соответственно, для государств-подписантов заметно расширяется линейка структур, в рамках деятельности которых могут быть использованы их вооруженные силы. Притом одна и та же войсковая единица может, в зависимости от обстановки, поочередно применяться под различными эгидами (принцип *Single Set of Forces*). Данный подход имеет особую практическую ценность в ситуации, когда ведущие европейские «либеральные демократии» считают, что количество формирований войск в их распоряжении не удовлетворяет амбициозности стратегических планов, требует заметного увеличения.

Ключевые военные измерения милитаризации, должны обеспечить преимущество

В планах и шагах по наращиванию военной мощи «либеральные демократии» наибольшее внимание уделяют наземным войскам. Они являлись основным объектом для масштабных сокращений в 1990-х - начале 2010-х годов. Необходимость серьезно укрупнить сухопутные силы была определена еще в конце 2010-х годов и подтвердилась с учетом реалий в зоне СВО, когда практически все рода конвенциональных (неядерных) войск использовались в наземных боевых действиях или их поддержки. Перспективный облик наземных войск предполагает их меньшие размеры, чем в прошлую холодную войну, но оснащенность намного более «умным» парком ВиВТ.

Наиболее важные направления милитаризации европейских «западных демократий» в емком виде представлены в соглашении военных ведомств Германии и Великобритании от 23 октября 2024 года. Это увеличение объемов производства и разработка новых средств для *дальнего точного удара (Deep Precision Strike, DPS)*, прежде всего ракетных вооружений⁹. Тем самым ведущие европейские «либеральные демократии» стремятся резко нарастить арсенал «экологически чистого» (в неядерном варианте) дальнобойного высокоточного оружия. Например, Великобритания озвучила планы построить до 12 атомных подводных лодок типа SSN-AUKUS с баллистическими ракетами в неядерном оснащении на борту¹⁰.

Информационно данное и аналогичные решения могут быть представлены как измерение «зеленой повестки» в области высоких технологий военного предназначения. На этом направлении отчетлив учет «либеральными демократиями» опыта РФ по результативному использованию высокоточного оружия в ходе СВО, желание догонять здесь Россию как количественно, так и качественно.

Подобное стремление ведущих европейских государств - членов НАТО несет, как минимум, два серьезных риска для международной безопасности. Во-первых, оно означает, что должно сокращаться одно из немногих преимуществ ВС РФ, которое позволяет частично уравновесить огромное превосходство европейских стран - участниц НАТО по численности вооруженных сил, размерам их финансирования. Очевидно, что в случае реализации такого сценария баланс сил окажется еще более смещен отнюдь не в сторону России. Это вынуждает РФ интенсивно разрабатывать собственные системы, чтобы сохранить качественное и количественное преимущество как объективно необходимое условие для обеспечения мира в Европе и на международной арене в целом.

Во-вторых, почти неизбежно часть разрабатываемых в европейских «либеральных демократиях» ракетных систем будет иметь дальность свыше 500 км (что подтверждают технико-тактические характеристики комплексов «Сапсан», производство которых было налажено на Украине в июне-июле 2025 г. и пресечено ударами Министерства обороны РФ в координации с ФСБ¹¹). Это резко затрудняет возможность возобновления договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности между США и СССР (РСМД, 1987 г.), который имел главной целью резко снизить напряженность в Европе. Фактически ведущие европейские страны - участницы НАТО не просто попустительствовали решению США от 2 августа 2019 года выйти из РСМД, но содействовали тому, чтобы оно стало необратимым. На таком фоне Россия 5 августа 2025 года была вынуждена принять решение выйти из моратория на развертывание ракет средней и меньшей дальности наземного базирования¹².

К середине 2020-х годов арсеналы оружия для DPS у крупнейших европейских стран - участниц НАТО соответствовали оптимизированным размерам их ВС, различных видов ВиВТ, боеприпасов в логике 2000-х - начала 2010-х годов. Так, с последней даты (к 2011 г.)

в ФРГ прекратилось производство ракет «*Taurus*». Показательно, что тогда же был обнулен призыв на службу в бундесвер. Однако у Германии имеется технико-технологический потенциал и необходимое финансирование в условиях масштабного роста военных расходов, чтобы разрабатывать и производить ракетные системы для *DPS*. Притом ряд данных мер, особенно на начальных этапах процесса, будут географическими выносными, то есть осуществляться за пределами ФРГ (что наглядно показала готовность поддерживать проект по производству ракет «Сапсан» на Украине¹³).

Репутационно это позволит Берлину сделать более плавным его уход от учета исторической ответственности за злодеяния Третьего рейха и принципа «с немецкой земли будет исходить только мир» как основополагающего для обязательств ФРГ по договору об окончательном урегулировании в отношении Германии (1990 г.). Технологически, с учетом перерыва после прекращения производства «*Taurus*», это позволит более плавно возобновить работу производственной цепочки по выпуску ракет в самой Федеративной Республике.

Примечателен эксперимент в британских ВС по интегрированию воедино ракетных (оснащенных средствами *DPS*) и бронетанковых подразделений. В результате их слияния в середине 2022 года была учреждена экспериментальная бригада глубокого разведывательного удара (*Deep Reconnaissance Strike*)¹⁴. Она подчинена штабу дивизии британской армии, которая объединяет в своем составе обе бронетанковые бригады королевских войск. Перечисленные факты позволяют выдвинуть предположение, что военная мысль Соединенного королевства возвращается к идеям так называемой «доктрины Устинова». Последняя предполагала проводить наступление с опорой на массированное применение точных вооружений с тактическим ядерным оружием и одновременно задействование крупных масс танков.

В современных реалиях речь идет о модифицированной версии этой тактики в «зеленом» (безъядерном) варианте. Принципиально, что данные приемы (сочетание ударов средств *DPS* и применения бронетанковых соединений) имеют целью осуществить так называемую «глубокую операцию», то есть одноименный быстрый прорыв с разрушением, дезорганизацией резервов и тылов противника. Следует подчеркнуть, что в настоящее время, учитывая массовое применение беспилотников, возможности проводить «глубокую операцию» оказались сокращены до минимума. В рамках запущенной милитаризации «либеральные демократии» пытаются найти выход из этого тупика, обращаясь к военной мысли начала 1980-х годов, то есть «второго издания» прошлой холодной войны.

В авангарде данных изысканий с целью резко повысить эффективность наступлений находилась Великобритания; к ней следует ожидать в ближайшее время добавления Германии (учитывая стартовавшие заметные изменения организационно-штатной структуры бундесвера), а затем и ряда других европейских государств - членов НАТО (например, Нидерландов и Швеции).

Логично, что одновременно будут расширяться производства и разрабатываться новые образцы *роботизированных систем*, прежде всего БПЛА¹⁵. Среди них повышенное внимание обращено на те, дальность полета которых соизмерима с ракетными системами. Ставится цель интегрировать две данные категории вооружений при подготовке и нанесении *DPS*. Кроме того, должен динамично наращиваться потенциал морских роботизированных аппаратов, не только действующих на поверхности (прежде всего безэкипажных катеров), но и подводных (например, по разминированию¹⁶, а главное - ударного действия). Если в вопросе совершенствования и наращивания парков ракетных вооружений европейские «либеральные демократии» ориентировались на российский опыт в ходе СВО, то в производстве дронов - уже на украинский.

Команды БПЛА стали во многом «стержнем» для ВСУ на линии боевого соприкосновения и используются, чтобы превратить борьбу в позиционную и с медленным «прогрызанием» системы сопротивления российскими войсками. «Дронизация» украинских войск показала, что массовое использование БПЛА способно длительное время в заметной мере компенсировать нехватку личного состава у боевых частей. Практическое следствие этого для самих «западных демократий» - насыщение их вооруженных сил БПЛА, притом не только воздушными, что уменьшает размеры требуемого увеличения численности военнослужащих, то есть потенциально можно набирать меньше новобранцев.

ФРГ использовала поставки ВиВТ для Украины, чтобы уйти от учета исторической ответственности еще на одном треке - в деле оснащения бундесвера ударными (вооруженными) дронами, а не только разведывательными. С соответствующей идеей выступили в 2020 году, на фоне сфокусированности общества на борьбе с пандемией, христианские демократы как преобладающая сила кабинета А.Меркель [8]. Однако тогда попытки доказать, что тем самым ФРГ не отойдет от принципа «с немецкой земли будет исходить только мир», не привели к успеху: против в итоге выступили социал-демократы, партнеры ХДС/ХСС в правительстве «большой

коалиции». Кабинет О.Шольца, представляя таковую с ведущей ролью уже у СДПГ, изменил свою позицию и нашел решение: Германия стала производить и поставлять для ВСУ не только разведывательные, но и ударные дроны (например, типа HF-1)¹⁷, что создало прецедент для оснащения последними уже самого бундесвера.

Следующее направление милитаризации - *обеспечение тактической совместимости (отлаживание) широкой линейки многосторонних группиро-*

ровок. Иными словами, речь шла об имплементации принципа мультилатерализма в деле строительства вооруженных сил. Государства Европы часто в своей истории образовывали коалиционные группировки; особенно крупными они были в ходе попыток разгромить и завоевать Отечество - Российскую империю (предприняла «Великая армия» наполеоновской Франции и вассалов в 1812 г.) и Советский Союз («военная машина» Третьего рейха и его сателлитов в 1941-1945 гг.). Однако современный уровень интегрированности национальных вооруженных сил, прежде всего в составе сил передового развертывания (СПР) НАТО, по своему качеству резко отличается от достигнутого в предшествующие исторические эпохи.

В Европе в XVII-XVIII веках, если армия была коалиционной по составу, войска каждого государства-комплектатора сохраняли полную самостоятельность. В сражениях они действовали строго на своем отведенном участке на поле боя (иллюстративны примеры битв под Лейпцигом 1632 г. и при Мальплаке 1709 г. как ключевых для войн Тридцатилетней и за испанское наследство соответственно).

В «Великой армии» состава 1812 года (времени наивысшего развития «военной машины» в подчинении Наполеона) большинство пехотных корпусов образовывал контингент от конкретного крупного государства или сводного объединения ряда мелких. Наличествовали итальянский, польский, прусский и австрийский корпуса, а также сразу три корпуса от немецких государств Рейнского союза - баварский, саксонский, вестфальский.

Фактически ведущие европейские страны - участницы НАТО не просто попустительствовали решению США от 2 августа 2019 года выйти из РСМД, но содействовали тому, чтобы оно стало необратимым.

Всего из 12 армейских корпусов «Великой армии» треть, четыре корпуса, были из германских и прусских земель, ныне образующих территорию ФРГ.

В собственно французские пехотные корпуса были включены небольшие национальные контингенты (например, португальский, швейцарский, хорватский), а также ряд германских государств (вюртембергский). В кавалерийских корпусах эти «вкрапления» были более многочисленны, представляли широкую линейку государств. В «Великой армии» наличествовала единая нумерация корпусов, дивизий и бригад, но на полковом уровне сохранялись национальные названия. Командование соединений, но не частей, в подавляющем большинстве случаев было собственно французским [9, с. 721-739]. В целом, особенно для реалий начала XIX века, Наполеону удалось добиться достаточно высокой интегрированности в свои силы контингентов сателлитов и союзников.

Как ни парадоксально, данный показатель был заметно ниже у войск, которые сражались на стороне Третьего рейха против Советского Союза. Контингенты Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии образовали однонациональные по составу полевые армии. Сохраняя автономность в плане внутренней структуры и управления, собственную нумерацию, они включались в состав групп армий вермахта. Исключение в последнем отношении представляли финляндские войска, действовавшие под собственным командованием [10, с. 252-273]. Это объяснялось прежде всего тем, что они занимали весьма протяженный участок фронта со сложными природно-климатическими условиями.

В преддверии советского контрнаступления под Сталинградом был создан двусторонний танковый корпус с участием румын; параллельно в состав их пехотных дивизий включили небольшие германские подразделения (прежде всего технических родов войск). Однако данные примеры количественно были ограничены, а главное, не дали ожидаемого результата [11]. Автономность войск сателлитов, которые предоставили меньшие контингенты (от полка до дивизии) заметно различалась: наибольшей была у словацкой дивизии, заметно меньшей - у испанской, хорватской, а также французских подразделений (так, все последние получили нумерацию от вермахта).

В чем причины того, что интегрированность войск сателлитов и союзников в «Великую армию» была большей, чем в рамках гитлеровской коалиции на советско-германском фронте? В состав «военной машины» официального Парижа традиционно входили достаточно значительные контингенты наемников (так, еще Людовик XIV в начале XVIII в. указывал, что правильнее говорить не «французская армия», а «армия Франции» [12, с. 132]). В свою очередь, германо-прусская военная традиция, начиная с реформы Шарнхорста - Гнейзенау (1807-1814 гг.), базировалась на принципах комплектования, развития и использования вооруженных сил как однонациональных [13, с. 73-108]. Таковым оставался и вермахт как собственно ВС Третьего рейха. Иными были войска *Waffen-SS* как структура, которая функционировала параллельно: в ее составе были собраны нацистские, коллаборационистские элементы со всей Европы, притом дивизии обычно комплектовались по национальному признаку (например, голландская, французская, а также латышская, украинская, эстонская) с немецкими командирами.

Германо-прусской военной и политической традицией было подчеркнутое позиционирование себя в национальном качестве. Не в пример этому ФРГ с момента создания (1949 г.) считалась органично встроенной в состав лагеря «западных демократий», последовательно реализовывала принцип мультилатерализма; ее мощь и усилия, особенно военные, «растворялись» в многосторонних, совместных с союзниками. Такой подход позволял не только продемонстрировать для них учет Бонном, а затем Берлином (с 1999 г.) исторической ответственности, но, главное, разделять ответственность и нагрузку.

В прошлую холодную войну на территории ФРГ под эгидой НАТО были развернуты мощные многонациональные группы армий «Север» и «Центр». Однако образующие их армейские корпуса (каждый из которых представлял «ядро» полевой армии) оставались по составу однонациональными: два американских (США), британский, французский, бельгийский, нидерландский и три западногерманских. «Сцепку» обеспечивали объединенные штабы (на уровне групп армий) и миссии связи, направляемые в управление корпуса-соседа¹⁸.

Иного качества успехов «либеральные демократии» смогли достичь в имплементации принципа мультилатерализма в вопросах строительства ВС к началу 2020-х годов. Например, в составе наземных СПР Альянса были наработаны практики функционирования многосторонних (с участием контингентов четырех-десяти государств-комплектаторов) батальонов. Последние военная мысль НАТО, ее стран-участниц рассматривали как типовые «кирпичи» для организации более крупных войсковых единиц (прежде всего бригад и корпусов).

Политически такой действительно многонациональный состав подразделений и частей представлял реализацию принципа «круговой поруки». В случае инцидентов с вовлечением данной войсковой единицы должна была заметно возрасти взаимная готовность государств-комплектаторов оказывать боевую (силовую) поддержку по логике статьи 5 Вашингтонского договора о НАТО (1949 г.).

Небольшой контингент в составе многосторонней войсковой единицы направившая его страна рассматривала как авангард, которому в случае кризиса должны оказать необходимую помощь главные силы (дислоцированные на постоянной основе на территории самого государства-комплектатора). Закономерно, что институционально наиболее продвинутый уровень наблюдался у многосторонних формирований сил передового развертывания НАТО, дислоцированных вблизи границ России. В собственно военном отношении здесь работал принцип: потенциал объединения элементов больше, чем у суммы каждого из них по отдельности. Соответственно, развертывание войсковых единиц совместного комплектования делало менее острой проблему ограниченной численности ВС осуществляющих это государств.

Практики создания и функционирования действительно многосторонних батальонов и бригад государства - члены НАТО и ЕС наработывали в ходе попыток урегулировать вооруженные конфликты на Балканах (прежде всего в Боснии и Косове), Среднем Востоке (в Афганистане), Сахеле (в Мали). Здесь, особенно в Афганистане и Мали, на огромных пространствах действовали небольшие контингенты: зона ответственности для одной расчетной бригады (4-5 тыс. военнослужащих) составляла десятки и даже сотни тыс. км².

На всем этом пространстве требовалось осуществлять мониторинг и борьбу с появлявшимися отрядами боевиков. Даже крупное европейское государство - член НАТО едва ли было способно одновременно задействовать более 3-5 тыс. военнослужащих (включая многочисленные штабы, тыловые части), а потому решение объемных и трудных задач требовало тесной кооперации контингентов многих стран-участниц. В рамках региональных командований - секторов (на которые иногда, как в Афганистане, разделялась вся территория страны происхождения конфликта¹⁹) или миссий (если их действовало несколько параллельно, как в Мали [14]) государство, вносившее крупнейший вклад в функционирование многосторонней группировки, считалось «рамочным» (задающим своей деятельностью рамочные условия для всех участников).

Данный опыт был развит в условиях перехода европейских «либеральных демократий» к псевдокомпенсационной стратегии по «сдерживанию» и «отбрасыванию» РФ. В функционировании наземных боевых групп СПР НАТО (*Forward Land Force*) на 2025 год участвовали как

комплектаторы и (или) реципиенты все государства - члены блока. Первыми (2017 г.) были учреждены четыре группы (по батальону) в Польше и каждой из стран Балтии. Для этих формирований «рамочными государствами» стали англосаксонские державы (США, Великобритания, Канада) и ФРГ.

В 2022-2024 годах был декларирован и запущен процесс увеличения каждой из войсковых единиц - до постоянно дислоцированной полной бригады (для групп в Литве и Латвии с 2026 и 2027 гг., в комплектовании ключевая нагрузка у Германии и Канады соответственно), с возможностью оперативно перебросить дополнительно бригаду (для формирования в Эстонии с функцией «рамочного государства» у Соединенного королевства)²⁰. Тем самым идет качественное и количественное наращивание многостороннего присутствия в южной части Скандинавско-Балтийского региона. Оно появится и на севере последнего - боевая группа в финляндской Лапландии (кадрированная бригада с возможностью быстро развернуть ее в полную), где «рамочное государство» - Швеция.

Параллельно идет совершенствование многосторонних формирований СПР, созданных в 2022 году в странах Восточной Европы к югу от Польши - в Болгарии, Венгрии, Румынии и Словакии. Лишь Венгрия возглавляет формирование на своей территории; в остальных случаях это Италия, Франция и Испания соответственно²¹. Примеры иллюстрируют, как реализуется принцип «круговой поруки» в рамках многосторонних войсковых единиц в передовой части зоны ответственности НАТО.

Мультилатерализм в деле строительства вооруженных сил лежит в основе функционирования группировки, которая должна выдвинуться из глубины зоны ответственности блока на угрожаемые направления, чтобы создать здесь серьезное превосходство и перейти в наступление. До середины 2024 года такой группировкой выступали силы быстрого реагирования (*NATO Response Force, NRF*), затем - более мобильные по составу силы союзнического реагирования (*Allied Reaction Force*)²². Так, для наземной компоненты *NRF* каждый год одна из крупных европейских стран - участниц Альянса (Великобритания, Германия, Испания, Италия, Польша, Франция, а также Турция, но отнюдь не США и Канада) принимала роль «рамочного государства», а еще несколько других европейских стран-участниц становились рядовыми комплектаторами²³.

Наибольшую активность закономерно демонстрирует ФРГ, стремящаяся выполнять функции «рамочного государства» для возможно большего числа многосторонних формирований и миссий - как НАТО (прежде всего), так и ЕС [15]. В этом проявляется сочетание традиционной готовности Федеративной Республики «растворять» свои военные усилия в многосторонних и одновременно наличие лидерских устремлений. Бундесвер идет по пути интегрирования на двусторонней основе: помимо франко-германской бригады, это также включение в состав каждой из трех имевшихся наземных дивизий ФРГ по одной бригаде нидерландских войск²⁴ (с сохранением всех формирований в местах постоянной дислокации).

Для того, чтобы полнее отлаживать оперативную совместимость при комплектовании многосторонних группировок, европейские «либеральные демократии» стремятся частично унифицировать парки ВиВТ в составе своих ВС и обеспечивать большую техническую совместимость вновь разрабатываемых и принимаемых образцов. На это нацелены работа технико-технологических комитетов Постоянного структурированного сотрудничества (*PESCO*), межгосударственное сотрудничество. Например, ФРГ согласовала с Норвегией закупку для ВМС обеих стран подводных лодок типа 212CD²⁵ (германской разработки), а Великобритания планирует приобретать для своих наземных сил боевые бронированные машины (прежде всего БТР и БМП) типа Boxer²⁶ германо-нидерландского производства.

Принцип достаточности при определении перспективных размеров ВС

Милитаризация включает увеличение не только военных расходов, арсеналов ВиВТ, но и численности личного состава, притом мотивированного. К середине 2020-х годов большинство стран - участниц НАТО, особенно «старых», в деле набора дополнительных объемов личного состава не сумели достичь заметных успехов. Более того, в 2022-2023 годах наблюдался отток профессиональных военных²⁷: многие из них увольнялись, осознавая те риски неконтролируемой эскалации, которые несла стратегия «западных демократий» по ужесточению «сдерживания» РФ [16]. Британские ВС в 2014-2022 годах уменьшились на 25 тыс. человек (со 169 до 144 тыс. военнослужащих²⁸). В бундесвере динамика была по годам скачкообразной: общее увеличение в 2014-2024 годах составило 4 тыс. солдат и офицеров²⁹, а остановить неоднократные уменьшения удалось лишь к 2025 году.

Основные трудности обусловлены низкой мобилизационной готовностью масс населения в странах «либеральной демократии», живущего в парадигме «общества потребления». С целью объяснить необходимость милитаризации и вовлечь в нее массы граждан настойчиво продвигается тезис о некоей «российской угрозе». На рядового жителя «либеральных демократий» оказывают воздействие: решения правительств конкретных стран наращивать военную мощь; секьюритизация повестки ЕС; меры по европеизации состава мощи НАТО, ее деятельности. Декларируется широкий комплекс финансово-мотивационных мер с целью привлекать новобранцев в профессиональные вооруженные силы. В ряде «старых» стран - участниц Альянса, в которых отменен или обнулен призыв, стартовали меры по его возвращению (прежде всего в ФРГ).

Способность быстро увеличивать свои ВС демонстрируют Украина и ряд «новых» восточноевропейских государств - членов НАТО (прежде всего Польша и Литва). Одна из причин видится в том, что все данные государства относятся к постсоциалистическому пространству: как бы они не очерняли советское/социалистическое прошлое, они во многом эксплуатируют заложенную тогда парадигму мобилизационной готовности своих обществ.

Какое увеличение своей военно-людской мощи европейские «либеральные демократии» считают для себя необходимым? Часть из них (например, Великобритания) не планируют заметно увеличивать численность своих ВС³⁰, другие - прежде всего Германия, Польша, а также Швеция - предполагают, но до таких размеров, которые заметно меньше, чем были у данных стран в прошлую холодную войну. Например, ФРГ в среднесрочной перспективе планирует увеличить бундесвер до 260 тыс. военных³¹ (рост почти на 80 тыс.), а в 1980-х годах он насчитывал порядка 500 тыс. человек личного состава.

Принципиален вопрос: какой объем военно-людских ресурсов количественно есть минимально достаточный, чтобы эффективно выстраивать конфронтацию с РФ? В середине 2024 года, когда российские Вооруженные силы уже осуществили полномасштабное увеличение численности в зоне СВО, здесь находились порядка 700 тыс. солдат и офицеров³². Украинское руководство заявляло о численности наземных сил более чем в 800 тыс. военнослужащих и стремлении в дальнейшем иметь ВС близкого размера³³.

Именно на последний показатель ориентирована новая модель сил НАТО (*New NATO Force Model, NNFM*), согласованная на Мадридском саммите (июнь 2022 г.), активно внедряемая с 2023-2024 годов с опорой на наличные возможности [17]. Она предполагает наличие в подчинении Альянса 0,8 млн человек личного состава, разделенных на категории по

срокам достижения полной боевой готовности³⁴. В число компонентов *NNFM* входят силы передового развертывания, силы союзнического реагирования. Почти весь практический вклад в комплектование *NNFM* вносят европейские страны - участницы блока, но не США (при этом Вашингтон сохраняет управленческий контроль) [18, р. 1-2]. Преимущество над главными силами ВС РФ в пиковый период их численности (0,7 млн солдат и офицеров) обеспечивала уже сама по себе *NNFM* (0,8 млн военных), без учета ВСУ и других военно-людских ресурсов у самих «либеральных демократий».

На 2022 год европейские страны - участницы НАТО располагали без США и Канады 1,9 млн военнослужащих, а за вычетом ВС Турции - ресурсами почти в 1,5 млн человек личного состава³⁵. Эти имевшиеся силы количественно уже *минимально достаточны*, чтобы «сдерживать» Россию, даже с учетом роста ее ВС в условиях вынужденной СВО (штатная численность - 1,5 млн военнослужащих)³⁶.

Де-факто истеблишмент крупнейших европейских государств - членов НАТО отчетливо осознает данное положение: поэтому Великобритания не предполагает крупных увеличений своих ВС, а Германия уверенно растягивает реализацию планов на достаточно продолжительный отрезок (до десяти лет). Рост должен обеспечить не равенство с ВС РФ, но заметное преимущество над ними. При этом ключевую роль в его обеспечении стремятся играть государства с державными амбициями, которые были вынужденно отложены на длительное время из-за провалов агрессии против Отечества: Германия (после безоговорочной капитуляции Третьего рейха), а также Швеция (после поражений Карла XII в Северной войне 1700-1721 гг.). Так, ФРГ с 2022 года последовательно декларирует желание построить самые мощные конвенциональные вооруженные силы среди европейских государств - членов НАТО³⁷.

Осуществляя милитаризацию идейно и материально, европейские «либеральные демократии» стремятся упрочить свое превосходство над Россией по численности личного состава, парков беспилотных систем, использовать фактор широкой линейки отлаженных многосторонних группировок. Одновременно отчетливо стремление нивелировать одно из немногих преимуществ РФ по высокоточным вооружениям в неядерном оснащении. При этом в дополнение к собственным весьма большим возможностям элиты европейских государств - членов НАТО и ЕС стремятся сохранить, реорганизовать военный потенциал Украины (как людской, так и промышленный).

Речь идет о желании изменить баланс военных потенциалов с Россией очень заметно. По большинству показателей конвенциональной мощи просматривается стремление иметь превосходство до трех раз и более, которое в военном деле считается необходимым, чтобы обеспечить успешные наступательные действия. Для европейской и международной безопасности данная тенденция крайне опасна, способствуя заметному повышению и без того высокого риска военного конфликта с применением ЯО.

России крайне важно избежать втягивания в «гонку вооружений», искать асимметричные решения, демонстрировать внутреннюю стабильность и проактивный характер внешней и оборонной политики. При выполнении этих условий «хрупкими» в перспективе могут стать уже сами «либеральные демократии», затрачивающие очень большие собственные ресурсы на недостаточно эффективное и, главное, малорезультативное «сдерживание» России.

- ¹<http://www.kremlin.ru/events/president/news/77316>
- ²Там же.
- ³Там же.
- ⁴<https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2024/kw05-de-verteidigung-977670>
- ⁵См.: <https://augengeradeaus.net/2025/06/kabinett-billigt-haushaltsentwurf-in-diesem-jahr-planstellen-fuer-10-000-zusaetzliche-soldaten/>
- ⁶См., например: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/slenskyj-in-berlin-2350758>
- ⁷<https://www.bundesregierung.de/resource/blob/992814/2365450/d44e30f16f6ca8280446bf490fca07b3/2025-07-17-freundschaftsvertrag-de-gb-data.pdf>
- ⁸<https://www.gov.uk/government/news/northwood-declaration-10-july-2025-uk-france-joint-nuclear-statement>
- ⁹<https://www.bmvg.de/resource/blob/5851552/c82a5af00cf2185972277dc7e9d7b02e/20241023-uk-germany-joint-communique-englische-version-data.pdf>
- ¹⁰<https://www.gov.uk/government/news/uk-to-expand-submarine-programme-in-response-to-strategic-defence-review>
- ¹¹<http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440362%40fsbMessage.html>
- ¹²https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2039749/
- ¹³См.: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/slenskyj-in-berlin-2350758>
- ¹⁴<https://www.army.mod.uk/learn-and-explore/about-the-army/formations-divisions-and-brigades/3rd-united-kingdom-division/1-deep-reconnaissance-strike-brigade-combat-team/>
- ¹⁵<https://www.bmvg.de/resource/blob/5851552/c82a5af00cf2185972277dc7e9d7b02e/20241023-uk-germany-joint-communique-englische-version-data.pdf>
- ¹⁶<https://www.bundeswehr.de/de/mediathek/60-sekunden-unterwasserdrohne-seefuchs-149458>
- ¹⁷<https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/waffenlieferungen-ukraine-2054514>
- ¹⁸См., например: The Bundeswehr on operations. Berlin: Federal Ministry of Defence, 2009. P. 14.
- ¹⁹<https://www.nato.int/cps/en/natohq/107995.htm>
- ²⁰https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm
- ²¹Ibid.
- ²²https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_234091.htm
- ²³https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm
- ²⁴<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte;> <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision;> <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision>
- ²⁵<https://www.bundeswehr.de/de/beschaffung-u212cd-uboote-5935660>
- ²⁶<https://www.gov.uk/government/publications/the-strategic-defence-review-2025-making-britain-safer-secure-at-home-strong-abroad/the-strategic-defence-review-2025-making-britain-safer-secure-at-home-strong-abroad>
- ²⁷NATO defence expenditures. Brussels: NATO, 2024. P. 13.
- ²⁸Ibid.
- ²⁹<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/personal/personalbestand-bundeswehr-5890246>
- ³⁰<https://www.gov.uk/government/publications/the-strategic-defence-review-2025-making-britain-safer-secure-at-home-strong-abroad/the-strategic-defence-review-2025-making-britain-safer-secure-at-home-strong-abroad>
- ³¹[https://augengeradeaus.net/2025/07/eckpunkte-fuer-neuen-wehrdienst-sechs-monate-dienstzeit-260-000-aktive/;](https://augengeradeaus.net/2025/07/eckpunkte-fuer-neuen-wehrdienst-sechs-monate-dienstzeit-260-000-aktive/) <https://www.bundeswehr.de/de/selbstverstaendnis/geschichte-bundeswehr/kalter-krieg>
- ³²<http://kremlin.ru/events/president/news/74292>
- ³³<https://www.rbc.ru/politics/23/02/2025/67bb7eff9a794748de9eadeff>
- ³⁴https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf
- ³⁵NATO defence expenditures. Brussels: NATO, 2024. P. 13.
- ³⁶<http://www.kremlin.ru/events/president/news/75909>
- ³⁷<https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/bundeskanzler-in-litauen-2047754;> <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-friedrich-merz-2347888>

Источники и литература

1. *Перхавко В.Б.* Первые купцы российские. М.: Русское слово, 2006. 560 с.
2. *Барсенков А.С.* Политика «нового мышления» и окончание холодной войны (1985-1990) // *Российская история*. 2015. №6. С. 135-157.
3. *Mills C.* Military assistance to Ukraine since the Russian invasion. London: House of Commons Library, 2023. 69 p.
4. *Трунов Ф.О.* Особенности участия Германии в подготовке армий Афганистана, Мали и Украины // *Сравнительная политика*. 2024. №2. С. 92-108.
5. *Трунов Ф.О.* Вашингтонский саммит НАТО. Нынешние и будущие тенденции в политике Альянса // *Свободная мысль*. 2024. №5. С. 85-99.
6. *Рубинский Ю.И., Синдеев А.А.* От Елисейского к Ахенскому договору // *Современная Европа*. 2019. №2. С. 18-27.
7. *Братерский М.В.* Введение. Поиск Западом своего места и роли в меняющемся мире // *Актуальные проблемы Европы*. 2025. №2. С. 7-21.
8. *Трунов Ф.О.* Процесс оснащения бундесвера дронами: детерминированность, «узкие места» и результаты к началу 2020-х годов // *Контурсы глобальных трансформаций*. 2021. №4. С. 368-393.
9. *Залесский К.А.* Наполеоновские войны. 1799-1815. Биографический энциклопедический словарь. М.: АСТ, Астрель, 2003. 825 с.
10. *Атлас офицера*. М.: Военно-топографическое управление ГШ ВС СССР, 1974. 394 с.
11. *Цейтлер К.* Сталинградская битва // *Роковые решения вермахта*. Смоленск: Русич, 2001. С. 179-256.
12. *Борисов Ю.В.* Дипломатия Людовика XIV. М.: Международные отношения, 1991. 382 с.
13. *Трунов Ф.О.* Германская модель военных реформ. М.: ИНИОН РАН, 2022. 360 с.
14. *Сидоров А.С.* Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД // *Актуальные проблемы Европы*. 2022. №4. С. 79-108.
15. *Трунов Ф.О.* Роль Германии как «рамочного государства» НАТО // *Общественные науки и современность*. 2024. №1. С. 46-59.
16. *Трунов Ф.О.* Россия как провайдер безопасности для Запада: альтернативный вариант операции «Немыслимое»? // *Международная жизнь*. 2024. №11. С. 70-83.
17. *Трунов Ф.О.* Переход к новой модели сил НАТО как показатель стратегического развития и возможных намерений «западных демократий» // *Контурсы глобальных трансформаций*. 2024. №6. С. 167-185.
18. *Biscop S.* The New Force Model: NATO's European Army? // *Egmont Policy Brief*. 2022. №285. 6 p.

Кира Кожухова

Доцент кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук ФГБОУ ВО МГЛУ, кандидат политических наук

kira.kozhuhova@mail.ru

Ключевые слова: американская стратегическая культура, военное оснащение, идея превосходства, техническое оснащение армии, МО США и политика сдерживания.

ВОЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одной из значимых составляющих американской внешней политики является американская стратегическая культура, которую многие зарубежные и отечественные политологи настойчиво отделяют от английской, ставя американцев в основание англосаксонского понимания мира. Как остроумно писал М. ван Кревельд в своем труде «Американская загадка», это отчасти происходит потому, что «всякий раз, когда эта страна [США] чихает, миру грозит тяжкая простуда»¹.

Американское «политическое чудо» отделилось от своих «прародителей» с Туманного Альбиона ввиду ряда исторических обстоятельств, центральным из которых является высшая форма изолированности от всех мировых конфликтов: в сравнении с островной Великобританией, отделенной от Европы Ла-Маншем, США находятся в еще более выгодном географическом положении, на другом континенте, отделенном от мира океанами, что сохранило аутентичное развитие Соединенных Штатов². После войны с Мексикой в XIX веке американский народ не знал иностранных интервенций, это укрепило и самопозиционирование США как неуязвимого лидера, что подмечал и крупный американский политолог Р.Джерви³. Именно поэтому стоит перейти к генезису американской стратегической культуры, который обличает ряд сущностных ее черт.

Всеобъемлющее превосходство как детерминант развития американской стратегической культуры

Изучение американской стратегической культуры как новой исследовательской категории проходило параллельно со становлением школы исследователей стратегической культуры в США. Нарастать этот процесс стал с начала 90-х годов XX века по причине распада Советского Союза, внешнеполитической активизации Китайской Народной Республики и образования Российской Федерации, которые своим существованием ставили под вопрос американский однополярный мир⁴, ведь, как подчеркивает видный отечественный политолог Д.В.Ефременко, анализируя труд Ф.Закарии, «главная проблема не в упадке Америки, а в подъеме остальных»⁵. Несмотря на продолжительное по времени исследование данного феномена, «волн» в осмыслении именно американской стратегической культуры не наблюдается, ведь мнения ученых, как западных, так и отечественных⁶, совпадают в ее основных характеристиках и лишь меняют «среду» ее изучения на тот или иной международный конфликт, в котором участвуют Соединенные Штаты, подкрепляя эмпирические данные постулатами текущей Стратегией национальной безопасности⁷.

Возвращаясь к истокам научного оформления понимания американской стратегической культуры, отметим, что первым об обязательности исследования данной проблематики заявил один из отцов-основателей научного осмысления феномена стратегической культуры американский политолог К.Грей, который еще в 1981 году акцентировал внимание на необходимости создания аутентичного понимания «нашего [США] национального подхода к войне как инструменту политики»⁸. В общем смысле специфику национального подхода американцев отмечал в свое время еще классик американской литературы Марк Твен, процитировавший высокопоставленного американского военного, заявившего: «Мы - англосаксы, а когда англосаксу что-нибудь надобно, он идет и берет». Если перевести эту выдающуюся декларацию (и чувства, в ней выраженные) на простой человеческий язык, она будет звучать примерно так: «Мы, англичане и американцы, - воров, разбойники и пираты, чем и гордимся»⁹. Подтверждением этому является текущая позиция США «Америка - превыше всего», причем не только в рамках внутривнутриполитических соображений. К примеру, в стиле антиутопического парадоксального романа американского писателя Дж.Хеллера «Уловка-22» одной из основных внешнеполитических целей Президента США Д.Трампа еще с его первого срока является присоединение Гренландии к Штатам даже при том, что текущая «хозяйка» Гренландии Дания - член НАТО и союзник США.

В этой связи интересно мнение американского ученого Ф.Хоффмана, который утверждает, что американская стратегическая культура есть комбинация социополитической культуры американского общества и военной субкультуры¹⁰, что, однако, не дает права на размывание границ данных категорий. Хоффман не расшифровывает свое понимание «военной субкультуры», однако история внешней политики США показывает, что это тот самый паттерн «вора, разбойника и пирата», о котором писал в свое время Марк Твен. Таким образом, должностные лица и правительственные структуры при принятии решений руководствуются определенной «системой координат», которая и обусловлена национальной стратегической культурой. В принципе даже сами американские политологи, исследующие собственную стратегическую культуру, настаивают, что ее «выразителем» являются вооруженные силы.

Военное ядро американской стратегической культуры обуславливает наличие реалистического подхода к войне и внешней политике в целом, хотя современные исследователи настаивают на смене внешнеполитического курса с реалистического на идеалистический

в зависимости от прихода к власти демократов и республиканцев¹¹. Однако современные стратегические культуры являются сочетанием наступательной и оборонительной риторики. Если, к примеру, у КНР оборонительный компонент явно превалирует, и она в основном пацифистская и конструктивная из-за допущения существования иных видений мирового порядка, то в случае США можно увидеть доминирование наступательного и деструктивного паттерна.

При этом отметим, что не всегда наступательный компонент является деструктивным, однако Соединенные Штаты из-за особенностей ментально-культурного плана выдвигают в качестве целеполагания своего внешнеполитического курса безапелляционную исклю-

Американское «политическое чудо» отделилось от своих «прародителей» с Туманного Альбиона ввиду ряда исторических обстоятельств, центральным из которых является высшая форма изолированности от всех мировых конфликтов.

чительность государства, демократическое мессианство (необходимо подчеркнуть, что вместо демократии американцы могли бы быть двигателем и любой другой идеи, ключевое здесь - именно мессианский аспект американской вседозволенности и богоизбранности) и военное превосходство. Именно это сочетание приводит стратегическое мышление американцев к центральной идее однополярного мира с американскими правилами игры, уничтожая инакомыслие «огнем и мечом», то есть твердой силой.

Идеологическими основаниями американской стратегической культуры являются пуританизм, мессианство, концепция исключительности и фронта, «век Америки» (*Rex Americana*), глобальное пространственное мышление и жизненные интересы планетарного масштаба. Данные постулаты в сочетании с идеей военного и технологического превосходства, начиная со Второй мировой войны, стали столпом повсеместного военного и иного присутствия США в мире и применения ими твердой силы, а также высокой степени деструкции автономности других акторов международных отношений, которые не в состоянии противостоять технологическим новшествам американского экспансионизма и его практики реализации.

Вышеперечисленные характеристики стратегической культуры американцев находились в синергии на протяжении полутора веков - с момента создания Соединенных Штатов и до начала их активной международно-политической деятельности во время Первой мировой войны. Выход США на международную арену показал, что удаленная от Старого Света бывшая английская колония не была готова вести активные боевые действия на подобной дистанции, даже несмотря на наращивание флота и позже авиации, что доказывает позднее вступление страны в Первую мировую войну, а также отказ от вступления в Лигу Наций, инициатором которой были сами американцы.

Во время данного этапа изоляционизма в начале XX века американские дипломаты и ученые сделали ставку на военное оснащение и технологическое первенство, что, несмотря на период Великой депрессии, дало толчок проекту «Манхэттен» по разработке и впоследствии применения ядерного оружия. Интерес в технологическом первенстве был изначально обусловлен мэхэнианской идеологией господства на море, а позже и в воздухе после успеха генерала армии США У.Митчелла, которого считают отцом американских военно-воздушных сил. При этом упор на сухопутные войска практически не совершался из-за укоренившейся мысли о географической недостижимости Америки.

Таким образом, американская идея превосходства над другими государствами нашла свое реальное практическое измерение и применение и после Великой депрессии с началом Второй мировой войны. США вырвались в лидеры Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений наряду с СССР. США впервые в мире применили ядерное оружие в Японии и начали гонку вооружений нового, уже биполярного мира, демонстрируя свои превосходство и решимость в строительстве нового мирового порядка. (И.В.Сталин знал о возникновении ядерного оружия у США задолго до конференции в Потсдаме, о чем не догадывался Г.Трумэн.) Впоследствии в США болезненно реагировали на расставание с географической неуязвимостью.

Мотивационными компонентами технологического и военного превосходства американцев стали уничтожение угрозы для национальной безопасности (из чего позже выросла доктрина взаимного гарантированного уничтожения), безальтернативное лидерство в условиях политики устрашения, а также препятствия в технологическом развитии прочих держав мировой системы отношений, ибо, как отмечал бывший министр обороны США Р.Гейтс, одной из задач стратегии Америки является «поддержание ныне существующего превосходства в традиционных и стратегических вооружениях и технологиях над вооруженными силами других стран»¹². Можно отменить соперничество США и КНР за технологическое превосходство, так как именно технологии занимают центральное место в современной геополитической конкуренции, как гласит Стратегия национальной безопасности США 2022 года.

Тем самым интегративным плодом американской исключительности, предопределенного американского лидерства, факела демократии, современного подвижного фронта и века Америки стало включение в стратегическую культуру США американского вундерваффе - военного технологического первенства, которое явилось одновременно и методом устрашения, и реальной военной силой, подавляющих несогласных с американским порядком.

Военное превосходство как доминанта национальной стратегической культуры США

По утверждению западного политолога Д.П.Адамски, современная американская стратегическая культура отличается «промышленным подходом к войне»¹³. Ссылаясь на известного американского исследователя Э.Люттвака, Адамски комментирует, что до этого данному феномену в англосаксонской военной научной мысли не существовало подходящего термина. С ним солидарен и другой западный политолог А.Дж.Эчеваррия II, который называет американский способ ведения войны подвидом и продуктом американской стратегической культуры¹⁴.

При этом автор перечисляет основные характеристики современной американской стратегической культуры: «Предпочтение ведения войн как приоритетных сражений; повсеместное вовлечение технологий, также известное как технологический романтизм; неприятие несчастных случаев; склонность американцев к теоретизированию, когда речь заходит о военном деле»¹⁵.

Раскрывая сущность американского понимания военных действий, отметим, что исключительность англосаксонского способа ведения войны состоит в «принципах ведения боевых действий межвидовыми или коалиционными группировками во всех операционных средах: наземном, воздушном, морском, космическом пространстве (физическая среда)». Это обусловлено, как справедливо отмечают отечественные ученые А.А.Кривопапов и А.А.Вершинин, отсутствием стратегических дилемм других держав и отсутствием

«благословенного ужаса перед тотальными формами вооруженной борьбы»¹⁶ из-за географической изолированности.

Продолжают данную риторику индийские политологи Дж.Р.Сумро и Н.Шахин, которые определили именно вооруженные силы и их структуры как «выразителя» американской стратегической культуры. Интересна и их интерпретация характеристик американского способа ведения войны: авторы говорят о «крайней агрессивности, поиске решающего сражения и развертывании максимальных усилий для победы над противником»¹⁷.

Данные идеи сообщают о высоком уровне институциональной памяти в американском обществе, о чем писал отечественный ученый А.А.Кокошин применительно к российскому случаю, однако это справедливо и для американского общества¹⁸. Как отмечает в этой связи

российский политолог М.И.Рыхтик, «стратегическая культура влияет на институциональные системы идеалов и ценностей»¹⁹. Таким образом, мессианская идея не идет в противовес военному первенству США, а является его идеологической основой, снабжая национальную американскую стратегическую культуру должной преемственностью, в том числе и в деструктивном ключе.

Сложность понимания американской стратегической культуры пробуждает плюрализм мнений. Так,

Выход США на международную арену показал, что удаленная от Старого Света бывшая английская колония не была готова вести активные боевые действия, что доказывает позднее вступление страны в Первую мировую войну, а также отказ от вступления в Лигу Наций, инициатором которой были сами американцы.

американские исследователи М.Дж.Бойл и Э.Ф.Лэнг пришли к выводам, что эта культура, подверженная идеологическим изменениям, со временем привела к преобладанию двух способов вмешательства. Первая «ограниченная» модель требует больших финансовых вливаний и передает контроль над будущим государства местным субъектам при условии, что они гарантируют открытые рынки и хорошее правительство («цветные революции» в Грузии, на Украине и т. д.).

Вторая модель - так называемый виндикационизм (прямое использование ресурсов Соединенных Штатов, включая применение военной силы как в случае с Ираком), предполагает вмешательство США в другое общество с целью насаждения идеалов демократии. Однако, как объективно замечает профессор М.И.Рыхтик, «среди американских исследователей определенную популярность имеет теория «справедливой войны»²⁰, которая происходит для «лечения» демократии в других странах, что фактически говорит об унифицированном подходе к ведению внешней политики, несмотря на различия риторики партии, находящейся у власти.

Таким образом, вышеприведенные исследователи настаивают на постулате, что американская стратегическая культура по своей деструктивной сущности отдает предпочтение военному решению проблем, потому что США обладают военным превосходством в техническом оснащении над любым противником. Получается, что военное превосходство является основополагающим элементом стратегической культуры США. Это подтверждается и в практике внешней политики США, к примеру в военной кампании сетецентрических боевых операций в Ираке, которая, по мнению даже американских политологов, не оправдала себя из-за замены истинной военной стратегии опорой на технологии²¹.

Анализируя современную американскую стратегическую культуру, сами исследователи из США акцентируют внимание на ее технологической ориентированности. Так, Я.Бланк,

комментируя следующую особенность американской стратегической культуры, настаивает, что американский метод ведения боевых действий использует значительные качественные преимущества в технологии, позволяющие превзойти любого потенциального противника. С этим нельзя не согласиться, так как техноцентричная война, возникшая из-за необходимости использования превосходящих другие государства военных технологий для доминирования США на обширных рубежах, опирается на концепцию, согласно которой все риски и угрозы могут быть преодолены с помощью надлежащего использования технического оснащения армии.

При этом Бланк приходит к весьма рельефному выводу, что создание высокотехнологичных средств ведения боевых действий тесно связано со стремлением военного и гражданского руководства США свести к минимуму потери США в ходе боевых операций. Исходя из либерально-демократической веры в значимость личности и полностью добровольной структуры формирования вооруженных сил, такое отношение кажется в высшей степени логичным, ведь американская стратегическая культура демонстрирует тенденцию к восприятию войны как крестового похода.

Данный сюжет подтверждает и исследование норвежской ученой К.Снеберг, которая, размышляя о целеполагании в американской стратегической культуре, приходит к выводу, что жизненные интересы Соединенных Штатов находятся в синергии с внешнеполитическими убеждениями. Так, исследовательница утверждает, что политика США заключается в том, чтобы поддерживать развитие демократических движений и институтов в каждой нации и культуре с конечной целью покончить с тиранией в нашем мире. Идея американского национального стиля является производной от идеи национальной стратегической культуры, предполагающей, что в стратегических вопросах существует исключительно американский подход, что подтверждается и исследованиями американского ученого Т.Г.Манкена²² в его ранних аналитических материалах. Таким образом, суть внешнеполитических убеждений, формирующих стратегическую культуру США, можно свести к тезису, что развитое американское самосознание снижает вероятность того, что противники США смогут воспользоваться недостатками традиционных методов обороны, и может вдохновить на инвестиции в навыки, тактику и дипломатические подходы, которые выходят за рамки «привычной» американской стратегической культуры²³.

Как отмечает академик А.А.Кокошин, в Соединенных Штатах «в настоящее время действует механизм не «спин-офф» (передачи передовых гражданских технологий из военного сектора в гражданский), а «спин-он» (в обратном порядке)»²⁴, что предопределяет механизм внедрения американской стратегической культуры в умы как обычных граждан, так и лиц, принимающих внешнеполитические решения, концептуализируя необходимость американского военного превосходства.

Именно поэтому американская внешняя политика стала декларировать такие стратегии, как «массированное возмездие», «сдерживание путем возможности нападения», «сдерживание асимметричным наказанием», что подкреплялось и риторикой американского политического истеблишмента. Дж.Ф.Далесс, один из государственных секретарей США, в 1954 году

Интегративным плодом американской исключительности, предопределенного американского лидерства, стало включение в стратегическую культуру США военного технологического первенства, которое явилось одновременно и методом устрашения, и реальной военной силой, подавляющих несогласных с американским порядком.

комментировал: «Самым основным решением [...] является решение полагаться главным образом на большую способность нанести мгновенно ответный удар средствами и в местах по нашему собственному выбору»²⁵.

Таким образом, гонка вооружений и холодная война дали зеленый свет началу американской стратегии не прямых действий, то есть, непрямого военного удара. Американский политолог Скотт Мориссон комментирует, что американская оборона отводит центральную роль в не прямых действиях силам специальных операций²⁶. Военный британский теоретик Б.Лиддел Гарт рассматривал не прямой подход как метод ориентации, нацеливания и нарушения равновесия противника с целью планирования и нанесения решающих ударов. По определению Гарта, точечные рейды являются

Американская стратегическая культура по своей деструктивной сущности отдает предпочтение военному решению проблем, потому что США обладают военным превосходством в техническом оснащении над любым противником. Получается, что военное превосходство является основополагающим элементом стратегической культуры США.

одним из неотъемлемых компонентов более широкого применения непрямого подхода. Таким образом, стратегия непрямого подхода, выведенная им, подчеркивает важнейшее значение маневрирования в войне для избежания прямого столкновения с сильными сторонами противника. Эта стратегия основана на признании того, что прямые атаки, часто предсказуемые и сильно укрепленные, могут привести к затяжным и дорогостоящим конфликтам. Непрямой подход, с другой стороны,

стремится удивить и нервировать противника, нацеливаясь на уязвимые места и приводя к более эффективным и решительным победам, что привнесло в американскую стратегическую культуру качественно новый подход в отношении к применению военной силы и политики устрашения.

Закономерным ответом научного сообщества на подобные сценарии развития американской внешней политики стала лестница эскалации американского экономиста Г.Кана. В книге «Об эскалации» он представил обобщенный сценарий, состоящий из 44 ступеней, по которым мир мог бы подняться, чтобы перейти от локального кризиса к Армагеддону²⁷. Как теоретик ограниченной войны, Кан соглашался с тем, что военные «инстинкты» необходимо обуздывать, и пытался противостоять неопределенности, утверждая, что эскалация сама по себе также является процессом переговоров, в котором участвуют лица, принимающие решения. В итоге лестница Г.Кана стала частью американской политики устрашения (сдерживания)²⁸.

Идея сдерживания - это центральная часть заявления о миссии Министерства обороны США, которое является носителем американской стратегической культуры. Задача этого министерства в области сдерживания заключается в стремлении убедить потенциальных агрессоров, будь то государства или негосударственные акторы (такие как террористические группы), в том, что агрессия против США или их союзников повлечет за собой неприемлемые потери, перевешивающие любые возможные выгоды. Как подчеркивает американский политолог М.Сиссон, вооруженные силы США часто выступают как часть более широких правительственных мер, направленных на предотвращение нежелательных действий, которые ставят под угрозу ключевые национальные интересы Америки или нарушают нормы международного права. Примерами могут служить усилия по предотвращению препятствования законному судоходству, сдерживанию несанкционированных испытаний

ядерного оружия и недопущению насилия правительств против собственного населения, как, например, в случае КНР.

Политика сдерживания развития конфликтов Соединенными Штатами имеет четкое разделение. Так, с 1945 года, еще до явления миру труда «Стратегия конфликта» американского исследователя Т.Шеллинга, Министерство обороны США использует три основных подхода к сдерживанию военных столкновений²⁹. Во-первых, это поддержание мощных и технологически современных вооруженных сил, включая хорошо оснащенную и обученную армию, флот, корпус морской пехоты и военно-воздушные силы, комплектуемые на добровольной основе. Необходимый размер, структура и дислокация этих сил определяются Министерством обороны на основе оценки потенциальных угроз территории и народу Соединенных Штатов.

Эти оценки учитывают и второй важный инструмент сдерживания - оборонные союзы с другими странами. В качестве третьего подхода - министерство для предотвращения военных конфликтов. Соединенные Штаты, помимо традиционных вооруженных сил и оборонительных альянсов, располагают внушительным ядерным арсеналом, насчитывающим около 5 тыс. боеголовок, что, как отметил Р.Джервис, изменило смыслы и императивы ядерной войны, произведя революцию в военной стратегии и международных отношениях.

Стоит акцентировать внимание на целеполагании стратегической культуры Америки. Она, как отмечает отечественный политолог Л.Д.Оганисян, нацелена на обеспечение глобального лидерства³⁰. Это подтверждает и другой отечественный исследователь А.П.Цыганков, который, комментируя идеи американского международника С.Хоффмана, высказал идею о том, что «американская внешняя политика является результатом исторически сформированных глубинных привычек (deepest habits), институтов и искусства дипломатии»³¹.

Исходя из этого, жизненные интересы США имеют довольно большой масштаб, что выражается в повсеместном военном присутствии страны в совершенно разных регионах мира, ведь целью Соединенных Штатов, как гласит американская Конституция, является «образовать более совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим»³². На международной арене Соединенные Штаты вовлечены в украинский кризис, в войну в секторе Газа, купирование террористической деятельности на Ближнем Востоке, ядерные угрозы со стороны Ирана и Северной Кореи, влияние изменения климата, продовольственную нестабильность и миграцию населения на отдельные страны и регионы, а также экономические и военные вызовы Китая Тайваню и странам Южно-Китайского моря. Каждый из этих вызовов и угроз может создать локальную, если не глобальную военную ситуацию, которая, скорее всего, потребует вмешательства Соединенных Штатов, в том числе при помощи «чужих рук», ввиду особенностей американской стратегической культуры. Таким образом, выходит, что, будучи «лидером свободного мира», Соединенные Штаты стали первыми в качестве арбитра мира, гаранта безопасности и силы стабильности.

Вооруженные силы США часто выступают как часть более широких правительственных мер, направленных на предотвращение нежелательных действий, которые ставят под угрозу ключевые национальные интересы Америки или нарушают нормы международного права.

Подводя итоги, отметим, что военное и военно-техническое превосходство Соединенных Штатов является неотъемлемой частью геополитической стратегии этой страны ввиду определенной национальной специфики внешнеполитического поведения. Деструктивная направленность американской стратегической культуры, «выросшей» в изоляции от основных военных противостояний государств Европы и Азии, предопределила старт гонки вооружений и холодной войны, краеугольную необходимость мирового первенства для США, а также решительное вмешательство в разнообразные локальные конфликты, где внезапно и весьма стабильно обнаруживаются национальные интересы Штатов.

Все это было обусловлено военными истоками американской стратегической культуры, так как кроме прочего «богоизбранность» США проявляется в глобальном сдерживании военными технологиями, которые успешно применимы вдали от своей родины, что и предполагает безусловное лидерство в современной системе международных отношений, по мнению американского истеблишмента.

¹Ван Кривельд М. Американская загадка. Челябинск: Социум, 2020. С. 9.

²См., например: Михалев Ю.А., Зволицкий Е.В. Значение доктрины Монро в формировании американской стратегической культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. №1 (794). С. 52-59.

³Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2022. С. 78-86.

⁴Arms A. Strategic Culture: The American Mind. Essays on Strategy IX. Washington, DC: National Defense University Press, 1993. P. 3-32.

⁵Ефременко А.В. Образ желаемой современности // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. №6. С. 144.

⁶См.: Белозеров В.К. Истоки и перспективы глобального американского проекта // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. №1. С. 126-134.

⁷Adamsky D.P. American Strategic Culture // American Strategic Culture and the US Revolution in Military Affairs. Norwegian Institute for Defence Studies, 2008. P. 33-48.

⁸Gray C. National Style in Strategy: The American Example // International Security. Fall, 1981. P. 22.

⁹Марк Твен. Мы - англосаксы // URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/CAMERTON/TWAIN.HTM> (дата обращения: 14.04.2025).

¹⁰Hoffman F. Decisive Force. The New American Way of War. Westport, Connecticut: Praeger, 1996.

P. 1; Lord Carnes. American Strategic Culture // Comparative Strategy. 1985. Vol. 5. №3. P. 269-291.

¹¹Zarobny S. Strategic Culture of the United States of America // Comparative Background, 2021. SD, vol. 38, №38. P. 82-102.

¹²Геймс Р. Сбалансированная стратегия // Россия в глобальной политике, 2009 // URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/sbalansirovannaya-strategiya/> (дата обращения: 02.05.2025).

¹³Adamsky D.P. Op. cit.

¹⁴Echevarria II, Antulio J. American Strategic Culture: Problems and Prospects // The Changing Character of War. Oxford, 2011.

¹⁵Там же.

¹⁶Кривопапов А.А., Вершинин А.А. Путем великой державы: очерки сравнительной истории стратегических культур России и США в XX веке. Монография. М.: ИНФРА-М, 2025. С. 44.

¹⁷Soomro J.R., Shabeen N. Strategic Culture of United States // Modern diplomacy, 2020 // URL: <https://modern diplomacy.eu/2020/03/01/strategic-culture-of-united-states/> (accessed 29.03.2025).

¹⁸Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.

¹⁹Рыхтык М.И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2003. №1. С. 203-204.

²⁰Там же.

²¹*Harris B.* America, Technology and Strategic Culture: A Clausewitzian Assessment (1st ed.). Routledge, 2008.

²²*Mahnken T.G.* United States Strategic Culture // Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office, 2006 // URL: <https://irp.fas.org/agency/dod/dtra/us.pdf> (accessed 14.03.2025).

²³*Jeannie L.* Fit for Future Conflict? American Strategic Culture in the Context of Great Power Competition // Johnson Journal of Advanced Military Studies. 2020. Vol. 11. №1. P. 185-208.

²⁴*Кокошин А.А.* Вопросы прикладной теории войны. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 156.

²⁵The Department of State Bulletin. 1954. January 25. P. 107, 108.

²⁶*Morrison S.* Redefining the Indirect Approach, Defining Special Operations Forces (SOF) Power, and the Global Networking of SOF // Journal of Strategic Security. 2014. Vol 7. №2. P. 48-54.

²⁷*Kahn H.* On Escalation: Metaphors and Scenarios. New York: Praeger, 1965. P. 138.

²⁸*Фененко А.В.* Эволюция теории ядерного сдерживания в США в годы холодной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 111-135.

²⁹*Sisson M.W.* What is deterrence, and what is its role in U.S. national defense? // Brookings, 2024 // URL: <https://www.brookings.edu/articles/what-is-deterrence-and-what-is-its-role-in-u-s-national-defense/#:~:text=The%20deterrence%20job%20of%20the,States%20or%20its%20treaty%20allies.> (accessed 29.03.2025).

³⁰*Оганисян А.А.* Стратегические культуры США и ЕС в средиземноморской политике // Современная Европа. 2017. №2. С. 47-54.

³¹*Цыганков А.П.* Гулливер на распутье: американская стратегия и смена миропорядка // Международная аналитика. 2020. №11(2). P. 28-44.

³²Конституция США // Исторический факультет МГУ. 2025 // URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 02.05.2025).

Нубара Кулиева

Стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

nkulieva@hse.ru

Ключевые слова: *борьба за пространства, Турция, Ливия, Восточное Средиземноморье, Ближний Восток, Северная Африка, «Голубая родина».*

«БОРЬБА ЗА ПРОСТРАНСТВА» НАЧАЛАСЬ: ТУРЦИЯ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Турция, в особенности в период президентства Р.Т.Эрдогана, проявляет выраженную активность в вопросах усиления своего регионального и международного влияния.

Эта линия направлена на получение вполне определенных материальных, финансовых «дивидендов», в том числе и в виде контроля за полезными ископаемыми вне рамок «очевидной», признаваемой другими сторонами турецкой юрисдикции.

Наиболее четко этот курс проявляется в отношении Ливии. Подписание в 2019 году турецко-ливийского меморандума о разграничении морских границ стало отправной точкой переформатирования существующих в Восточном Средиземноморье морских границ в целях реализации выдвинутой в 2006 году морской геополитической доктрины «Голубая родина», предусматривающей расширение турецкой исключительной экономической зоны в Черном и Эгейском морях, Восточном Средиземноморье.

Ливийский кейс, как представляется, можно рассматривать в качестве весьма симптоматичной попытки переформатирования международно-правовых и геостратегических основ морской политики в регионе и мире в целом.

Важным обстоятельством является и то, что морская политика в Ливии стала существенным элементом новой, активной, наступательной внешнеполитической модели,

формируемой в период нахождения у власти в Турции Партии справедливости и развития (далее - ПСР) и Р.Т.Эрдогана.

Турция сегодня при этом переживает острую стадию внутривластной борьбы в преддверии возможных досрочных выборов. Ситуация усугубилась после ареста главного соперника Р.Т.Эрдогана от оппозиции Э.Имамоглу. Сложная социально-экономическая ситуация на фоне продолжающегося экономического кризиса и роста социальной напряженности, в том числе из-за процесса нормализации с курдами, делают необходимым поиск способов укрепления авторитета власти, ее легитимности. Среди такого рода приемов усиления популярности - демонстрация внешнеполитических побед, одной из которых может стать ливийский кейс.

Это особенно актуально в контексте начатой в этом году линии на активизацию связей между Турцией и Востоком Ливии, находящимся под контролем Ливийской национальной армии (далее - ЛНА) во главе с Х.Хафтаром. После визита его сына С.Хафтара, начальника штаба сухопутных войск ЛНА, в Турцию, а также заключения между сторонами ряда соглашений, в том числе в области военного сотрудничества и экономического характера, появилась возможность ратификации турецко-ливийского меморандума по разграничению морских границ.

После падения режима М.Каддафи Ливия оказалась в состоянии политической нестабильности, в стране образовался вакуум власти, ранее традиционно заполнявшийся глобальными акторами. Но в современных условиях на передний план выходят региональные игроки, стремящиеся к лидерским позициям на пространстве БВСА.

В этом контексте Турция, поддержав Правительство национального согласия Ливии (ПНС) во главе с Ф.Сараджем, оказалась по другую сторону от блока стран, поддерживающих генерала Х.Хафтара, руководящего ЛНА, то есть прежде всего КСА, ОАЭ, Египта. При этом данный блок стран поддерживается также рядом глобальных акторов, таких как ЕС. Ливия превратилась в площадку для регионального противостояния и шире - для трансформации всей архитектуры безопасности в Восточном Средиземноморье.

Среди стран, так или иначе вовлеченных в ливийский конфликт, можно выделить несколько условных групп. Во-первых, страны, рассматривающие ливийский конфликт в контексте общерегиональной дестабилизации БВСА, то есть с доминирующим ближневосточным восприятием конфликта. Во-вторых, государства, для которых ливийский конфликт приобретает особую значимость с точки зрения развития средиземноморского региона и связанных с ним проблем разграничения морских границ и использования природных ресурсов [6, с. 685].

Турецкая политика в Ливии изначально формировалась в ответ на системные трансформации, протекающие на пространстве БВСА после «арабской весны», то есть во многом носила ситуативный характер [7, с. 330]. При этом из всего спектра политических, экономических, идеологических и международно-правовых мотивов избранного курса можно выделить как свойственные двустороннему сотрудничеству на протяжении длительного периода времени, так и являющиеся прямым следствием развития последних событий в Ливии, а также в регионах БВСА и Средиземноморья. Турецкую политику в Ливии сегодня можно рассматривать в трех основных ракурсах: 1) средиземноморском; 2) ближневосточном и 3) африканском.

Средиземноморское измерение

Наиболее критичным с точки зрения турецких национальных интересов сегодня представляется средиземноморское измерение ливийской проблемы. Определение сложившейся

в Восточном Средиземноморье системы разграничения морских границ и распределения природных ресурсов как несправедливой [15, с. 155] (adil olmayan) является сегодня доминирующим в турецком внешнеполитическом дискурсе. При этом данная «несправедливость» обосновывается стремлением группы стран - соседей Турции (прежде всего Греции и Кипра), а также поддерживающих их региональных и глобальных акторов изолировать Турцию и поддерживаемую ею Турецкую Республику Северного Кипра (ТРСК).

Это по мнению турецкой стороны обуславливает игнорирование ее законных прав, несмотря на факт наличия у Турции наиболее продолжительной береговой линии в регионе. При этом суть проблем, актуализировавшихся в регионе в последние годы, не ограничивается экономической и политической составляющими, а лежит также в правовой плоскости. Здесь все кроется в особенности трактовки сторонами норм международного права, прежде всего вопросов разграничения морских границ и использования шельфа, а также в их стремлении таким образом легитимизировать свою политику.

К тому же существует ряд насущных проблем турецкого общества, которые обуславливают приоритизацию интересов в регионе Средиземноморья современной Турцией, в том числе:

1. Уникальное географическое положение (между Азией и Европой: основные экспортеры и импортеры энергоносителей), используемое для формирования статуса нового энергетического хаба Евразии.

2. Увеличение энергопотребления (сегодня население Турции превышает 80 млн человек [14]) и необходимость обеспечения стабильного снабжения энергоресурсами.

3. Отсутствие у Турции значительных внутренних энергоресурсов и стремление снизить зависимость от России и других экспортеров энергоносителей (согласно данным Международного энергетического агентства, из РФ Турция импортирует 93% нефти и 99% газа [13]).

В рамках средиземноморского измерения внешней политики Турции после «арабской весны» особое значение принимает правовой аспект проблемы. В этом контексте важно учитывать, что Турция не подписала и не ратифицировала четыре ключевые для современного морского права конвенции 1958 года (Об открытом море, О территориальном море и прилежащей зоне, О континентальном шельфе, О рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря), а также Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.), к которым апеллируют противники Турции в Восточном Средиземноморье. Следовательно, имеет место уникальная турецкая трактовка норм морского права, которая, как отмечает П.А.Гудев [3, с. 475], опирается на несколько основных элементов.

Во-первых, в отношении вопроса о внешних границах территориального моря Турция руководствуется необходимостью сохранения 3/6-мильного лимита территориального моря (в противовес 12 милям, согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.) в отсутствие двусторонних договоров, закрепляющих противоположное. Это обосновывается приверженностью нормам Лозаннского мирного договора 1923 года (в частности, ст. 12), закрепляющего данные ограничения, равно как и обязательно взаимный характер любых изменений, а также учет особого статуса Эгейского моря.

Во-вторых, турецкая позиция относительно правового режима островов исходит из их особого статуса, заключающегося в невозможности формирования ими исключительной экономической зоны и континентального шельфа в случае расположения в указанных морских зонах других государств, обладания площадью менее 1/10 от материковой площади прибрежного государства, а также населением менее 1/10 от населения материковой части прибрежного государства. Данный тезис также касается территории островов, неспособных поддерживать жизнедеятельность человека и расположенных за пределом территориального моря.

Более того, Турция отрицает возможность обладания суверенитетом над группой островов только лишь в соответствии с концепцией архипелажных вод.

В-третьих, отличной от современных норм морского права турецкая позиция является и в отношении вопросов разграничения континентального шельфа. А именно: приоритет отдается концепции «естественного продолжения» (характеристика шельфа как продолжение сухопутной территории прибрежного государства) и принципу «справедливости».

В этих условиях особую важность приобретает вопрос признания ООН ливийско-турецких соглашений. При этом турецкие специалисты делают упор на правомерность своей позиции и политики как в Ливии, учитывая международно-признанный статус ПНС, так и в Восточном Средиземноморье в целом, опираясь на нормы международного права. Так, заключение договоров о разграничении морских границ и военном сотрудничестве, а также создание исключительной экономической зоны и размещение турецкого военного контингента в Ливии позиционируются в рамках защиты национальных интересов Турции в регионе в условиях покушения на них блоком недружественных стран.

В данных условиях особую актуальность принимает концепция «Голубая родины», разработанная и продвигаемая отставными контр-адмиралами Джихатом Яйджи и Джемом Гюрденизом и ставшая морской доктриной Турции в XXI веке, отражающей турецкое понимание «справедливого порядка» (*adil düzen*) [16]. В данном случае «справедливым» с точки зрения Турции морским порядком является для нее расширение водных владений в Средиземном, Черном и Эгейском морях до 462 тыс. км².

Одним из первых и наиболее важных реальных шагов на пути реализации данной доктрины стало подписание Турцией и ПНС в 2019 году Меморандума по вопросу разграничения морских границ в Восточном Средиземноморье. Данный документ составил правовую основу турецкой активности в Средиземноморье, что спровоцировало обострение противостояния Турции с рядом стран региона. Положив начало активному сотрудничеству по вопросу добычи энергоносителей в Восточном Средиземноморье и подписанию в дальнейшем Соглашения о разведке нефти и газа между Турцией и Правительством национального единства (ПНЕ), получившее резкую критику как со стороны таких стран, как Египет и Греция, так и властей Триполи. Таким образом, становится понятным, что правовое измерение ливийской политики Турции оказывается одним из наиболее актуальных и важных с точки зрения реализации турецких планов в Восточном Средиземноморье.

Ближневосточное измерение

Что касается ближневосточного измерения турецкой политики в Ливии, то в данном контексте можно выделить несколько основных для Турции направлений. Еще в период правления М.Каддафи ливийский рынок был одним из приоритетных направлений турецких компаний, особенно представителей строительного и логистического секторов. При этом это были как представители турецкого малого и среднего бизнеса, так и крупные компании, заключавшие многомиллионные контракты на реализацию важных инфраструктурных проектов в сферах энергетики, нефтедобычи, торговли и т. д. Однако начало кризиса в стране, приведшего к политическому хаосу, стало причиной невозможности ливийских заказчиков выплачивать долги и в целом ограничило шанс реализации самих проектов, учитывая нестабильность в стране. Таким образом, устойчивые связи с ПНС стали способом возмещения в случае стабилизации ситуации в стране экономических убытков, понесенных турецкой стороной.

Также в контексте БВСА важен идеологический аспект вовлечения в ливийский конфликт и обоснования региональной политики, имеющий два основных элемента. Во-первых,

ливийский кейс представляется важным для Турции с точки зрения внутривнутриполитической повестки последних лет и формирующейся правящей партией новой политической культуры, в рамках которой практика применения военных переворотов как инструмента политической борьбы является неприемлемой. Связано это как с богатой на военные перевороты историей Турецкой Республики, так и с несостоявшейся в 2016 году очередной попыткой военных прийти к власти в стране силовым путем. С этого момента в рамках борьбы с «путчистами-гюленистами» нынешнее руководство провело целый ряд реформ, снизивших роль военных в управлении государством.

Параллельно проводились широкомасштабные чистки и кадровые перестановки на всех уровнях военного управления, послужившие причиной смещения баланса в рамках традиционной парадигмы военно-гражданских отношений, где военные всегда обладали особым статусом. На фоне этого официальные представители Турции при любом удобном случае публично подчеркивают свою приверженность демократическим нормам и принципам сменяемости власти, что и происходит в случае с Х.Хафтаром. То есть поддерживая международно-признанные силы в Ливии и отвергая возможность прихода к власти Х.Хафтара при участии военных, Турция отталкивается в том числе от внутривнутриполитической повестки и более широко использует демократические принципы как предлог для укрепления собственной власти и поддержания имиджа страны.

Ливийская политика Турции также тесно связана с повышением на пространстве БВСА влияния элементов, относящихся к политическому исламу, прежде всего организации «Братья-мусульмане». Учитывая идейную близость, Турция оказала поддержку представителям «умеренного ислама» на пространстве БВСА, что представлялось возможностью усиления собственных позиций как социально-политической модели развития для региона. В ливийском кейсе это проявилось в том, что ПНС, поддержку которому выразила Турция, позиционируется в качестве пособника ливийских исламистов. Именно это представляется одним из наиболее болезненных аспектов противостояния Турции и блока стран региона, поддерживающих военный режим Х.Хафтара в Ливии.

Африканское измерение

Африканское измерение ливийской политики Турции имело особое значение еще до начала активной фазы конфликта в Ливии, учитывая расхожее среди представителей ПСР еще в начале 2000-х годов восприятие Ливии в качестве «ворот в Африку» как богатой полезными ископаемыми растущим рынком для реализации крупных экономических проектов [2, с. 32]. Усиление действий Турции на африканском направлении началось с принятием «Плана действий в отношении Африки» в 1998 году, задолго до начала «арабской весны». Однако активизация данного направления турецкой политики пришлось на период нахождения у власти ПСР с объявления Года Африки в Турции в 2005 году [4, с. 48]. При этом африканская политика Турции сегодня полностью вписывается в логику развития турецкой внешней политики последних десятилетий, направленной на поддержку формирующейся многополярной международной системы с доминирующим влиянием западных стран, составляющих основу Глобального Юга и Мирового большинства.

Опять же в силу своего географического положения Ливия имеет некое пограничное место в Африканском регионе, которое позволяет ей в то же время играть роль связующего звена. С точки зрения Турции это прежде всего возможность предотвращения расширения и укрепления сформировавшегося против нее в Средиземноморье альянса со странами Северной Африки. Более того, отсутствие на данный момент в Африканском регионе

эффективных интеграционных институтов в силу разброса уровня экономического развития; однотипности хозяйственных структур; нестабильности военно-политической ситуации в ряде стран региона, а также в целом регионального единства, в том числе по вопросу о турецком вовлечении, дает возможность использования кризисного потенциала в целях усиления собственных позиций и формирования альтернативной региональной платформы для сотрудничества в Африке.

Более того, немаловажным является факт усиления сегодня позиций африканских стран на международных площадках, в частности в рамках ООН, куда входят 54 африканских государства (28% от общего числа стран-участниц) [12], несколько из которых обычно занимают непостоянные места в Совете Безопасности. Это обосновывает важность африканских стран с точки зрения проводимых на площадке ООН голосований.

Данный регион мира сегодня является одним из наиболее динамично развивающихся с точки зрения демографических показателей (согласно оценкам ООН, численность населения африканских стран достигнет уровня 1,7 млрд человек к 2030 г.) [9], что обуславливает растущий потенциал формирующегося потребительского рынка. Это дает возможность для расширения турецкого экспорта, что, безусловно, также служит стабилизации экономики.

Помимо человеческого капитала, значимость региона повышает также наличие большого объема неосвоенных полезных ископаемых ресурсов (прежде всего редкоземельных металлов), критически необходимых для высокотехнологичной промышленности, в том числе и военной. Это способствует повышению интереса к региону со стороны глобальных и региональных акторов (Китай, США, ЕС, Индия, РФ).

Глобальное измерение

На глобальном уровне активизация Турции на ливийском треке после 2019 года обосновывается рядом исследователей как попытка сформировать еще один инструмент влияния. Например, в случае с ЕС это в перспективе может усилить позицию Турции по вопросу нелегальной миграции, имеющему критическую важность для национальной безопасности ряда европейских стран. Ливия, являясь одной из основных транзитных точек нелегальной миграции из Африки, становится важным инструментом давления на ЕС, как показала ситуация с ближневосточными мигрантами на греческой границе в 2020 году.

Также важным является транзитное положение Ливии. Позитивное измерение данной характеристики создает для региональных акторов допустимость извлечения выгоды из транспортно-логистического потенциала Ливии как важного средиземноморского порта и «ворот в Африку» [5, с. 154]. Это касается возможности выстраивания новых энергетических маршрутов, учитывая ресурсную обеспеченность самой страны и шельфа Средиземного моря, что в случае Турции критически важно с точки зрения воплощения в жизнь концепции нового энергетического хаба. Однако противостояние Турции блока стран в Средиземноморье обеспечивает возможность изоляции Турции в регионе и использование возникающего шанса разрабатывать новые месторождения или же быть частью транзитного маршрута. Также это касается перспективы выстраивания новых экономических цепочек, способных обеспечить доступ к растущим африканским рынкам сбыта, привлекательным для стран с развитой легкой и пищевой промышленностью, как в случае Турции. Более того такие экономические коридоры дают региональным странам вероятность выхода к богатым полезными ископаемыми странам, что крайне важно для государств с развивающейся высокотехнологичной, в том числе военной, промышленностью.

Негативное же измерение транзитного статуса Ливии и возможных в случае дестабилизации последствий создает риск с точки зрения потоков нелегальной экономической деятельности, в том числе торговли оружием, наркотическими веществами, а также нефтяными продуктами.

Ливия обладает крупнейшими запасами нефти в Африке, что позволяет европейским странам диверсифицировать каналы импорта энергоносителей в условиях растущего конфликтного потенциала международной системы в контексте противостояния России и Запада. Так, страна, оказывающая влияние на ливийский процесс, с большой долей вероятности сможет фактически контролировать порядок доступа ливийской нефти на мировой рынок.

Стоит принимать во внимание военно-политическое значение страны как стратегической точки в Средиземноморье, значение которой обусловлено протяженным побережьем, вдоль которого потенциально могут быть размещены военно-морские базы. Все это, с одной стороны, множит страх региональных акторов в отношении реализации амбициозных региональных планов Турции и усиливает антинеоосманистскую риторику региональных лидеров. С другой стороны, это обеспечивает Турции возможность преодоления региональной изоляции и утверждения в качестве регионального лидера.

Актуальность вопроса усилилась после 12-дневной войны между Ираном и Израилем, ставшей одним из крупнейших прямых вооруженных столкновений двух стран хоть и с ограниченным, но реальным вмешательством США. Возникший в результате вакуум, вызванный ослаблением Ирана, а также перегруженностью Израиля внутренними и военными задачами, может создать условия для активизации Турции в регионе. Более того, ослабление Ирана снижает его вероятность конкуренции с Турцией. При этом фокус США и ЕС на стабилизации ситуации вокруг Израиля и Ирана привел к временной переориентации их внимания с Восточного Средиземноморья и Северной Африки, что может дать Турции шанс для усиления ее активности на этих направлениях при меньшем внешнем сопротивлении.

Ирано-израильская эскалация привела к существенному повышению напряженности в Персидском заливе и Ормузском проливе, где пересекаются ключевые энергетические и торговые маршруты. Это обуславливает рост интереса к альтернативным маршрутам поставок энергоносителей и повышает ценность Восточного Средиземноморья как потенциального энергетического коридора. Турция, обладая юридическими основаниями, вытекающими из соглашения с ПНС, и фактическим военным присутствием в регионе, получила возможность актуализировать свою повестку по пересмотру морских границ.

Последствия ливийского сюжета для внешней политики Турции

Факт турецкого вмешательства в ливийский конфликт в 2019 году стал решающим в контексте установления баланса сил в Ливии, учитывая значительный потенциал Ливийской национальной армии (ЛНА) во главе с Х.Хафтаром с его внешними спонсорами (ОАЭ, КСА и т. д.). С турецкой военной помощью были достигнуты значительные для ПНС результаты - прежде всего было остановлено наступление Х.Хафтара на Триполи. Что касается результатов турецкой политики в Ливии с точки зрения самой Турции, то можно выделить несколько основных проявлений.

Во-первых, с военной точки зрения на примере ливийского конфликта Турция подтвердила эффективность выработанной Турцией с начала «арабской весны» модели военного вовлечения в региональные конфликты, включающую в себя использование военных инструментов различной природы (формальных/неформальных, традиционных/нетрадиционных и т. д.)¹. Турция уже начала активно использовать разработанную модель в других точках

мира, как показал опыт Второй карабахской войны 2020 года. Более того, ливийский опыт закрепил успех последних турецких военных разработок, учитывая, что в Ливии активно использовалось вооружение национального производства (в том числе дроны Bayraktar TB2, броневые автомобили «Kıgı» и т. д.). Это значительно повысило престиж турецкого ВПК на международной арене. К тому же Турция заполучила еще одно фактическое физическое закрепление в регионе в лице авиабазы аль-Ватия и трехстороннего военного координационного центра в порту Мисурата. Позиции Турции «на земле» в Ливии, учитывая полученный опыт, дают ей канал расширения своего фактического вовлечения в регионе, например за счет военно-воздушных сил, потенциально имеющих возможность проводить операции в таких странах, как Египет, Тунис, Алжир, Судан и Чад.

Во-вторых, Турция смогла достичь своих целей не только на ливийском поле, но и в Восточном Средиземноморье [10, с. 599]. С точки зрения территориальных претензий в Восточном Средиземноморье Турция закрепила выгодное для себя фактическое распределение морских границ и возможность использования региональных ресурсов. Это повысило роль Турции в Средиземноморском регионе и стало одним из рычагов воздействия на региональных противников, что в дальнейшем способствовало началу процесса выхода Турции из региональной изоляции (попытки нормализации отношений с Египтом, ОАЭ, КСА).

В-третьих, с глобальной точки зрения ливийский успех укрепил международный имидж Турции как надежного партнера и значимого игрока, показав, что она способна к быстрому и эффективному военному вмешательству даже за пределами своих границ.

В-четвертых, турецкое вмешательство 2019 года сформировало новый статус-кво в Ливии, когда любое урегулирование конфликта не представляется возможным без активного участия Турции. При этом Турция хоть и не в полной мере, но пытается приблизиться к вероятности формирования механизма стабилизации ситуации в конфликте по примеру Астанинского формата. Это проявилось в контексте организованной в 2020 году в Москве встречи противоборствующих сторон при турецком и российском посредничестве. Данная попытка хоть и не увенчалась договоренностями между сторонами все же показала наличие потенциала российско-турецкого взаимодействия в такого рода вопросах. В целом Турция фактически пытается избежать прямого столкновения с РФ в Ливии за счет вовлечения ее в такого рода форматы взаимодействия, однако доминирующую роль в этом контексте отводит именно себе, в отличие от сирийского формата.

В-пятых, учитывая существующий позитивный опыт турецко-ливийского торгово-экономического сотрудничества между странами в период до 2011 года, в случае благоприятного для Турции сценария развития событий в Ливии или, как минимум, сохранения статус-кво в стране, Ливия представляется важным для турецкой экономики рынком. Более того, процесс возвращения турецких компаний на ливийский рынок, особенно в строительном и транспортно-логистическом секторах, по мере стабилизации в Ливии является подтверждением этого.

В целом, расценивая результаты турецкой политики в Ливии на современном этапе, стоит отметить, что они имеют долгосрочный стратегический характер проявления, потенциал которых напрямую зависит от динамики конфликта.

Однако существует ряд негативных аспектов, отрицательно влияющих на уровень ливийских достижений Турции: 1) прежде всего, это то, что конфликт не является приграничным для Турции, вследствие чего возникают сложности в обосновании активного вовлечения Анкары в происходящие события, а также 2) неустойчивые позиции ливийских партнеров Турции и отсутствие у них возможностей для взятия власти в стране в целом. Именно поэтому достигнутые Турцией за период с 2019 года результаты в рамках

ливийского конфликта критически зависимы от сохранения ПНС, а теперь ПНЕ, что повышает риски их потери в результате краха. Более того, для Турции имеется риск «застрять» в Ливии, что значительно увеличит понесенный Турцией моральный и материальный ущерб, к чему Турция не готова.

Можно говорить о том, что политика Турции в Ливии представляется одним из наиболее успешных кейсов «новой модели» внешней политики, результаты которой заложили основы долгосрочных трендов развития региональных и глобальных позиций страны.

Подтвердив эффективность уникального для Турции формата вовлечения в военно-политические конфликты, Турция значительно укрепила свой международный имидж, одним из основных элементов которого сегодня является национальный ВПК. Более того, Турция смогла сформировать и закрепить новый, выгодный для себя статус-кво, способствовавший удовлетворению территориальных претензий и стратегических планов страны. К тому же, укрепив свои позиции в Ливии, Турция усилила свои возможности и перспективы с точки зрения экономики сразу в нескольких регионах, в том числе на БВСА, а также в Средиземноморье.

Несмотря на то, что турецкая политика в Ливии во многом формировалась в качестве реакции на протекающие в регионе после «арабской весны» процессы, важно принимать во внимание комплексное значение Ливии для Турции с точки зрения средиземноморского, ближневосточного и африканского измерений ливийского конфликта. В данном контексте выделяются несколько приоритетных для Турции в Ливии вопросов, в том числе политических, экономических, идеологических и международно-правовых. При этом политика в Ливии становится важным для Турции инструментом обоснования своих региональных амбиций и выстраивания формата взаимодействия с региональными и глобальными акторами на БВСА, а также в Средиземноморье и Африканском Сахеле.

Ливия в этом случае представляется, с одной стороны, мостом, связывающим основные пункты региональных энергетических и экономических коридоров с транспортно-логистической точки зрения, а с другой - является границей в плане дальнейшего распространения региональной нестабильности и ее последствий в соседние регионы, прежде всего Европу и Африку.

Таким образом, ливийское направление внешней политики Турции нужно рассматривать как часть морской стратегии. Посредством Ливии Турция заявила о своих морских амбициях, направленных на формирование нового порядка в стратегически важных морских зонах. Поэтому ливийский кейс - не частный эпизод, а отражение глобальной тенденции на усиление значимости морской активности даже средних держав.

Как представляется, «ливийский кейс» способен подтолкнуть другие страны к более активной «борьбе за пространства». Это может привести к серьезному осложнению международной обстановки и усилению гонки вооружений, в особенности в сфере ВМС.

В интересах России сдерживать такого рода тенденции, а в необходимых случаях «профилактировать» возможные посягательства на интересы России в различных регионах мира и океанических пространствах.

¹Telci I.N. Turkey's Libya policy: Achievements and challenges // Insight Turkey. 2020. Vol. 22. №4. P. 43.

Источники и литература

1. Бакланов А.Г. Как подготовиться к войне будущего. Новый вектор гонки вооружений в предстоящие годы // Россия в глобальной политике. 2014. №1. С. 35-42.
2. Ганиев Т.А., Карякин В.В. Гражданская война в Ливии: ход боевых действий и интересы сторон // Архонт. 2020. №3(18). С. 14-41.
3. Гудев П.А. Основы турецких притязаний в Восточном Средиземноморье // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. №3. С. 472-486.
4. Afacan I. The African Opening in Turkish Foreign Policy // Ortadoğu Analiz. 2013. Vol. 5. №52. P. 46-54.
5. Demirel E. Cooperation between Turkey and Libya on Maritime Transport // Yıldız Social Science Review. 2021. Vol. 7. №2. P. 147-159.
6. Joffé G. Libya: The New Geopolitical Arena // The Journal of North African Studies. 2020. Vol. 25. №5. P. 681-688.
7. Kardas Ş. Turkey's Libya policy: militarization of regional policies and escalation dominance // China International Strategy Review. 2020. Vol. 2. №2. P. 325-336.
8. Lounnas D. The Libyan Security Continuum: the Impact of the Libyan Crisis on the North African/Sahelian Regional // Middle East and North Africa Regional Architectures (MENARA). 2018. №15.
9. Population 2030. Demographic challenges and opportunities for sustainable development planning // The United Nations // URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/trends/Population2030.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).
10. Quamar Md.M. Turkey and the Regional Flashpoint in Libya // Strategic Analysis. 2020. Vol. 44. №6. P. 597-602.
11. Telci I.N. Turkey's Libya policy: Achievements and challenges // Insight Turkey. 2020. Vol. 22. №4. P. 41-54.
12. The United Nations. Member States // The United Nations // URL: <https://www.un.org/en/about-us/member-states> (дата обращения: 15.05.2025).
13. Turkey 2021 Energy Policy Review // International Energy Agency // URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/cc499a7b-b72a-466c-88de-d792a9daff44/Turkey_2021_Energy_Policy_Review.pdf (дата обращения: 10.05.2025).
14. Türkiye // International Energy Agency // URL: <https://www.iea.org/countries/turkiye> (дата обращения: 10.05.2025).
15. Erdoğan R.T. Daha Adil Bir Dünya Mümkün. İstanbul: Turkuvaz Kitap, 2021. 216 s.
16. Ukrayna savaşı, adil bir dünya düzeni kurma arayışımızın ne kadar isabetli olduğunu bir kez daha gösterdi // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. 18.04.2022 // URL: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/136519/-ukrayna-savasi-adil-bir-dunya-duzeni-kurma-arayisimizin-ne-kadar-isabetli-oldugunu-bir-kez-daha-gosterdi-> (дата обращения: 10.05.2025).

Владимир Заемский

*Чрезвычайный и Полномочный Посол, профессор
кафедры дипломатии МГИМО МИД России*

vladimir.zaemsky@gmail.com

Ключевые слова: *деградация политики Запада, СВО, БРИКС, Трамп, инициативы по улучшению ООН.*

О НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Сравнительный анализ событий на мировой арене, в том числе реакции на российско-американский саммит, состоявшийся на Аляске 15 августа 2025 года, а также необоснованной эволюции отношения к нашей стране, свидетельствует о необходимости корректировки российских внешнеполитических подходов и приоритетов в том, что касается взаимоотношений с другими странами.

В связи с тем, что за последнее десятилетие политика коллективного Запада в отношении России существенно деградировала, сейчас, судя по поведению прежде всего прибалтийских и западноевропейских стран, среди которых особо агрессивную позицию занимают лидеры Великобритании, Франции, Германии и Италии, эта политика однозначно сделала ставку на русофобию. После того как наша страна вследствие все возраставших угроз ее безопасности была вынуждена начать специальную военную операцию, коллективный Запад не только провозгласил своей целью изоляцию России, но и стал предпринимать шаги, чтобы принудить другие страны следовать их цели. Исходя из этого, нам необходимо проводить последовательный курс на предпочтение сотрудничества и углубление взаимоотношений с Глобальным Югом.

Само собой разумеется, что одной из ключевых составляющих нашей актуализированной линии поведения должно стать развитие взаимодействия в экономической области.

В этой связи принципиально важно, чтобы российский бизнес выстраивал свою деятельность в полном соответствии и в поддержку государственного курса на укрепление отношений с Глобальным Югом.

Мой десятилетний опыт работы послом России в Венесуэле свидетельствует о том, что, к сожалению, российские бизнесмены далеко не всегда делали то, что требовалось для реализации государственных планов стратегического партнерства между нашими странами.

Наша линия поведения в отношении бывших республик Советского Союза, которые проявляют склонность к дистанцированию от России, например Азербайджана и Армении, должна быть нацелена на то, чтобы они сами осознавали ошибочность своего нового курса.

Вся история, связанная с разработкой, принятием и утверждением на международном уровне Минских соглашений, свидетельствует о том, что Франция и Германия еще в 2014 году решили в дальнейшем проводить антироссийскую политику, а это значит, что даже урегулирование российско-украинского конфликта не должно восприниматься как шанс для восстановления наших отношений с этими странами.

Еще одним показательным примером является то, что не так давно директор Центральной торговой палаты Финляндии Юхо Ромакканиemi сделал следующее заявление: «Финляндия испытала на себе экономические последствия войны сильнее всех европейских стран. Финский экспорт и экономика были исключительно зависимы от России, и внезапное прекращение торговли сразу же отразилось на повседневной жизни компаний». В этой связи он также сказал, что, если стороны конфликта придут к компромиссу «прямо сейчас», это станет хорошей новостью для Финляндии, поскольку именно в этом остро нуждаются финская экономика и благосостояние. Несколько дней спустя Президент Финляндии Александр Стубб в интервью телерадиокомпании Yle заявил, что отношения его страны с Россией будут восстанавливаться уже после завершения конфликта на Украине.

Убежден, что мы ни в коем случае не должны покупаться на такого рода заявления, так как хорошо известные факты поведения финских властей в последние четыре года - в том числе вступление в НАТО, а также решение закрыть границу с Россией - доказывают, что в Хельсинки предпочитают проводить враждебную линию. В принципе, именно характер отношения к нашей стране должен являться главным ориентиром для российской линии поведения на международной арене.

К сожалению, следует признать, что западным странам поначалу удалось навязать остальным государствам - членам ООН свою интерпретацию принятого нами решения о проведении СВО, но, как и следовало ожидать, по мере разбирательства в причинах возникновения данного кризиса расклад сил на ооновской площадке стал меняться, в том числе благодаря коррективам, которые внесли в свою позицию США после вступления Д.Трампа в должность президента в 2025 году.

С учетом предыдущего опыта поведения Д.Трампа в качестве главы государства, на мой взгляд, нам имело бы смысл придерживаться курса на поддержание рациональных связей с Вашингтоном, не поддаваясь иллюзиям, что нынешний глава Белого дома может полностью отказаться от определенных антироссийских действий.

Франция и Германия еще в 2014 году решили в дальнейшем проводить антироссийскую политику, а это значит, что даже урегулирование российско-украинского конфликта не должно восприниматься как шанс для восстановления наших отношений с этими странами.

Считаю, что нашим приоритетом должны быть все вопросы, касающиеся деятельности БРИКС, и, исходя из этого, нам стоило бы выстраивать все наши взаимоотношения с третьими странами именно в рамках того, что требуется данной группировке.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что утверждения относительно внутренних разногласий в рамках БРИКС на самом деле явно преувеличены. Разумеется, никто не отрицает, что при проработке каких-то вопросов наблюдаются расхождения во мнениях между членами объединения, но БРИКС характерен тем, что работает по принципу согласования общеприемлемых позиций, а не навязывания подхода какой-то одной страны всем остальным.

Западные политики, хоть и с большой неохотой, начинают признавать и осознавать то, что однополярность канула в Лету. Так, Президент Франции Э.Макрон, выступая на ежегодном совещании французских послов, сказал, что геополитический расклад сил меняется не в пользу Запада. Причем он это преподнес как опасность. То есть расширение агрессивного блока НАТО - это «хорошо», а расширение мирного объединения БРИКС - «угроза». Ясно, что Запад всеми силами пытается удержать остатки своего доминирования, прибегая при этом к откровенно неокOLONиальным методам, вызывающим отторжение Мирового большинства.

Цель Запада проста и одновременно цинична - продолжать снимать сливки с глобальной политики, экономики и торговли, обеспечивать собственное благополучие за счет других. Россия, как и подавляющее большинство других стран, не будет мириться с подобными замыслами.

Поскольку западноевропейские политики продолжают обвинять нашу страну в наличии агрессивных намерений, мне представляется исключительно важным доказывать им, что, как самой большой стране мира, у нас нет

Нашим приоритетом должны быть все вопросы, касающиеся деятельности БРИКС, и, исходя из этого, нам стоило бы выстраивать все наши взаимоотношения с третьими странами именно в рамках того, что требуется данной группировке.

нужды присоединять какие-либо территории, и потому явно приоритетной задачей является работа по согласованию всех аспектов европейской безопасности, включая соответствующие меры доверия, которые, в частности, должны исключить чрезмерное накачивание западным оружием соседних с Россией государств.

Надеюсь, что нам удастся использовать БРИКС в качестве мощного средства продвижения интересов Глобального Юга, в том числе в рамках работы по изложению нашей позиции относительно реформы Совета Безопасности ООН.

Что касается Организации Объединенных Наций в целом, то придется указать на то, что в поведении Генерального секретаря А.Гутерриша и руководимого им Секретариата ООН с момента начала СВО, к сожалению, наблюдается совершенно очевидная ангажированность в изложении фактов, касающихся российско-украинского конфликта, а также распространении дезинформации, фабрикуемой киевским режимом вместе с его западными покровителями и направленной на дискредитацию России. Таким образом, и Генсекретарь, и его подчиненные не только нарушают Устав ООН, предписывающий им соблюдение беспристрастности, но и не делают ничего для выполнения своей важнейшей функции, которая состоит в построенном на объективности содействии достижению мира.

В этой ситуации нам, естественно, необходимо не только называть вещи своими именами, но и следовало бы, сотрудничая с государствами Глобального Юга, продвигать инициативы, направленные на улучшение деятельности ООН. На мой взгляд, в частности, имеет смысл предпринять новые усилия по продвижению российского предложения, изначально выдвинутого на Саммите Тысячелетия, об активизации Военно-штабного комитета (ВШК) ООН.

С учетом моей тогдашней работы в Нью-Йорке, хотелось бы обратить внимание, что эта наша инициатива предусматривала согласование приемлемых форм подключения к деятельности ВШК непостоянных членов Совета Безопасности, а также стран-поставщиков воинских контингентов и средств материально-технического обеспечения миротворческих операций. Иными словами, идеи, лежащие в основе российской инициативы, заключались в выработке новых рабочих процедур, открывающих путь для участия в деятельности ВШК всех 15, а не только пяти постоянных членов СБ ООН.

Как известно, несмотря на сопротивление оппонентов, российской делегации удалось внести в резолюцию 1353 (2001) СБ ООН о формах взаимодействия со странами-поставщиками контингентов «обязательство продолжить рассмотрение возможности использования ВШК в качестве одного из средств укрепления операций ООН по поддержанию мира». Считаю, что нам следует продолжить эту работу, в том числе привлекая к этому наших союзников из числа государств Глобального Юга.

Мой 20-летний опыт работы в российских загранучреждениях в государствах Глобального Юга свидетельствует о том, что там очень широко распространены настроения в пользу сближения с Россией, имеет место устойчивый интерес к российской культуре, а также традиционно проявляется заинтересованность в налаживании взаимовыгодных экономических связей. Все это убедительно доказывает, что перед нами открываются впечатляющие перспективы.

Будем надеяться на реализацию этих возможностей!

Владимир Егоров

Профессор, доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор РЭУ им. Г.В.Плеханова, профессор МГТУ им. Н.Э.Баумана

observer-rau@yandex.ru

Ключевые слова: *многополярность, «незападный мир» (не-Запад), Мировое большинство, Мюнхенская конференция.*

РОССИЯ И НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК

В политологическом дискурсе актуальность проблемы определения геополитической идентичности России связана с транзитным характером современного мира, обуславливающим динамичность планетарных политических процессов.

Несостоявшийся либерально-демократический «конец истории» (Ф.Фукуяма) обнажил нарастающий кризис капиталистической «мир-системы» (И.Валлерстайн), характеризующийся термином из термодинамики - «конец определенности» (И.Пригожин).

Первый тренд. Господствующий в мире порядок, основанный на капиталистических отношениях, имеет исторические пределы и подлежит не просто ремонту, а смене планетарной политической архитектуры. По И.Валлерстайну: «Внутренние противоречия либеральной идеологии носят тотальный характер. Кризис тотален, дилемма тотальна [...]. Какого бы рода новую историческую систему мы ни построили... одно несомненно: это не будет система, основанная на либеральной идеологии»¹.

Естественное геополитическое положение России обеспечивает ей в грядущем миропорядке значимое место.

Вторым трендом, влияющим на расстановку сил в мире и роль России в нем, являются последствия депривации либерального мейнстрима в его западном виде.

Расширяется круг субъектов мировой политики, в который, наряду с национальными государствами, инкорпорируются гражданские структуры и влиятельные политические акторы. На смену миру с западноцентричным векторам принятия решений приходит планетарный порядок, предполагающий его демократизацию, то есть участие мирового большинства в принятии судьбоносных решений.

России приходится преодолевать противодействие Запада, продавливающего мировой порядок, основанный на «правилах» (Rules-Based Order)², предполагающих построение между-

народных отношений на принципах, желательных для «цивилизованного меньшинства» и не являющихся нормами международного права³.

Внедрив понятие правил в практику международных отношений, Запад стал утверждать «право наказывать их нарушителей»⁴.

Третье обстоятельство, обуславливающее нарастающий интерес к проблеме геополитической идентичности России, связано с осознанием обществом безальтернативности национально ориентированной стратегии развития. После попытки встроиться в ряды стран «цивилизованного меньшинства» она выбрала путь, фундируемый историко-культурными нарративами. О неприятии западного культурного опыта говорит факт его отторжения большинством населения даже спустя 35 постсоветских лет: в 2025 году 43% россиян выражает желание жить в новом социалистическом обществе⁵.

Продвижение Россией порядка, основанного на равных правах для всех стран и народов на самобытное развитие, находит все больше сторонников в мире. Это объясняется естественной, не сконструированной мультикультурностью самой России, а также уникальностью российского опыта внедрения цивилизационных инноваций: Россия прошла через ломку традиционного уклада жизни сельского населения при столыпинском курсе внедрения «американского» капитализма в аграрной отрасли; коллективизацию; построение коммунизма, рожденного на «чужеродной почве», и, наконец, попытки капиталистической регенерации. Такого опыта трансформаций нет ни у одной страны. При этом она всегда была многонациональной и многоконфессиональной, когда все народы и народности вполне мирно существовали и имели право исповедовать свою религию. Вполне обоснованно поэтому выглядит продвигаемая Россией идея многополярного устройства мира, фактически воспроизводящего российское сообщество свободно развивающихся этнокультурных образований.

Свой рецепт выстраивания постоднопольного мира предлагают и представители Запада: «В XXI столетии американской основной чертой международных отношений станет беспольность»⁶.

Идея многополярности, представляемая как «концерт держав», устанавливающий правила игры и меры воздействия на их нарушителей либо строящийся на балансе сил, по мнению политологов Запада, является труднореализуемой или совсем непригодной для воплощения задач из-за нарастающей «рассеянности центров силы» (государство, территориальные образования, организации, альянсы и т. п.). При этом «центры глобального влияния», обладая эффективным смертоносным оружием при существующей информационной транспортности государственных границ, преодолевают как кратковременно сложившуюся однопольность, так и возможность формирования многополярности, характерной для первой половины XX века.

Ч.Краутхаммер допускает репродукцию многополярности подобно той, что существовала перед Первой мировой войной, но это возможно только при условии появления великих держав, «равных США», и порядка, «основанного на взаимосвязи, а не на суверенитете». Единение многополярного мира может быть лишь в случае реализации либерального интернационализма, лидирующие позиции в формировании которого должны принадлежать США⁷.

В такой постановке вопроса многополярность Ч.Краутхаммера, как и беспольность Р.Хаса, фактически означают универсализацию либеральной демократии, которую добровольно примут все центры силы.

Не тождественна многополярности, отстаиваемой Россией, и многосторонность (multilateralism) как соглашение (альянс), включающее несколько государств, аналогичное трансатлантической консолидации Запада.

Тенденцию «перехода от конфронтационного двухполюсного к многополюсному миру» после окончания холодной войны отмечал еще Е.М.Примаков⁸, считая, что мир, основанный на

балансе сил, уступает историческую сцену миру, основанному «на равноправном партнерстве» и отсутствии по идеологическим и иным причинам «разделительных линий». Хотя он и говорил о существующей опасности «нового» раздела из-за расширения НАТО на Восток.

По его мнению, еще одной потенциальной разделительной линией могла быть попытка «зачислять чуть ли не весь мусульманский мир в стан противников современной цивилизации». Многополярный мир в его представлении должен быть избавлен от «контрпродуктивных силовых приемов, применяемых с целью подавления неудобных режимов», а также от «менталитета «ведущих» и «ведомых», так как ни одна страна не обладает «достаточной мощностью, чтобы в одиночку справиться с легионом проблем»⁹.

Общие принципы построения многополярного мира нашли отражение в совместной российско-китайской декларации (23 апреля 1997 г., Москва)¹⁰.

Курс на многополярность во внешней политике России был провозглашен и в Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (2000 г.)¹¹, где отмечались две тенденции развития международных отношений после распада биполярной системы: одна - это стремление сообщества западных стран, при безусловном лидерстве США, установить миропорядок с их доминированием, а другая - становление многополярности¹².

В 2009 году многополярность как целеполагание российской внешней политики нашла отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Главная цель национальной безопасности России - достижение ключевой субъектности в «формирующихся многополярных международных отношениях»¹³. При этом «национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу заключаются в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях *многополярного мира*» (выд. - Авт.)¹⁴.

Итак, основополагающие принципы становления многополярного мира:

- это порядок, не отрицающий суверенитет, а выстраиваемый параллельно с его укреплением. Суверенитет означает право народа на самостоятельный выбор пути своего развития, но не нарастание закрытости и изоляционизма, что исключает какую-либо социокультурную универсальность;

- ориентиры его построения - это создание максимально комфортных экономических, социальных, политических условий для всего населения планеты без одинаковых моделей их достижения;

- многополярный мир - это мир, в котором все страны обладают равным и беспрепятственным доступом к глобальному информационному пространству.

Императивом многополярности является укрепление и совершенствование структур глобального управления и его институализации.

Как считает министр иностранных дел С.В.Лавров, «смена эпох - это всегда очень длительный период, это будет продолжаться еще длительное время»¹⁵.

Можно признать, что путь к многополярности будет иметь переходный период с центрами консолидации, четко обозначенными «правилами», позволяющими рационально выстраивать отношения между несколькими интегрированными сообществами для сохранения цивилизации.

Один из таких центров уже формируется вокруг США. Даже отклонения от устойчивой сплоченности трансатлантического сообщества в связи с электоральными колониями указывают на те принципы, на которых будет строиться непрерываемая гегемония США и иерархия при силовом давлении на каждого участника, закрепляя его место и роль в «западном лагере».

Другим центром, пока обретающим очертания и свои правила интеграции, является планетарное большинство - «не-Запад».

В случае имплементации «новой биполярности» необходимо определиться, насколько «транзит» подобной конфигурации может быть устойчивым и обеспечивать планетарную безопасность¹⁶.

Консолидация Запада не вызывает сомнений, а накал международных противоречий связан с его попытками если не предотвратить «закат», то по крайней мере замедлить. В *realpolitik* такая позиция Запада означает борьбу за доминирование на финансовых рынках для контроля глобальной экономики; сохранения военно-политического превосходства и приоритетных позиций в мировой торговле, то есть то, что характеризуется термином «неоколониализм».

«Незападный мир» не разделяет такое целеполагание Запада и стремится к интеграции, чтобы предотвратить новый колониализм. Подобное единодушие незападного большинства становится весомым фактором для сплочения западного сообщества и даже забвения ради солидарности национальных интересов.

Этос Запада, лежащий в плоскости материального, если не гарантирует, то является весомым аргументом в пользу того, что представители истеблишмента постараются не соскользнуть в пропасть глобального армагеддона. Об этом косвенно свидетельствует расширяющееся движение среди олигархов «за вечную жизнь». В стратегии «вечной жизни», избранной «сильными мира сего», явно отсутствует намерение «рискнуть» с ядерным безумием.

И в 1914 году, и в 1939-м предпочтения западной элиты были такими же, как и сегодня. Однако ситуация с тех пор кардинально изменилась:

- во-первых, глобальная военная мощь возросла настолько, что может многократно уничтожить не только все живое на Земле, но и саму планету;
- во-вторых, мир стал таким взаимосвязанным, что любой локальный конфликт может перерасти в мировую катастрофу.

Протяженность формирования нового мирового порядка связана не с экономическим или политическим поражением Запада или Мирового большинства, а с переходом человечества в новую социальную систему постмодерна, где определяющим фактором развития станет информация, а не материальные активы.

Традиционные ценности, генерированные человечеством при выработке социальных императивов, обеспечивающих выживание, скорее всего, будут служить скрепляющим мир материалом. Именно традиции, в отличие от политически ангажированных умозаключений и соответствующих им институтов, должны и будут оставаться фундаментом планетарной цивилизации.

Дж.Салливан, экс-советник по национальной безопасности Президента США, писал, что условием успеха в реализации стратегии американской исключительности может быть только «разгром парадигмы, выдвигающей на первый план этническую и культурную идентичность», являющуюся продуктом традиционной эпохи¹⁷.

Формирование многополярности предполагает раздел мира по цивилизационной идентичности: Запад, исторический путь которого в общих чертах воспроизводит ускоренное преодоление традиции и развитие в социально-экономической системе модерна (исключением из этой логики является Япония), и не-Запад, в силу разных причин не повторивший эту цивилизационную траекторию¹⁸.

Если Запад как «цивилизационный полюс» стремится к универсализации в рамках либерально-демократического шаблона и единых «правил» поведения, то Мировое большинство выступает за многоцветье культур, их свободный обмен и неизбежность самоопределения каждой страны во внутренней и внешней политике. Совершенно абсурдна позиция, отождествляющая цивилизацию и цивилизованность как степень инкорпорирования народами либеральной демократии и модерна, что равно освобождению от варварства¹⁹. Такая логика ведет к ложному выводу, что если бы не произошло ограбления Западом Византии; чудовищного уничтожения цивилизаций двух Америк, колониального грабежа большей части человечества; ускоренной

имплементации правового пространства, предполагавшего защиту прав и свободу личности как императива функционирования института частной собственности, то на планете, видимо, вообще не существовало бы цивилизаций.

Продвижение многополярности мироустройства, поддержанное большинством человечества, обусловлено прежде всего национальными интересами России. Отторжение Западом попыток России добиться гарантий равной безопасности инициировали поиск адекватного внешнеполитического курса нашей страны.

Переломным событием стало выступление Президента России В.В.Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10 февраля 2007 г.), где он сказал: «Думаю, очевидно, что процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот - это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия»²⁰.

После того как в Конституцию Украины были внесены поправки (2019 г.), в соответствии с которыми она отказывалась от внеблокового статуса, предусмотренного ее Декларацией о государственном суверенитете (1990 г.), Запад стал активно поощрять украинскую инициативу. В случае ее вступления в НАТО положение с безопасностью России кардинально изменится к худшему. Положение усугубляло масштабное освоение структурами Североатлантического альянса территории Украины.

В конце 2021 года Россия потребовала от США и НАТО юридических гарантий безопасности, сформулированных в российском предложении к США по гарантиям безопасности России и проекте Соглашения о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств - членов Североатлантического альянса.

Назвав инициативу Кремля «ультиматумом Путина», Запад еще больше радикализировал свою позицию в сфере безопасности вообще и Украины в частности.

С учетом необходимости защиты национального суверенитета российский курс на многополярность стал результатом выверенного анализа мировой политической реальности и нарастающей угрозы национальной безопасности, что стало основанием для активных внешнеполитических шагов по продвижению новой архитектуры международных отношений.

Стратегия национальной безопасности России-2021 определила центральной задачей «укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления», а также российские национальные интересы как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии»²¹.

В Стратегии указывается, что актуальной проблемой нового мироустройства становится фактор «морального лидерства»²². Строительство нового многополярного мирового порядка в современных реалиях международных отношений (как и демократия) восполняет скорее функцию целеполагания и пока не имеет выверенных рецептов воплощения, но это, во-первых, способствует определению лидерства государств не только в зависимости от традиционных критериев состоятельности (материальных и военно-политических), а прежде всего за счет принятия моральных принципов (равенства и справедливости в международных отношениях), а во-вторых, становится притягательной силой международной интеграции и сотрудничества, признанной мировым большинством.

Если в качестве отнесения к числу демократических стран апологеты «западного выбора» причисляли исключительно государства, присоединившиеся к «правилам», диктуемым Западом, то в быстро меняющемся мире такой нарратив становится непривлекательным. Демократия в международных отношениях все больше проявляется в стремлении к равенству, уважению прав на самоопределение.

Национальные интересы России, сформулированные в Стратегии, гармонично вписываются в логику движения мира к новому порядку. В самом концентрированном виде таковые сводятся к устойчивому суверенному развитию на основе сбережения народа, инновационной экономики и стабильности, обеспечиваемой сохранением и умножением традиционных ценностей и культуры. Полное совпадение российских национальных интересов с траекторией выстраивания многополярного мира обеспечивает России в его архитектуре одно из ведущих мест.

Действующая Концепция внешней политики России определила центральную задачу, которая состоит в реализации «самостоятельного и многовекторного (выд. - Авт.) внешнеполитического курса, упрочении «позиций Российской Федерации как одного из ответственных, влиятельных и самостоятельных центров современного мира»²³.

Итак, Россия, олицетворявшая в недалеком по меркам истории прошлом альтернативное Западу будущее человечества, в силу новых объективных условий смены парадигмы мирового развития постепенно восстанавливает статус страны с привлекательными ценностями и внешнеполитической стратегией. Этому способствуют не столько традиционные, определяемые экономикой и военной силой факторы, сколько продвигаемые в международных отношениях многополярность, равенство и право на самобытное развитие.

¹Валлерстайн Г. Иммануил. Непреодолимые противоречия либерализма // Центр консервативных исследований // URL: <https://konservatizm.org/konservatizm/sociology/190412112416.html>

²Бен С. Порядок, основанный на правилах: что скрывает название // Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/poryadok-na-pravilah-cto-eto>

³Несфедов Б. И. Понятие «правила» в доктрине «международного порядка, основанного на правилах» // Россия и современный мир. 2021. №3. С. 6-11.

⁴Лавров С. В. О праве, правах и правилах (англ.) // Россия в глобальной политике. 2021. №4. С. 8-20.

⁵Опросы РАН показывают, что большинство россиян... // URL: <https://m.ok.ru/profile/574736132357/statuses/156419626059013>

⁶Хаас Р. Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. № 4 // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/epoha-bespolarnogo-mira/>

⁷Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisited // URL: https://www.belfercenter.org/sites/default/files/pantheon_files/files/publication/Krauthammer.pdf

⁸Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. №10. С. 3-13.

⁹Там же. С. 4.

¹⁰Дипломатический вестник. 1997. №5 // URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/dipvestnik/

¹¹Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. №24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <https://government.ru/docs/all/34114/>

¹²Там же.

¹³Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной без-

опасности Российской Федерации до 2020 года» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95521/>

¹⁴Там же.

¹⁵Лавров заявил, что многополярная архитектура должна опираться на баланс интересов // URL: <http://tass.ru/politika4477015>

¹⁶Куртов А. Почему мир не становится многополярным // Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-nestanovitsya-mnogopolyarnym/>

¹⁷Sullivan J. What Donald Trump and Dick Cheney Got Wrong About America // Atlantic. 2019 // URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2019/01/ves-america-can-still-lead-the-world/576427/>

¹⁸Дробинин А. Ю. Образ многополярного мира. Цивилизационный фактор и место России в формирующемся миропорядке // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. №2. С. 54-62.

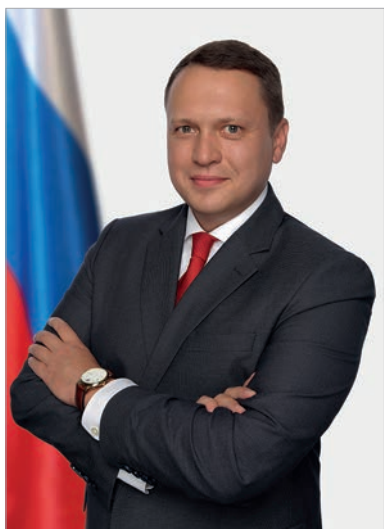
¹⁹Янов А. Сколько на Земле цивилизаций? // Россия в глобальной политике. 2006. №5 // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/skolko-na-zemle-civilizacij/>

²⁰Асимметричный ответ. Стенограмма речи В. В. Путина на конференции в Мюнхене. 10 февр. 2007 г. // URL: <https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/>

²¹Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. №400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/47046>

²²Там же.

²³Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586>

Илья Лябухов

Старший советник Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России, кандидат политических наук

lyabukhov@mail.ru

Ключевые слова: транзакционная дипломатия, внешняя политика, США, Дональд Трамп, доктрина, политический реализм, дипломатия сделок.

ТРАНСАКЦИОННАЯ ДИПЛОМАТИЯ ДОНАЛЬДА ТРАМПА КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ

Сложившаяся в международной системе ситуация, характеризующаяся многополярностью, обострением геополитической конкуренции и растущей неопределенностью глобальной политики, порождает глубокие трансформации в парадигмах внешнеполитических стратегий ведущих держав¹. Данные тенденции оказывают существенное влияние на стабильность и динамику международных отношений, порождая необходимость пересмотра традиционных моделей дипломатии. В условиях модификации глобального мироустройства и усиления национальных суверенитетов особую актуальность приобретает осмысление новых моделей дипломатии как средства достижения внешнеполитических целей, способных эффективно адаптироваться к комплексным вызовам XXI века, обеспечивая одновременно достижение национальных интересов и устойчивое функционирование мировой системы в стремительно меняющейся реальности [4].

В этом контексте американская внешняя политика, в частности в период первого президентства Д.Трампа (2017-2021 гг.) и после его переизбрания в ноябре 2024 года, является наглядным примером радикального пересмотра традиционных основ международного

взаимодействия. Д.Трампом инициирован переход от классической либеральной парадигмы многостороннего сотрудничества в пользу транзакционной дипломатии - модели, ориентированной на прагматичные, преимущественно финансово прибыльные сделки, часто в ущерб созданным альянсам и идеологическим ценностям. Такая переориентация не только меняет приоритеты внешнеполитического курса США, но и формирует новые институциональные практики, демонстрируя способность транзакционной дипломатии выступать в качестве инструмента максимизации и масштабирования краткосрочной политической и экономической эффективности.

Трансформация американской внешней политики вызывает широкий резонанс в международном сообществе и ставит под вопрос традиционные механизмы глобального управления, что делает изучение особенностей, методологии и последствий «доктрины Трампа» особенно востребованным для понимания современной архитектуры международных отношений.

Транзакционная дипломатия Дональда Трампа: формирование и реализация внешнеполитической стратегии

В контексте современной научной полемики по вопросам внешнеполитической идентичности США наблюдается широкая вариативность аналитических подходов к ее эволюции, обусловленных сменой глобального контекста и внутриполитических ориентиров [5]. Однако подход администрации Д.Трампа занимает отдельное место ввиду его принципиального отказа от доминирующей постбиполярной стратегии либерального интернационализма. В отличие от устоявшихся моделей, в которых ключевыми ориентирами выступают поддержание мирового порядка, укрепление многосторонних институтов и продвижение универсальных ценностей, внешнеполитический курс Д.Трампа характеризуется смещением фокуса на прямую экономическую и политическую выгоду для Соединенных Штатов².

KPI - Key Performance Indicators - принимаемых решений в этом контексте измеряется через достижение национальных интересов и прагматической рентабельности, что свидетельствует об определенном переосмыслении роли США как глобального актора³. Такая переоценка стратегических приоритетов не только меняет инструментарий и методы внешнеполитической деятельности, но и оказывает значительное влияние на структуру международных отношений, подрывая основы либерального интернационализма и способствуя усилению многополярности и фрагментации глобальной системы.

Непосредственно понятие транзакционной дипломатии обозначает специфическую форму международного взаимодействия, базирующуюся на принципах обмена уступками, аналогичных рыночным или бизнес-практикам. В рамках данного подхода дипломатические переговоры трактуются как прагматический процесс торга, направленный на минимизацию издержек и максимизацию конкретных выгод для каждой стороны. При этом преимущество отдается измеримым, нередко краткосрочным результатам [15; 16]. Предполагается рациональный выбор стратегий и тактик, основанный на расчетах политической и экономической рентабельности, а не на идеологических или нормативных мотивах [3].

В контексте внешней политики администрации Д.Трампа транзакционная дипломатия проявляется как доминирующий метод формирования международных соглашений и принятия решений в сферах торговли, безопасности и участия в многосторонних институтах⁴, отражая усиливающееся недоверие к многосторонним организациям и альянсам, рассматриваемым как неэффективные или не обеспечивающие адекватного возврата инвестиций с точки зрения национальных интересов США. Следовательно, такой подход демонстрирует

сдвиг от универалистских и институциональных моделей международного взаимодействия к прагматичной политике, сфокусированной на конкретных выгодах и ограниченном сотрудничестве для их достижения.

Его сторонники утверждают, что транзакционная дипломатия позволяет оперативно решать тактические задачи⁵ и эффективно защищать государственные приоритеты в условиях обостряющейся глобальной конкуренции⁶. Однако критики указывают, что подобная стратегия подрывает долгосрочную устойчивость мировой системы, так как ослабляет институциональное доверие, подменяет нормы международного права ситуативными договоренностями и снижает предсказуемость союзнических отношений [12; 13]. Кроме того, данная модель дипломатии сокращает политическую гибкость: краткосрочные успехи на переговорах порой сопровождаются потерей системных позиций США в международной иерархии, а также усилением влияния государств, способных лучше адаптироваться к эрозии прежнего порядка, таких как Россия и Китай [6; 11].

Транзакционная дипломатия, лежащая в основе внешнеполитического курса Д.Трампа, проистекает из бизнес-ориентированного мировоззрения, в котором международные отношения рассматриваются как серия сделок, направленных на получение немедленных выгод. Этот подход отражает представление о внешней политике как о конкуренции за ресурсы и влияние, а не как о системе, основанной на институциональных обязательствах или идеологических ценностях.

Международные отношения в такой модели воспринимаются как арена сделок - торговых, политических или стратегических, - где успех измеряется не в терминах долгосрочной стабильности или поддержания международных норм, а через осязаемые выгоды по принципу «здесь и сейчас» для США, особенно на фоне недоверия к международным институтам и альянсам⁷. В этой логике дипломатия становится инструментом, аналогичным бизнес-переговорам, - выигрывает тот, кто получает больше экономических, политических или стратегических дивидендов при минимальных затратах. Идеологической базой такого подхода является концепция национального интереса, сведенного к материально измеримым результатам - торговым профицитам, снижению внешнеполитических обязательств, перераспределению затрат на оборону и привлечению инвестиций.

Описанный стиль дипломатии контрастирует с традиционным либеральным интернационализмом, долгое время определявшим внешнеполитическую стратегию США [2]. В то время как классическая модель опиралась на поддержку международных институтов, соблюдение норм международного права и укрепление многосторонних альянсов, транзакционный подход Д.Трампа отодвигает эти принципы на второй план, подменяя их логикой «выгодной сделки». В этой парадигме ключевым критерием эффективности внешнеполитических действий - не соответствие универсальным ценностям, а извлечение непосредственной пользы для США. При этом идейной базой данной модели выступают элементы неомеркантилизма и стратегического экономического национализма, вступающие в концептуальный конфликт с универалистскими и нормативными основаниями американской внешней политики послевоенного периода, делая акцент не на глобальном лидерстве США, а на защите собственных интересов в условиях усиливающейся конкуренции великих держав⁸.

В частности, концепт «Америка превыше всего» (America First) - фундамент внешнеполитической стратегии Д.Трампа, предполагающий отказ от глобального лидерства в пользу максимизации прямой выгоды для американских граждан и бизнеса⁹, - стал особенно очевиден на примере решения главы Белого дома выйти из ряда договоров, в числе которых Парижское соглашение по климату¹⁰, Совместный всеобъемлющий план действий с Ираном¹¹, Транстихоокеанское партнерство¹², которые, с точки зрения администрации Д.Трампа,

не обеспечивали эквивалентной отдачи для американских интересов и выразили установку: «Если сделка невыгодна - ее нужно аннулировать или изменить» [9; 10].

К примеру, введенные США пошлины в объеме более 360 млрд долларов, нацеленные на сокращение дефицита торгового баланса и принуждение КНР к уступкам по вопросам интеллектуальной собственности и доступа на рынок, отражают типичную логику «жесткого торга». Соглашение «Фаза 1» (2020 г.) предусматривало увеличение закупок Китаем американских товаров в обмен на частичное снятие пошлин¹³.

Кроме того, в транзакционной логике дипломатия теряет характер долгосрочного стратегического планирования и приобретает черты ситуативного торга. Отношения с союзниками и противниками основываются на расчете выгод и потерь, а не на ценностной общности или институциональной предсказуемости. Такой подход позволил Д.Трампу применить давление на партнеров по НАТО с целью увеличения их военных расходов¹⁴.

Во-первых, он последовательно требовал от союзников по НАТО увеличить оборонные ассигнования до уровня 2% от ВВП, угрожая в противном случае сократить американские обязательства по коллективной безопасности. В его риторике альянс представлялся как «экономически невыгодная сделка», в рамках которой США «переплачивают за безопасность Европы». Во-вторых, Д.Трамп стремился заключить торговые соглашения с Канадой, Мексикой (новое соглашение USMCA вместо NAFTA¹⁵) и Китаем [8] на более выгодных для США условиях и использовать экономические стимулы для нормализации отношений между Израилем и рядом арабских государств, включая ОАЭ, Бахрейн, Судан, Марокко [7]. Эти договоры - яркий пример подхода, выходящего за пределы универсальных норм, но эффективного в плане достижения тактических целей Соединенных Штатов и их союзников.

Транзакционная дипломатия Д.Трампа таким образом отразила ценностный сдвиг - от коллективной безопасности и глобального лидерства к стратегическому изоляционизму и жесткому реализму.

Содержание и особенности новой внешнеполитической доктрины Дональда Трампа (2025 г.)

Вторая инаугурация Д.Трампа ознаменовала переход американской внешней политики к институционализированной форме транзакционной дипломатии, сформулированной в обновленной «доктрине Трампа». В отличие от первого президентского срока, характеризовавшегося фрагментарными и во многом реактивными внешнеполитическими решениями, особенность актуализированной внешнеполитической стратегии Д.Трампа заключается не только в прагматичном содержании, но и в четкой бюрократической структуре ее реализации. По мнению официального представителя МИД России М.В.Захаровой, курс администрации Президента США можно охарактеризовать как «глобальную перестройку», при которой сосредоточение на внутренних проблемах страны является ключевым фактором для обеспечения мировой стабильности¹⁶.

Впервые транзакционный подход стал не просто стилем президентского поведения, а официальной и институционально закрепленной стратегией, определяющей поведение США на международной арене¹⁷. Как отметил заместитель министра иностранных дел Российской Федерации С.А.Рябков, администрация Д.Трампа, вдохновленная лозунгом «Make America Great Again» (MAGA), стремится реализовать доктрину американского превосходства через радикальное перераспределение бремени безопасности в пользу союзников и жесткий, принципиальный подход к международным конфликтам¹⁸.

Центральный элемент доктринального подхода Д.Трампа к внешней политике - усиление экономического и военного сдерживания на базе национального интереса, сведенного к материально осязаемым выгодам. Особый акцент делается на прагматичных двусторонних сделках с союзниками, сопровождающихся жестким пересмотром обязательств в многосторонних организациях (в первую очередь НАТО и ООН), а также на использовании давления и экономических рычагов в отношении геополитических соперников - Китая, России и Ирана¹⁹.

В этой логике внешнеполитическая стратегия теряет универалистскую риторику либерального интернационализма и подменяется логикой сделки, где эффективность оценивается в количественно измеримой выгоде для США. Идеологическая ось внешней политики Д.Трампа - фактическая утрата доктрины американской исключительности (American exceptionalism). 45-й и 47-й Президент Соединенных Штатов разрушил устоявшийся нарратив поствоенного либерального интернационализма, заменив его «джексоновским национализмом», в котором первостепенными становятся материальная мощь и военное превосходство, а не моральные и ценностные обязательства [14]. Речь идет не просто о тактических маневрах, а о трансформации внешнеполитической парадигмы, превращающей транзакционный стиль в институциональную норму с проекцией на ключевые региональные направления: от Восточной Азии и Ближнего Востока до трансатлантических связей и сотрудничества с международными фискальными институтами²⁰.

Однако, как справедливо указывают политологи, применимость «доктрины Трампа» с ее акцентом на принуждение, экономическое давление и демонстративное использование военной силы принципиально ограничена в отношении ядерных держав. Концепция «принудительной дипломатии» (coercive diplomacy), лежащая в основе транзакционного подхода, требует значительного асимметричного превосходства, позволяющего США навязывать условия партнеру без угрозы масштабной эскалации. В случае с такими странами, как Россия или КНР, обладающими мощнейшими стратарсеналами и возможностями для ответного удара, военные рычаги теряют эффективность как инструмент внешнеполитического торга. Применение силы против ядерной державы чревато неприемлемыми издержками и нарушением базовых принципов ядерного сдерживания, сформулированных еще в логике доктрины MAD (Mutually Assured Destruction), что делает риторику «максимального давления» по отношению к стратегическим конкурентам либо чисто символической, либо заведомо непродуктивной²¹.

На фоне концептуального сдвига во внешнеполитической идентичности США «доктрина Трампа» формализована не только в риторике и практике международных взаимодействий, но и в ряде политико-административных актов и основополагающих документов, отражающих институционализацию транзакционного подхода.

К числу ключевых относится готовящаяся в настоящее время новая Стратегия национальной обороны (National Defense Strategy, NDS)²², в которую планируется заложить установки «America First» и «мир через силу» (Peace Through Strength), являющиеся ядром программной внешней политики Соединенных Штатов. В соответствии с приоритетами Д.Трампа, стратегия, как ожидается, будет ориентирована на обеспечение обороны территории США, включая защиту воздушного пространства и государственных границ, а также на сдерживание Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. При этом особый акцент предполагается на перераспределении бремени безопасности между союзниками и партнерами с одновременным укреплением этих отношений и формированием условий для устойчивого и долгосрочного мира.

Кроме того, первый президентский меморандум по нацбезопасности (National Security Presidential Memorandum, NSPM-1)²³ озаменовал институциональную перестройку в аппа-

рате национальной безопасности США, закрепив структурные изменения по повышению управляемости и концентрации полномочий Белого дома. Документ не только оптимизировал процесс межведомственной координации, но и создал предпосылки для системного внедрения транзакционной логики в выработку и реализацию внешнеполитических решений, ориентированных на приоритет прямых выгод, измеримых результатов и минимизацию долгосрочных обязательств перед зарубежными партнерами²⁴.

В дополнение, в соответствии с исполнительным указом Д.Трампа²⁵, формализуется применение транзакционного подхода на уровне стратегического планирования, предусматривающее выход США из некоторых структур Организации Объединенных Наций, включая СПЧ (Совет ООН по правам человека, United Nations Human Rights Council, UNHRC), прекращение взносов в бюджет БАПОР (Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ, United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East, UNRWA), пересмотр членства в других организациях (например, ЮНЕСКО - Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, UNESCO), а также проведение всеобъемлющей оценки всех межгосударственных организаций и договоров на предмет их соответствия национальным интересам США.

Стремление администрации Д.Трампа интегрировать принцип «America First» в ключевые сферы внешней и внешнеэкономической политики США выразилось в последовательном пересмотре и реструктуризации механизмов международного сотрудничества. Данный курс стал составной частью масштабной кампании по переоценке трансатлантических обязательств с особым акцентом на «принцип справедливого распределения бремени» (burden-sharing)²⁶. В результате на саммите НАТО (Гаага, 24-25 июня 2025 г.) достигнут исторический консенсус, предусматривающий поэтапное повышение оборонных расходов европейских партнеров до общей цели в 5% от ВВП к 2035 году²⁷, что отражает значительные изменения в балансах ответственности и финансирования коллективной безопасности.

Аналогичная картина наблюдается и на различных площадках универсальных организаций (в первую очередь ООН), где американские делегации с началом второй каденции Д.Трампа стали прямо заявлять об отказе Вашингтона от обязательств в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. В частности, согласно их обновленной логике, «мягкое глобальное управление» (soft global governance) в форме Целей устойчивого развития несовместимо с суверенитетом США²⁸ - содержать весь мир Америка якобы больше не будет.

Еще один из ключевых примеров институционализированной транзакционной дипломатии - усилия администрации Д.Трампа по расширению и углублению серии соглашений между Израилем и рядом арабских государств (Abraham Accords) [1]. В 2025 году по инициативе США согласовывался новый пакет соглашений с участием Саудовской Аравии, Омана и Израиля, получивший название «Соглашения Авраама 2.0»²⁹. Центральным условием для арабских стран стали экономические инвестиции со стороны США в инфраструктуру, энергетику и оборонные технологии в обмен на дипломатическое признание Израиля³⁰. Таким образом, внешнеполитическое взаимодействие было выстроено по формуле «безопасность в обмен на инвестиции» - рыночный подход, при котором геополитическое сближение базируется на экономических стимулах, а не на идеологических или правовых основаниях.

Подобная логика проявилась и в отношениях с Китаем. На очередном витке торговой конфронтации - «торговой войны 2.0» - администрация Д.Трампа в 2025 году ввела новые

тарифы на полупроводники, технологии ИИ и редкоземельные металлы из КНР, аргументируя это необходимостью защиты американской промышленной базы. Примечательно, что Вашингтон сделал это в обход процедур Всемирной торговой организации (ВТО), тем самым подтвердив доктрину приоритета национальных интересов над международными обязательствами³¹.

Наиболее яркое и масштабное воплощение транзакционного подхода к внешнеэкономической политике администрации Д.Трампа проявилось в беспрецедентном решении о введении тарифов против без малого 70 партнеров США. Данная мера стала кульминацией последовательной линии на перераспределение выгод мировой торговли в пользу американской экономики. В официальной аргументации Белого дома сообщалось, что тарифы направлены на «защиту нацбезопасности и восстановление честных и взаимовыгодных условий торговли»³².

По мнению экспертов ИСКРАН, тарифная политика администрации Д.Трампа носит преимущественно инструментальный характер - используется для защиты отдельных отраслей и внешнеполитического давления, а не для пополнения бюджета или сокращения дефицита. Она отражает стремление изменить баланс сил в мировой торговле в пользу США и сопровождается непредсказуемостью, что осложняет прогнозирование, создавая риски замедления мирового экономического роста, рецессии у партнеров и повышения инфляции³³.

Такая позиция иллюстрирует ключевые черты транзакционной дипломатии, а именно приоритет односторонней выгоды над коллективными механизмами регулирования (в обход норм ВТО), инструментализацию торговых отношений в качестве средства внешнеполитического давления и сведение международных экономических взаимодействий к схеме «выиграл-проиграл», где экономические уступки другой стороны рассматриваются как главный показатель успешности сделки.

В этом контексте тарифная политика администрации Д.Трампа представляет собой яркий пример применения транзакционного подхода в экономической сфере, совмещая политические и экономические цели, выступая инструментом агрессивного протекционизма, направленного на сокращение хронического дефицита торгового баланса и, опосредованно, на сдерживание роста государственного долга. Стратегия вынуждает торговых партнеров выбирать между сохранением доступа к американскому потребительскому рынку ценой снижения собственной прибыли и потерей «премиального» сегмента сбыта. Усиление негативного эффекта обусловлено и финансовыми факторами, включая де-факто реструктуризацию долговых обязательств США, временно замаскированную через легализацию частной эмиссии стейблкоинов, номинированных в необеспеченном материальными активами долларе³⁴.

Однако повышение Соединенными Штатами тарифных барьеров, в частности на индийские товары, выступает катализатором процесса дедолларизации в рамках БРИКС. По оценкам индийских аналитиков, координация внешнеэкономических и политических действий России, Индии и Китая способна нивелировать последствия экономического давления со стороны США, активно использующих тарифные и иные торговые ограничения в качестве инструмента внешней политики. Динамика двусторонних контактов - включая несколько телефонных разговоров в августе 2025 года Президента Российской Федерации В.В.Путина и премьер-министра Индии Н.Моди, а также участие лидеров России и Индии в саммите ШОС 31 августа - 1 сентября в Тяньцзине (КНР) и предстоящий визит российского главы в Нью-Дели в декабре 2025 года - свидетельствует о потенциале формирования согласованной позиции по вопросам мировой торговли. Примечательно, что введение агрессивных тарифных мер администрацией Д.Трампа способствует снижению напряженности в отношениях

между Индией и Китаем, что открывает возможности для их стратегического сближения в противовес одностороннему экономическому давлению со стороны США³⁵.

Стоит отметить, что систематическое использование Вашингтоном санкций уже способствовало институциональному укреплению БРИКС как относительно автономной от западных ограничений торгово-экономической платформы³⁶. При этом у БРИКС нет цели разрушить мировую долларовую систему³⁷. Общим интересом государств-участников выступает не дестабилизация, а, напротив, формирование предсказуемой и устойчивой международной экономической среды с минимизацией «потрясения» от «неприятной американской политики»³⁸.

БРИКС+ действует в рамках международного права и Устава ООН, продвигая сотрудничество, консенсус и реформу глобальных институтов без антагонизма к Западу, но в защиту собственных интересов развития. Объединение предлагает инклюзивную альтернативу западной однополярности, поддерживает принципы послевоенного правопорядка и выступает против односторонних действий. Процесс расширения влияния БРИКС+ мирный, но конкурирующий, с риском перерастания в торговые войны или силовое противостояние, что иллюстрирует конфликт НАТО и России на Украине; в перспективе объектом давления США может стать Китай³⁹.

В целом массовое тарифное наступление на торговых партнеров было не изолированной мерой, а логическим продолжением фундаментального переосмысления роли США в мировой экономике - от глобального либерализма к национально-ориентированному экономическому реализму.

Исходя из вышесказанного, новая доктрина представляет собой не стихийный набор решений, а нормативно закреплённую внешнеполитическую платформу, в которой транзакционная дипломатия обретает статус институциональной нормы и переговорной тактики, предусматривая переоценку глобальной роли США от универсалистского лидерства к логике защищенного суверенитета и рационального торга.

Сформировавшись как альтернатива постбиполярному либеральному интернационализму, транзакционная дипломатия Д.Трампа во втором президентском сроке перестала быть тактическим отклонением и превратилась в системную внешнеполитическую парадигму. Этот сдвиг носит институционально закреплённый характер, оказывая трансформирующее воздействие как на традиционные союзнические механизмы США, так и на архитектуру международных норм и институтов.

Во-первых, транзакционализм подрывает устойчивость союзных связей, переводя их из политических обязательств в сферу взаимного расчета, что особенно ярко проявилось в отношениях с НАТО, Японией и Республикой Корея. Подход, при котором обязательства США увязываются с экономической отдачей или долей военных расходов партнеров, разрушает фундаментальную философию коллективной безопасности, построенную на взаимном доверии и предсказуемости. Подобная логика ведет к недоверию и фрагментации союзов, чреватых в перспективе подрывом глобального баланса сдерживания.

Во-вторых, прямая эрозия многосторонних институтов - еще одно проявление транзакционной дипломатии. Выход из СПЧ, приостановка финансирования Всемирной организации здравоохранения, введение тарифов в обход предписаний ВТО - все это свидетельствует о переориентации американской внешней политики: от глобального лидерства к стратегическому эгоизму. Международные институты оцениваются теперь не по их вкладу в стабильность системы, а по степени соответствия, пусть и краткосрочным, интересам США.

Третьим ключевым следствием является смещение роли Соединенных Штатов в международной системе: из гаранта миропорядка Вашингтон превращается в мощного, но недоговороспособного актора, подрывая легитимность правовых норм и создавая перманентную нестабильность в глобальной политике. При этом ослабление международных институтов и союзов, инициированное транзакционной дипломатией Д.Трампа, создало благоприятные условия для таких могущественных держав, как Россия и Китай, стремящихся утвердить альтернативный порядок, базирующийся на исконном понимании суверенитета и силы.

Однако следует подчеркнуть, что транзакционная дипломатия Д.Трампа не является априори деструктивной: в ряде случаев она продемонстрировала инструментальную эффективность. Тем не менее структурная ограниченность парадигмы, заключающаяся в редукции внешнеполитического мышления до логики «рентабельных сделок», делает ее препятствием на пути к построению устойчивой и предсказуемой системы международного порядка в долгосрочной перспективе.

Транзакционная дипломатия Д.Трампа представляет собой не просто изменение внешнеполитических приоритетов, а фундаментальный вызов устоявшейся модели либерального интернационализма, опирающейся на идею глобального лидерства США в сочетании с поддержкой многосторонних институтов и норм. Подобный сдвиг не только трансформирует текущую повестку, но и подрывает основы международного правопорядка - снижается доверие к обязательствам Вашингтона, девальвируется роль международного права, возрастает склонность государств к стратегическому индивидуализму. В долгосрочной перспективе это может привести к формированию более полицентричной и конкурентной международной среды, где преобладают двусторонние соглашения и краткосрочные и ситуативные альянсы, основанные не на ценностной общности, а на взаимовыгодном торге.

Одновременно транзакционная дипломатия Д.Трампа выступает мощным катализатором нарастания экономического давления на страны БРИКС, что, в свою очередь, способствует их укреплению как альтернативного центра силы, стимулируя формирование и развитие независимых торгово-экономических, транспортно-логистических и финансовых инфраструктур, направленных на уменьшение зависимости от традиционных западных институтов и систем. В результате данный процесс ускоряет трансформацию мировой политической архитектуры в сторону полицентричной модели глобального миропорядка, где доминирование одного государства постепенно уступает место более сбалансированному распределению влияния между крупными региональными игроками.

Происходящая дедолларизация мировой экономики и снижение американского гегемонистского влияния свидетельствуют о глубоких структурных изменениях в международной системе, которые ставят под сомнение эффективность и устойчивость сложившейся либеральной модели интернационализма, основанной на универсалистских нормах и институциональных механизмах.

Таким образом, транзакционная дипломатия Д.Трампа не только меняет тактические подходы США во внешней политике, но и способствует фундаментальному переустройству глобального миропорядка, влекущему за собой перераспределение геополитических и экономических ресурсов в пользу новых центров силы.

¹Многополярный мир: факторы трансформации. Вызовы и возможности. Доклад ОДКБ и Центра социально-консервативной поли-

тики. 15 сент. 2024 г. // URL: <https://e-cis.info/news/566/121097/> (дата обращения: 15.07.2025).

- ²Trump's transactional approach to diplomacy is a driving force on the world stage. March 9, 2025 // URL: <https://apnews.com/article/trump-transactional-diplomacy-tariffs-russia-ukraine-canada-e70f0e800b1c7891a0fa4f21a28c67af> (accessed 18.07.2025).
- ³Trump's Foreign and Economic Strategy: A Return to Realism and Protectionism Published by the Centre for Strategic Discourse (CSD). April 13, 2025 // URL: <https://www.strategiccentre.org/trumps-foreign-and-economic-strategy-a-return-to-realism-and-protectionism> (accessed 18.07.2025).
- ⁴Trump Is Ushering In a More Transactional World. January 7, 2025 // URL: <https://foreignpolicy.com/2025/01/07/trump-transactional-global-system-us-allies-markets-tariffs> (accessed 18.07.2025).
- ⁵*Schweller R.* Three Cheers for Trump's Foreign Policy // Foreign Affairs. August 14, 2018 // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2018-08-13/three-cheers-trumps-foreign-policy> (accessed 19.07.2025).
- ⁶Trump's Foreign Policy: Deterrence, Transactional Diplomacy, and Global Engagement. November 11, 2024 // URL: <https://nycfpa.org/11/11/trumps-foreign-policy-deterrence-transactional-diplomacy-and-global-engagement> (accessed 19.07.2025).
- ⁷Trump Is Ushering In a More Transactional World. January 7, 2025 // URL: <https://foreignpolicy.com/2025/01/07/trump-transactional-global-system-us-allies-markets-tariffs> (accessed 19.07.2025).
- ⁸*Slowinski P.* Trump's Redefinition of American Global Leadership No More Free Rides in a Transactional World. June 6, 2025 // URL: <https://foreignanalysis.com/trumps-redefinition-of-american-global-leadership> (accessed 20.07.2025).
- ⁹*Durkee A.* America First Agenda: What To Know About The Project 2025 Alternative Reportedly Behind Trump Transition. November 6, 2025 // URL: <https://www.forbes.com/sites/alisondurkee/2024/11/06/america-first-agenda-what-to-know-about-the-project-2025-alternative-reportedly-behind-trump-transition> (accessed 20.07.2025).
- ¹⁰Statement by President Trump on the Paris Climate Accord. 2017 // URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-president-trump-paris-climate-accord> (accessed 20.07.2025).
- ¹¹*Pompeo M.* After the Deal: A New Iran Strategy // Heritage Foundation. May 21, 2018 // URL: <https://www.heritage.org/defense/event/after-the-deal-new-iran-strategy> (accessed 20.07.2025).
- ¹²TRUMP SAYS NO. What is the Trans-Pacific Partnership and why did Donald Trump withdraw from the trade deal? January 24, 2017 // URL: <https://www.thesun.co.uk/news/2263465/trans-pacific-partnership-donald-trump> (accessed 20.07.2025).
- ¹³Фаза номер раз // Finversia. 05.02.2020 // URL: <https://www.finversia.ru/publication/experts/faza-nomer-raz-69949> (дата обращения: 21.07.2025).
- ¹⁴Remarks by President Trump at Press Conference After NATO Summit. Brussels, Belgium. July 12, 2018 // URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-press-conference-nato-summit-brussels-belgium> (accessed 20.07.2025).
- ¹⁵Office of the United States Trade Representative. USMCA Fact Sheet. 2019 // URL: https://ustr.gov/sites/default/files/2019_Trade_Policy_Agenda_and_2018_Annual_Report.pdf (accessed 20.07.2025).
- ¹⁶Захарова назвала курс Трампа глобальной перестройкой // URL: <https://vz.ru/news/2025/3/21/1321286.html> (дата обращения: 12.08.2025).
- ¹⁷The Trump Doctrine. February 14, 2025 // URL: <https://theconservativetreehouse.com/blog/2025/02/14/the-trump-doctrine-2> (accessed 22.07.2025).
- ¹⁸Президент Трамп настроен реализовать доктрину американского превосходства теми средствами, которые считает правильными. 3 апр. 2025 г. // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/prezident-tramp-nastroen-realizovat-doktrinu-amerikanskogo-prevoskhodstva-temi-sredstvami-kotorye-sch/> (дата обращения: 12.08.2025).
- ¹⁹Bringing the Loyalists Back: Trump's Next Security Policy Team. November 11, 2024 // URL: <https://nycfpa.org/11/11/bringing-the-loyalists-back-trumps-next-security-policy-team> (accessed 22.07.2025).
- ²⁰*Drezner D.W.* The End of American Exceptionalism: Trump's Reelection Will Redefine U.S. Power // Foreign Affairs. November 12, 2024 // URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/end-american-exceptionalism> (accessed 22.07.2025).
- ²¹«Убирайтесь оттуда к черту!» - Вэнс провозгласил «доктрину Трампа» во внешней политике. Чем это угрожает России? 30 июня 2025 г. // URL: <https://lenta.ru/news/2025/06/26/trump-doctrine> (дата обращения: 27.07.2025).

- ²²Statement on the Development of the 2025 National Defense Strategy. U.S. Department of Defense. May 2, 2025 // URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/4172735/statement-on-the-development-of-the-2025-national-defense-strategy/> (accessed 12.08.2025).
- ²³Organization of the National Security Council and Subcommittees // The White House. January 20, 2025 // URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/organization-of-the-national-security-council-and-subcommittees/> (accessed 12.08.2025).
- ²⁴National Security Presidential Memorandum on Organization of the National Security Council and Subcommittees. January 20, 2025 // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-202500151/pdf/DCPD-202500151.pdf> (accessed 12.08.2025).
- ²⁵Withdrawing the United States from and Ending Funding to Certain United Nations Organizations and Reviewing United States Support to All International Organizations // The White House. February 4, 2025 // URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/withdrawing-the-united-states-from-and-ending-funding-to-certain-united-nations-organizations-and-reviewing-united-states-support-to-all-international-organizations/> (accessed 12.08.2025).
- ²⁶The Future of NATO Under Trump: Declining U.S. Influence, European Alternatives, and the Strategic Consequences. April 2, 2025 // URL: <https://lansinginstitute.org/2025/04/02/the-future-of-nato-under-trump-declining-u-s-influence-european-alternatives-and-the-strategic-consequences/> (accessed 12.08.2025).
- ²⁷NATO leaders confirm defence spending will rise to 5% of GDP and say support for members is 'ironclad' - as it happened. Jun 25, 2025 // URL: <https://www.theguardian.com/world/live/2025/jun/25/nato-donald-trump-mark-rutte-europe-latest-live-news> (accessed 23.07.2025).
- ²⁸Remarks at the UN meeting entitled 58th Plenary Meeting of the General Assembly. Mar 4, 2025 // URL: <https://usun.usmission.gov/remarks-at-the-un-meeting-entitled-58th-plenary-meeting-of-the-general-assembly> (accessed 11.08.2025).
- ²⁹Trump 2.0: Supercharging the Abraham Accords? February 26, 2025 // URL: <https://moderndiplomacy.eu/2025/02/26/trump-2-0-supercharging-the-abraham-accords> (accessed 23.07.2025).
- ³⁰Trump Calls on Saudi Arabia to Join Abraham Accords During Visit to Riyadh. May 13, 2025 // URL: <https://www.algemeiner.com/2025/05/13/trump-calls-saudi-arabia-join-abraham-accords-visit-riyadh> (accessed 25.07.2025).
- ³¹The U.S. Critical Minerals Dilemma: What to Know. July 30, 2025 // URL: <https://www.cfr.org/article/us-critical-minerals-dilemma-what-know> (accessed 25.07.2025).
- ³²Reciprocal Trade and Tariffs. The White House. February 13, 2025 // URL: <https://www.whitehouse.gov/articles/2025/02/reciprocal-trade-and-tariffs> (accessed 25.07.2025).
- ³³Тарифная дипломатия Д.Трампа: инструментализация торговой политики. Экспертное мнение Судаковой Н.А. в материале РБК // URL: <https://iskran.ru/tarifnaya-diplomatiya-d-trampa-instrumentalizaciya-torgovoj-politiki-ekspertnoe-mnenie-sudakovoj-n-a-v-materiale-rbk/> (дата обращения: 13.08.2025).
- ³⁴Яковенко А.В. Тарифный грабёж и суверенитет. 5 авг. 2025 г. // URL: <https://ria.ru/20250805/tarify-2033356224.html> (дата обращения: 11.08.2025).
- ³⁵В Индии объяснили, как Россия сможет выстоять против США // URL: <https://news.ru/russia/zhurnalist-sharma-rossiya-indiya-i-kitaj-mogut-preodolet-davlenie-ssha-vmeste> (дата обращения: 13.08.2025).
- ³⁶Пошлины Трампа могут ускорить деолларизацию в БРИКС, считает эксперт // URL: <https://ria.ru/20250807/briks-2034032378.html> (дата обращения: 13.08.2025).
- ³⁷Экономист М.Хазин: У БРИКС нет цели разрушить мировую долларовую систему // URL: <https://govoritmoskva.ru/news/462297/> (дата обращения: 12.08.2025).
- ³⁸В ВШЭ отметили интерес БРИКС в стабилизации мировой экономической ситуации // URL: <https://govoritmoskva.ru/news/461998/> (дата обращения: 12.08.2025).
- ³⁹Место БРИКС в новой реальности. Какая роль уготована новому объединению стран // URL: <https://expert.ru/mnenie/mesto-briks-v-novoy-realnosti/> (дата обращения: 12.08.2025).

Источники и литература

1. Костенко Ю.И., Морозов В.М. «Соглашения Авраама» и новая реальность в арабо-израильских отношениях // Вестник Томского государственного университета. 2024. №503. С. 37-52.
2. Кочегуров Д.А. Идеология Д.Трампа в контексте цикличной сменяемости четырех внешнеполитических концепций США // Актуальные проблемы Европы. 2020. №1 (105). С. 46-65.
3. Лапин А.А. Понятие «Экономическая дипломатия» и ее задачи // Вестник Московской международной академии. 2025. №1. С. 86-97.
4. Овсянникова О.А. Трансформация современного мирового порядка в условиях украинского кризиса. М.: ИНФРА-М, 2025. 282 с.
5. Фадеева Л.А. Идеологическая аргументация внешнеполитической идентичности Соединенных Штатов Америки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. №4. С. 853-859.
6. Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? // Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 384 p.
7. Baker P., Glasser S. The Divider: Trump in the White House, 2017-2021. Doubleday, 2022. 752 p.
8. Bown C.P. US-China Trade War Tariffs: An Up-to-Date Chart. Peterson Institute for International Economics, 2020.
9. Daghrir W. The Trump Administration's Foreign Policy. A Trumpian World of Uncertainty or A Decline of Pax-Americana? N.Y., Bern, Berlin, Bruxelles, Oxford, Wien, 2020. 82 p.
10. Freedman L. Trump's Foreign Policy: Transactional and Tactical // Survival. 2018. Vol. 60 (2). P. 7-40.
11. Haass R. The World: A Brief Introduction. N.Y.: Penguin Press, 2020. 400 p.
12. Ikenberry G.J. The End of Liberal International Order? // International Affairs. 2018. Vol. 94 (1). P. 7-23.
13. Nye J.S. Do Morals Matter? Presidents and Foreign Policy from FDR to Trump. N.Y.: Oxford University Press, 2020. 254 p.
14. Restad H.E. Whither the «City Upon a Hill»? Donald Trump, America First, and American Exceptionalism // National Security Review. 2020. Vol. 3 (1). P. 62-92.
15. Smith T. America's Mission: The United States and the Worldwide Struggle for Democracy. Princeton N.J.: Princeton University Press, 2012. 528 p.
16. Waltz K.N. Structural Realism after the Cold War // International Security. 2000. Vol. 25 (1). P. 5-41.

Даниил Этрин

*Магистр международных отношений
МГИМО МИД России*

d.etrin13@yandex.ru

Ключевые слова: *цивилизации, внешняя политика, мировой порядок, международные отношения, история.*

США И КИТАЙ КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

В наши дни ввиду резкого роста турбулентности в системе международных отношений встает вопрос о перспективах ее трансформации с учетом возвышения альтернативных США центров силы, в первую очередь Китая. Очевидно, что с учетом имеющихся у Соединенных Штатов военного, экономического и технологического потенциалов, а также быстрого усиления в каждой из данных сфер КНР, которая стремительно догоняет Вашингтон по ряду ключевых показателей, оба этих государства будут играть весьма важную роль как в нынешней системе международных отношений, так и в формирующемся новом миропорядке, который с высокой долей вероятности будет основан на идеях многополярности.

Это означает, что в такой конфигурации система в значительной степени будет зависеть не просто от отношений между центрами силы, в данном случае США и Китаем, но и от того, какую внешнеполитическую линию они будут проводить в целом. В этой связи

Выражаю благодарность за помощь в написании статьи К.М.Барскому, профессору, кандидату исторических наук.

важно не только уметь прогнозировать их поведение на международной арене, но и выявить глубинные основы, из которых оно проистекает, что позволит точнее понимать мотивацию и стремления игроков.

Представляется, что фундаментально поведение великих держав во многом формируется не только конкретными геополитическими реалиями «в моменте», но и некоторыми более абстрактными факторами. В первую очередь принадлежностью к той или иной цивилизации. В случае США речь идет о Западной цивилизации, в случае Китая - собственно китайской.

Соответственно, целью статьи является анализ перспектив отношений между США и КНР с точки зрения цивилизационного фактора. Ключевой тезис, который будет рассмотрен в данной работе, заключается в том, что относительно США и Китая как государств-цивилизаций (в значении, используемом в Концепции внешней политики России от 31 марта 2023 г.¹⁾) существует не просто конфликт их национальных интересов как великих держав, но и более глубокие антагонистические противоречия, берущие начало из различий в миропонимании в целом. Это означает, что их устойчивое гармоничное сосуществование в одинаковом геополитическом статусе маловероятно.

Характеристики США как государства-цивилизации

Для начала можно рассмотреть с цивилизационной точки зрения Соединенные Штаты Америки как государство, занимающее одно из доминирующих мест в мире на протяжении довольно долгого времени. Это позволит отчетливее увидеть важные паттерны их поведения и сделать из этого соответствующие выводы.

США в силу своего сохраняющегося после окончания холодной войны потенциала являются очевидным центром силы и в следующей мировой системе. Эта страна относится к Западной цивилизации и выступает в качестве ее лидера. По историческим меркам США - молодое государство. Однако с учетом положения, которое оно занимает в Западной цивилизации, а также культурных истоков можно сказать, что Соединенные Штаты - не новый феномен в истории.

С философской и исторической точек зрения Западная цивилизация в огромной степени представляет собой не что иное, как результат развития своего фундамента - Римской империи. Именно Древний Рим являлся движущей силой развития Запада в классическом смысле, сформировал его цивилизационные основы и задал основные характеристики - экспансионизм, прагматизм, культ демократии и индивидуализма при господстве частной собственности, архетип империи как идеала цивилизации и порядка.

Исходя из этого, можно выдвинуть тезис о том, что и Соединенные Штаты как государство - лидер Западной цивилизации (созданное на римском фундаменте) наследуют некоторые черты римской цивилизации, в том числе с точки зрения поведения на международной арене и внешнеполитической философии.

При пристальном рассмотрении между США и Древним Римом действительно можно обнаружить немало сходств практически во всех сферах. Они являются достаточно значительными в плане влияния на поведение государства, а потому заслуживают анализа. Проведем ключевые параллели:

Идеологический фундамент. Известно, что экспансия Древнего Рима проистекала из особой идейной основы, заключавшейся в распространении цивилизации и поддержании на своих территориях порядка в противовес «варварству» окружающего мира. Сходные тезисы в современной форме транслируют и современные Соединенные Штаты, декларирующие в качестве своей исторической миссии распространение демократии и поддержание «порядка,

основанного на правилах» в качестве «мирового жандарма», а также борьбу с «авторитарными режимами». И в Древнем Риме, и в США заметно влияние идеологии исключительности.

Внутренняя политика и государственное устройство. И США, и Древний Рим начинали свое развитие как конфедеративные государства, в которых система власти и государственного устройства были основаны на принципе разделения властей и сложной системе сдержек и противовесов. Оба государства, сформированные на идеях республиканизма и демократии, считали свои модели устройства наилучшими. В обоих случаях сложилась двухпартийная внутриполитическая система с тенденциями к развитию популизма и крупными политическими кланами, а также резкой политической поляризацией.

Инструментарий внешней политики. Как и Древний Рим, Соединенные Штаты выстраивают свою внешнюю политику в агрессивном ключе, стремясь охватить в рамках своей сферы влияния всю систему международных отношений. Оба государства являются экспансионистскими по своей природе и при этом используют схожие методы, формируя разветвленную сеть «союзов» («socii» в случае Рима и союзники США в рамках НАТО и иных альянсов). Кроме того, древние римляне и современные американцы значительное внимание уделяют «мягкой силе»: включающиеся в рамки римской или американской систем (*Pax Romana* и *Pax Americana*) страны и народы в той или иной степени проходят процесс «впитывания» культуры - романизации и американизации соответственно. Более того, Рим и США на определенном этапе становились драйверами процесса глобализации, что позволяло им направлять общественное и культурное развитие в мировом масштабе.

Положение в системе международных отношений. Оба государства на пике своего развития занимали одинаковое место в соответствующих системах международных отношений. Период их наивысшего положения (в случае США - эпоха сразу после окончания холодной войны) представлял собой однополярную систему с единственной сверхдержавой, поддерживающей в ней мир и порядок в собственном понимании этих терминов. В сущности, это представляет собой то, что американский исследователь Р.Гилпин называл «гегемонистской стабильностью»². Соответственно, Рим и США имеют схожие паттерны поведения и развития в рамках системы (например, жесткое подавление любых альтернативных центров развития), а также в определенный момент стали сталкиваться со сходными проблемами.

Таким образом, учитывая цивилизационную связь Древнего Рима и США, общие паттерны поведения и развития, схожую идеологию и положение в мире, можно сделать некоторые выводы о чертах Соединенных Штатов, которые вытекают из этой связи. Как лидеру Западной цивилизации, США свойственны экспансионизм, политический и социальный индивидуализм, линейный и поступательный подход к развитию, конкурентный взгляд на мир, в том числе на международные отношения.

Характеристики Китая как государства-цивилизации

Китайская цивилизация - еще один центр силы на планете. Расположенная на Востоке, она основана на совершенно иных принципах, нежели Западная. Подчас они являются совершенно противоположными друг другу, что приводит к абсолютно разному поведению и взгляду на мир.

В отличие от США, современная КНР является прямым продолжателем древнекитайской цивилизации. Действия Пекина в сфере внешней политики в значительной степени происходят из китайской философии, а потому фундаментально его подходы и набор средств достижения целей внешней политики в значительной степени наследуют сформировавшиеся

еще в Древнем Китае. С этой точки зрения китайцы демонстрируют постоянство - несмотря на различные исторические трансформации, основные отличительные черты и особенности китайского внешнеполитического стиля сохраняются на протяжении веков. Роль КНР как одного из государств-цивилизаций и центра силы такова, что наводит на мысли о некоторой схожести с Римской империей, хотя между двумя этими центрами и существуют очень глубокие различия, не позволяющие сравнивать их напрямую. Это можно раскрыть и продемонстрировать посредством разбора цивилизационных характеристик Китая.

Самоидентификация в качестве великой цивилизации. Древний Китай развивался в условиях сосуществования с народами, которые заметно уступали ему по уровню развития. Вкупе с постоянными набегами на китайские земли это привело к формированию дихотомии «китайцы и варвары», согласно которой Китай является центром всякой цивилизованности и порядка в хаотичном мире, а потому представляет собой уникальный феномен в мировой истории с особым статусом и исторической миссией.

Особая философия в отношении окружения. Эти же факторы, помимо всего прочего, привели к тому, что в китайской цивилизации утвердился особый взгляд на отношения с окружающими народами. Целью Китая тоже было расширение охвата цивилизации, однако это не предполагало грубой экспансии и покорения соседей. Вместо этого он стремился «гармонизировать» политическое пространство вокруг себя посредством системы «номинального вассалитета», военный же аспект внешней политики не был столь приоритетным, как в случае Древнего Рима³.

Из этого вытекает и другая особенность - активное использование Китаем «мягкой силы» во внешних делах. Философский фундамент его поведения базировался на концепции «благодати» («дэ»), которую император Китая, получающий ее от Неба, должен распространять как на своих непосредственных подданных, так и на весь мир⁴. В идеале окружающие народы должны были воспринять китайскую культуру и цивилизованность и таким образом включились бы в «правильную» часть китайской картины мира. В этом контексте Китай традиционно рассматривался как воплощение концепции империи, но в восточном понимании.

Стратегичность мышления и долгосрочное планирование. С точки зрения инструментария Китай отличается активным использованием так называемых стратегем, представляющих собой стратегические и тактические уловки и приемы, которые китайцы исторически применяли в военном деле и дипломатии, а в наши дни используют в самых разных областях жизни, включая сферы бизнеса и управления. При этом в деле планирования китайская цивилизация склонна к масштабности, в том числе с точки зрения временного охвата. Вместе эти факторы означают, что подход Китая к внешней политике характеризуется особой системностью, отличающей его от Запада.

Коллективизм. В отличие от европейских стран и США, в Китае не проявляется ярко выраженный индивидуализм. Поскольку в китайской картине мира большое значение уделяется иерархии и взаимосвязям между людьми, можно говорить о преобладании противоположного подхода - коллективизма. Это находит отражение не только в общественной жизни,

**Как и Древний Рим, Соединенные Штаты
выстраивают свою внешнюю политику
в агрессивном ключе, стремясь охватить
в рамках своей сферы влияния всю систему
международных отношений.**

но и политике - Китай традиционно подходит к международным делам как к участию в работе отлаженной системы, в которой каждый элемент имеет свое особое значение и роль, что контрастирует со свойственным Западу стремлением к прямому доминированию. Подобные идеи звучат и в стратегических документах современного Китая - Глобальной цивилизационной инициативе⁵ и Глобальной инициативе безопасности⁶.

Таким образом, как государству-цивилизации Китаю свойственны следующие черты: традиционализм, интерпретация внешней политики через призму философии, приоритет «мягкой силы», неконфликтность, социальный и политический коллективизм.

На основе приведенного выше анализа цивилизационных характеристик США и Китая можно сделать вывод о потенциальных сценариях развития их отношений в нынешней системе миропорядка. Однако для этого такой анализ следует дополнить анализом современных тенденций взаимовосприятия Вашингтона и Пекина, что может пролить свет на их долгосрочные политические планы в отношении друг друга. При сравнении такой публичной риторики в США и КНР на политическом и академическом уровнях видно, что хотя между этими двумя странами существуют достаточно тесные связи, в первую очередь в экономической сфере, они смотрят друг на друга далеко не одинаково.

Взгляд и действия Китая

Китайские политологи по-разному оценивают динамику и перспективы отношений между США и КНР. Условно их можно разделить на несколько школ, главными из которых являются «оптимисты» и «пессимисты», при этом на сегодняшний день большая часть экспертов придерживается умеренно оптимистических позиций.

Так, президент Китайского университета иностранных дел Ван Фань в 2018 году (то есть в период первого президентства в США Д.Трампа и «торговой войны» между США и КНР) высказывал мнение⁷ о том, что тенденции развития мировой системы в целом благоприятны для Китая. Он считал, что сокращение разницы потенциалов Соединенных Штатов и КНР создает для Пекина дополнительное «пространство для маневра», особенно с учетом постепенного ослабления Вашингтона. При этом, как утверждается, столкновение между великими державами в современных условиях является маловероятным.

Другой китайский эксперт, Лю Цзяньфэй, высказал мнение⁸ о незаменимости связей с США в контексте реализации китайской концепции «единой судьбы человечества», охарактеризовав в то же время необходимость «добиться сотрудничества» с Соединенными Штатами в осуществлении этого внешнеполитического проекта как «трудный момент китайской дипломатии в новую эпоху». Кроме того, в современных условиях крупные страны, по мнению Лю Цзяньфэя, не склонны к конфликтам в силу необходимости соблюдать стратегический баланс.

Вместе с тем, в связи с постепенным изменением позиции самих США в отношении Китая, среди китайских политологов все чаще звучат тезисы и о возможности соперничества. Однако зачастую они встраиваются в попытки сформулировать способ избежать противостояния между двумя странами.

К примеру, директор Института Америки Китайской академии международных проблем Тэн Цзяньцзюнь считает⁹, что Соединенные Штаты пытались «регулировать» развитие Китая, а после того, как стала ясна бесперспективность такого подхода, начали рассматривать Пекин как стратегического соперника, что демонстрирует переоценку Вашингтоном своих возможностей в сфере внешней политики. В то же время Китай будет проводить политику избегания соперничества, что, по мнению исследователя, может привести к изменению политики США

и их возвращению к взаимовыгодному сотрудничеству. Эксперт также указывает, что в целях недопущения сползания отношений между двумя державами к противостоянию в КНР следует сформировать «новое мышление».

Также подчеркивается, что Китай не имеет каких-либо намерений разрушать существующий миропорядок, а, напротив, стремится глубже интегрироваться в него. Эту идею транслирует, в частности, эксперт Центра американских исследований Шанхайского института международных проблем Шао Юйцзюнь¹⁰. Касательно Соединенных Штатов он высказывает мнение о том, что, хотя в Вашингтоне постепенно укрепилась мысль о неудаче политики вовлечения Китая, среди американских элит все же не существует полноценного консенсуса в отношении необходимости проведения жесткого антикитайского курса.

Настрой на миролюбивое сосуществование и сотрудничество ясно виден и в позиции непосредственного руководства КНР, которая остается устойчивой и постоянной на протяжении многих лет даже в условиях меняющейся международной среды. Так, в 2013 году Си Цзиньпин предложил США и КНР выстроить «отношения нового типа», которые основывались бы на сотрудничестве и «поиске общего при сохранении разногласий»¹¹, то есть равноправной связи без нездоровой конкуренции и конфронтации. Тогда предложение Китая было, в сущности, проигнорировано.

Второй раз попытка предложить американцам такую формулу сосуществования была предпринята Китаем в 2017 году с приходом к власти администрации Д.Трампа. Тогда состоялся визит Си Цзиньпина в поместье Трампа в Мар-а-Лаго, а затем визит Д.Трампа в Пекин. Оба мероприятия сопровождалось подписанием пакетов контрактов на многомиллиардные суммы, заявлениями о сотрудничестве и выражением надежд на конструктивные отношения двух стран. Однако на деле и в этот раз не удалось преодолеть настрой США на противостояние с КНР - уже в 2018 году началась «торговая война».

С приходом к власти администрации Дж.Байдена Китай продолжил курс на минимизацию рисков в отношениях с Вашингтоном. В ноябре 2024 года на встрече с Президентом США в Перу Си Цзиньпин заявил, что «соперничество крупных держав не должно быть фоном эпохи», а развитие отношений двух государств связано с общей судьбой всего человечества¹².

Заметно, что Китай осознанно придерживается стратегии неконфронтации с Соединенными Штатами и продолжения встраивания в либеральную мировую систему, предпринимая жесткие действия лишь тогда, когда откровенно недружественные шаги инициирует сам Вашингтон. При этом Пекин выстраивает двусторонние отношения не с позиции подчинения американскому доминированию, а исходя из идеи равенства двух центров силы. Все это является яркой иллюстрацией к описанным выше цивилизационным характеристикам Китая и подтверждает, что они отчетливо проявляются и сегодня.

Взгляд и действия США

Теперь можно проанализировать позицию Соединенных Штатов. Она сильно отличается от китайского подхода, представляя собой довольно ясное применение реалистического подхода к международным отношениям. Это сочетается с постепенным переходом от политики «вовлечения Китая» в американоцентричную систему к формированию образа «стратегического противника» в лице Пекина. На сегодняшний день в американской политике доминирует именно идея сдерживания и конкуренции с КНР.

Как уже было указано, Китай еще в 2013 году пытался выстроить отношения нового типа с Соединенными Штатами. Эти попытки не привели к желаемому результату, хотя

отношения между двумя странами еще не были откровенно напряженными. Вместе с тем уже тогда можно было заметить, что стратегические цели США в отношении КНР вовсе не предполагали полностью мирного сосуществования.

Так, еще в 2005 году американский политолог Дж.Миршаймер выразил сомнения в намерениях Китая, провозгласившего курс на «мирное возвышение». В статье для «The Australian» эксперт спрогнозировал¹³, что при сохранении тенденций экономического развития в ближайшие десятилетия отношения между США и Китаем могут перейти к формату «напряженной конкуренции в сфере безопасности» с риском начала военных действий, поскольку усилившийся Китай, вероятно, предпримет попытку установить собственную гегемонию в родном регионе.

В 2015 году (то есть через два года после предложения Си Цзиньпина) старший научный сотрудник Гудзоновского института (деятельность признана нежелательной на территории России) Э.Крепиневиц написал статью для «Foreign Affairs» под названием «Как сдерживать Китай»¹⁴. В ней американский эксперт заявляет, что миролюбивая политика Китая - лишь

прикрытие, в действительности же КНР является «ревизионистской державой», имеющей экспансионистские цели. Это, по мнению автора, вынуждает США планировать меры сдерживания, в том числе военного характера - следует готовиться ограничивать действия китайского ВМФ, а также быть в состоянии поддерживать союзников в случае военного конфликта в Тихоокеанском регионе.

В 2020 году американский политолог Р.Каплан в статье для журнала «Foreign Affairs» заявил¹⁵, что конку-

Настрой на миролюбивое сосуществование и сотрудничество ясно виден и в позиции непосредственного руководства КНР, которая остается устойчивой и постоянной на протяжении многих лет даже в условиях меняющейся международной среды.

ренция США и Китая по своей сути не является следствием идеологических разногласий, а в американской политике сложился общий для Демократической и Республиканской партий взгляд на Китай. Согласно ему КНР представляет явную угрозу положению Соединенных Штатов.

С приходом к власти администрации Д.Трампа в 2017 году США заняли открыто враждебную позицию по отношению к Китаю уже не на уровне экспертных оценок, а вполне официально. Так, в Стратегии национальной безопасности США от 2017 года указано, что «Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаются подорвать безопасность и процветание США»¹⁶, а также, что «Китай расширил свою власть за счет суверенитета других стран»¹⁷.

Полная картина, отражающая взгляд США на возвышающийся Китай, видна при анализе Стратегии национальной безопасности и другого документа - Стратегии национальной обороны. При администрации Д.Трампа новая ее редакция была опубликована в 2018 году. Одна из главных тем документа сформулирована таким образом: «Межгосударственное стратегическое соперничество, а не терроризм, теперь является главной проблемой национальной безопасности США»¹⁸. В рамках этой логики в отношении КНР там говорится следующее: «Китай использует военную модернизацию, операции по проецированию влияния и хищнические экономические инструменты, чтобы принудить соседние страны к перестройке Индо-Тихоокеанского региона в свою пользу»¹⁹.

США не ограничились декларациями и формулировками в стратегических документах. Уже в 2018 году Д.Трамп объявил о введении 25% пошлин на ряд товаров из КНР, инициировав так называемую торговую войну между Вашингтоном и Пекином, который ответил аналогичными мерами. Кроме того, США объявили о введении ограничений в отношении одной из крупнейших технологических компаний Китая, «Huawei», а также компании по производству микросхем SMIC. Все это укладывалось в логику необходимости сдерживать технологическое и экономическое развитие Китая как потенциального конкурента США, даже при отсутствии враждебных действий китайской стороны.

С приходом к власти в Соединенных Штатах Дж.Байдена изначально казалось, что в отношениях между двумя странами произошло снижение напряженности. Так, был осуществлен ряд контактов, в том числе переговоры лидеров США и КНР в Сан-Франциско (2023 г.) и Лиме (2024 г.). Стороны делали довольно аккуратные заявления, к примеру, Байден заявил, что «Соединенные Штаты и Китай должны гарантировать, что их конкуренция не перерастет в конфликт»²⁰. Си Цзиньпин, в свою очередь, повторил тезис о том, что Китай не стремится изменить существующий международный порядок. Вместе с тем экономическая и технологическая конкуренция между странами не прекратилась. В военной сфере напряженность усилилась после создания в 2021 году военного блока AUKUS. Более того, в 2022 году отношения между Китаем и США еще более обострились после провокационного визита спикера Палаты представителей США Н.Пелоси на Тайвань.

С точки зрения стратегических документов прежний настрой на конфронтацию также сохранился. В опубликованной в 2022 году Стратегии национальной безопасности говорилось: «Мы будем модернизировать и укреплять наши вооруженные силы, чтобы они были готовы к эпохе стратегического соперничества с великими державами»²¹. Естественно, одной из ключевых держав в этом контексте США считают КНР. При этом Стратегия национальной обороны (2022 г.) еще более усиливала этот тезис: «Министерство обороны будет действовать решительно, чтобы поддерживать и укреплять стратегическое сдерживание в отношении КНР, являющейся основным вызовом в сфере ответственности министерства обороны»²².

Таким образом, видно, что США осознанно избрали курс на конфронтацию с Китаем как возвышающейся державой, поскольку в укреплении КНР рассматривают угрозу собственным позициям. Исходя из представленного сравнения видно, что это не является реакцией на какие-либо явно недружественные действия самого Пекина, а значит, столь агрессивная политика Вашингтона может объясняться как стремлением защитить свое доминирующее положение в системе международных отношений, так и цивилизационными характеристиками США, описанными выше. В данном случае эти действия можно суммировать как проявления западного политического экспансионизма и гегемонизма (в форме подавления альтернативных центров развития) и чрезмерно конкурентного взгляда на мир по формуле «игры с нулевой суммой».

Перспективы отношений США и КНР через призму цивилизационного подхода

На основе вышеописанного двойного анализа можно сделать некоторые выводы о перспективах динамики отношений Вашингтона и Пекина. В этом контексте возможны несколько сценариев развития ситуации: позитивный, нейтральный и негативный.

Позитивный сценарий предполагает, что Соединенные Штаты и КНР смогут прийти к некоему взаимовыгодному формату сосуществования без серьезных конфликтов, что предполагает успешное преодоление накопившихся к настоящему времени разногласий. При таком

варианте диапазон сфер сотрудничества между двумя государствами будет расширяться. Постепенное «уравнивание» потенциалов США и Китая не будет встречать чрезмерного сопротивления со стороны Вашингтона и в определенный момент может привести к мягкой эволюции существующего миропорядка. В таком случае США добровольно откажутся от претензий на абсолютную гегемонию.

Нейтральный сценарий предполагает, что американо-китайские отношения стабилизируются на некоем status quo. Страны будут стремиться избегать конфронтации, но активное сотрудничество и позитивная динамика станут как минимум затруднительными. Соединенные Штаты попытаются сохранить собственные позиции в мире и в этой связи станут рассматривать Китай как угрозу, что приведет к дальнейшей реализации политики сдерживания. Спектр инструментов такой политики будет расширяться по мере дальнейшего укрепления Китая, однако масштабного конфликта удастся избежать, хотя момент «уравнивания» потен-

циалов может сопровождаться усилением конфронтации в некоторых сферах - в первую очередь экономической и технологической. Возможно сосуществование США и КНР как фактически равных центров силы.

Негативный сценарий предполагает, что отношения между двумя державами ухудшатся. Как и в нейтральном сценарии, укрепление позиций Китая будет сталкиваться со все более активным противодействием со стороны США, однако набор методов сдерживания будет менее ограниченным, вплоть

Китай осознанно придерживается стратегии неконфронтации с Соединенными Штатами и продолжения встраивания в либеральную мировую систему, предпринимая жесткие действия лишь тогда, когда откровенно недружественные шаги инициирует сам Вашингтон.

до возможности применения (в той или иной форме) военных методов. С точки зрения Соединенных Штатов как слабеющего гегемона подобные процессы окажутся угрожающими их жизненно важным интересам, а значит, защита доминирующих позиций будет в конечном итоге проводиться максимально жестко и агрессивно. Равное сосуществование при таком сценарии невозможно, усиление одной стороны влечет за собой ослабление другой.

С учетом того, что ход событий в данной области зависит от значительного числа факторов, прогнозировать которые с достаточной точностью затруднительно, вывод будет носить вероятностный характер.

Для определения наиболее реалистичного сценария следует учесть затронутый выше цивилизационный аспект поведения этих государств, поскольку именно глубинные особенности их мировосприятия и фундаментальный внешнеполитический стиль определяют, наряду с прагматической оценкой национальных интересов, образ реагирования на глобальные изменения международной среды. При этом важно учитывать вводные условия: постепенное усиление Китая и, соответственно, накопление противоречий между КНР и США в различных сферах - политической, экономической, технологической, а также выявленные фундаментальные культурно-цивилизационные различия между ними.

Как было продемонстрировано в предыдущем разделе, векторы политики двух держав в данном контексте различны. Китай, очевидно, не желает конфронтации с Соединенными Штатами и предпочел бы стабильные и развивающиеся в позитивном ключе отношения. Однако ясно также, что в случае оказания на него давления он не проявляет уступчивости в ключевых для него вопросах (что иллюстрируется его действиями в ходе торговой войны).

С другой стороны, Соединенные Штаты не готовы отказаться от преимуществ, связанных со статусом гегемона. С их точки зрения возвышение Китая представляет собой процесс оттеснения США как с позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и мире в целом. В такой конфигурации даже максимальные усилия Пекина по недопущению конфронтации могут оказаться бессмысленными, поскольку для развития или хотя бы поддержания отношений на приемлемом уровне требуется заинтересованность в этом обеих сторон.

Присущая Западной цивилизации идея о поступательном и линейном развитии не позволяет в полной мере оценивать возвышение Китая как часть циклического исторического процесса. Это может укрепить вытекающий из реалистического подхода взгляд на Пекин как на актора, стремящегося разрушить текущую систему международных отношений, а значит, стремящегося перевести США в разряд «обычной» державы, что для ориентированного на политический индивидуализм Вашингтона неприемлемо.

Более того, если учитывать выведенную из цивилизационного аспекта характеристику США, в перспективе попытки Китая сглаживать острые углы могут привести к обратному эффекту - подобные действия экспансионистски ориентированные Соединенные Штаты могут воспринять как проявление слабости. Это - вкупе с их взглядом на отношения как «игру с нулевой суммой» между «свободным» и «авторитарным» миром - станет катализатором продолжения агрессивной политики в отношении «слабого» оппонента.

С другой стороны, невозможна и обратная ситуация. В силу особого самовосприятия Китай не намерен чрезмерно уступать Соединенным Штатам и отказываться от возвращения на законные позиции в мире в обмен на позитивные отношения. Склонность к

долгосрочному планированию может выразиться в попытках Китая «пережить» период гегемонии США, но не путем компромиссов в области собственного развития. Иными словами, вероятность реализации позитивного сценария представляется довольно низкой.

Нейтральный сценарий, предполагающий пусть напряженное, но сосуществование США и Китая как фактических полюсов миропорядка, в той или иной форме предусматривает соперничество в духе холодной войны. Однако такая конфигурация фактически также сможет вылиться в размывание статуса Соединенных Штатов на мировой арене, а потому может быть реализована лишь при условии, что КНР каким-либо образом удержит Вашингтон от попыток разрешить накапливающиеся противоречия чрезмерно резкими методами. Поскольку в данном вопросе ход событий зависит от двух независимых игроков, возникает дополнительный риск просчетов и ошибок в оценке ими друг друга, особенно с учетом рассмотренных глубинных различий менталитетов и подходов к международным отношениям.

Кроме того, следует учитывать, что исторически прецеденты «мягкой» передачи статуса в случае великих держав, хотя и существуют (к примеру, Британская империя в XX в.), являются крайне редкими. Это означает, что фактически отношения США и КНР даже при нейтральном сценарии могут прийти к формуле соперничества, в котором происходит взаимное изматывание до момента нейтрализации оппонента. Однако в современных условиях такое противостояние, в отличие от времен холодной войны, будет происходить на фоне роста

С приходом к власти администрации Д.Трампа в 2017 году США заняли открыто враждебную позицию по отношению к Китаю уже не на уровне экспертных оценок, а вполне официально.

и других великих держав, что может лишить США стратегического запаса времени, необходимого для длительного «холодного сосуществования» с Китаем. Исходя из этого, вероятность нейтрального сценария представляется средней.

Таким образом, остается негативный сценарий. С учетом всего вышеизложенного США, вероятно, будут наращивать давление на Китай с целью максимально быстрого (с учетом потенциала и нынешних возможностей Пекина) вывода его из игры. В соответствии с особенностями поведения Соединенных Штатов это может включать в себя использование инструментов «мягкой силы» для формирования негативного образа КНР в мире, попытки дестабилизации Китая изнутри (политика «divide et impera»), втягивание Пекина в различные геополитические гонки для изматывания его экономики, а в крайнем случае и различные формы военного давления.

Стоит подчеркнуть, что это отнюдь не означает риск непосредственной военной конфронтации между двумя державами. Однако мирное и гармоничное сосуществование двух столь отличных друг от друга государств-цивилизаций с учетом явного агрессивного настроения одного из них представляется маловероятным. В то же время негативный сценарий не является и предопределенным - различные факторы в сумме могут привести к изменению «вводных параметров» или международной среды и если не исключить такого развития событий, то, как минимум, значительно снизить соответствующие риски.

В этой связи значительную роль может сыграть позиция других великих держав - в первую очередь России и Индии. Нынешняя система международных отношений находится на этапе трансформации, что значительно усложняет как политический ландшафт, так и сложившийся в предыдущие десятилетия баланс сил, а значит - будущее отношений США и Китая. Следовательно, во многом и будущее мировой системы не является полностью статичной.

¹Концепция внешней политики Российской Федерации // МИД России. 31.03.2023 // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 22.08.2024).

²Gilpin R. War and Changes in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.

³Непомин О.Ф. Внешнеполитическая доктрина традиционного Китая // Восточный курьер. №3-4. Т. 2021. С. 4.

⁴Васильев А.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Восточная литература, 2001. С. 112.

⁵Things to Know About China's Global Civilization Initiative // Xinhua. April 2, 2024 // URL: <https://english.news.cn/20240402/3f78dd8fbc68479199bf6b3cc32a4ff81/c.html> (accessed 22.08.2024).

⁶Full Text: The Global Security Initiative Concept Paper // Xinhua. February 21, 2023 // URL: <https://english.news.cn/20230221/75375646823e4060832c760e00a1ec19/c.html> (accessed 22.08.2024).

⁷Wang Fan. Recognizing and Maintaining the Period of Strategic Opportunity for Development // China

International Studies. 2018. November/December. №73. P. 26-41.

⁸刘建飞, 新时代中国外交战略中的中美关系, 美国研究. 2018. №2. P. 9-18 [Liu Jianfei. Sino-US Relations in China's Diplomatic Strategy in the New Era // The Chinese Journal of American Studies. 2018. №2. P. 9-18 (in Chin.)].

⁹滕建群, 美国对华“战略竞争”探析, 当代世界. 2018. №12. P. 23-27 [Teng Jianqun. Analysis of American «Strategic Competition» with China // Contemporary World. 2018. №12. P. 23-27 (in Chin.)].

¹⁰邵育群, “对华接触失败论”之后是什么? , 国际关系研究. 2018. №1. P. 35-41 [Shao Yuqun. What Would Be the Next after the Failure of the Argument to Contact with China? // Journal of International Relations. 2018. №1. P. 35-41 (in Chin.)].

¹¹Си Цзиньпин призвал к созданию с США отношений между крупными державами нового типа // Жэньминь жибао. 15.04.2013 // URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8206746.html>

- ¹²Соперничество крупных держав не должно быть фоном эпохи, заявил Си Цзиньпин // РИА Новости. 17.11.2024 // URL: <https://ria.ru/20241117/sopernichestvo-1984213622.html>
- ¹³*Mearsheimer J.* The Rise of China Will Not Be Peaceful at All // The Australian. November 18, 2005 // URL: <https://www.mearsheimer.com/wp-content/uploads/2019/06/The-Australian-November-18-2005.pdf> (accessed 01.01.2025).
- ¹⁴*Krepinevich A.* How to Deter China: The Case for Archipelagic Defence // Foreign Affairs. February 16, 2015 // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-02-16/how-deter-china> (accessed 01.01.2025).
- ¹⁵*Kaplan D.* The Ideology Delusion: America's Competition With China Is Not About Doctrines // Foreign Affairs. September 4, 2020 // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-09-04/ideology-delusion> (accessed 01.01.2025).
- ¹⁶National Security Strategy // Washington, DC: White House. December 8, 2017. P. 2 // URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 01.01.2025).
- ¹⁷Ibid. P. 25.
- ¹⁸Summary of the 2018 National Defence Strategy // US Department of Defence. May 18, 2020. P. 1 // URL: <https://media.defense.gov/2020/May/18/2002302061/-1/-1/1/2018-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-SUMMARY.PDF> (accessed 01.01.2025).
- ¹⁹Ibid. P. 2.
- ²⁰Байден: США и Китай должны гарантировать, что их конкуренция не перерастет в конфликт // ТАСС. 15.10.2023 // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19293983>
- ²¹National Security Strategy // Washington, DC: White House. October 12, 2022. P. 11 // URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (accessed 01.01.2025).
- ²²National Defence Strategy of the United States of America // Washington, DC: US Department of Defence. October 27, 2022. P. 11 // URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf> (accessed 01.01.2025).

Никита Банцекин

Кандидат исторических наук

nikita.boris@icloud.com

Павел Кондрашов

Кандидат исторических наук

pawel.kondrashov@yandex.ru

Ключевые слова: *международное экономическое сотрудничество, ОЭСР, ЕАБР, ЕФСР, ЕАЭС, цифровые платформы.*

МАЛЫЕ И СРЕДНИЕ КОМПАНИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

За периодом ускоренного развития глобализации в разных сферах экономической и социальной жизни наступает новый этап, который характеризуется все более четким разделением стран и, как следствие, международной торговли на обособленные объединения, группы, сектора.

Крупным компаниям, и в первую очередь транснациональным корпорациям, становится труднее осуществлять свою деятельность в глобальном масштабе, так как они оказались зависимы от внутри- и внешнеполитического контекста, напрямую влияющего на принятие экономических решений. В качестве примера можно привести не только прекращение деятельности на российском рынке ряда компаний из западных стран («McDonald's»¹, «Daimler-Benz»², «Zara»³), но и перенос из Китая в Индию производства американской компании «Apple»⁴, и ограничение работы на американском рынке компании «Huawei» из КНР⁵.

Не последнюю роль в изменении формата работы крупных компаний на международных рынках сыграли и ограничения, связанные с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020-2022 годах. Средние и малые компании в этот период благодаря своим характерным чертам оказались в более выигрышном положении. Более свободные от поли-

тических ограничений, они рассмотрели новые возможности для своего развития и роста в работе на международных рынках.

Среди основных факторов успеха субъектов малого и среднего предпринимательства (далее - МСП) в международном экономическом сотрудничестве можно выделить следующие:

- быстроту и гибкость в принятии важных управленческих решений;
- приверженность инновационным решениям в бизнесе;
- отсутствие сложной иерархии и бюрократии при осуществлении операций;
- отсутствие необходимости соответствовать формальным и неформальным ограничениям в области ESG-практик, накладываемых на публичные компании;
- возможность использовать разные виды платежей.

Указанные факторы обусловили актуальность изучения места и роли малых и средних предприятий в меняющейся системе международного разделения труда и международной торговли.

Одновременно выделяют и ряд вызовов, стоящих перед МСП при осуществлении международного экономического сотрудничества:

- недостаточные информированность и понимание структуры и динамики мировой торговли и глобальных цепочек добавленной стоимости;
- большинство МСП в разных отраслях не могут правильно оценить свои конкурентные преимущества при участии в международном экономическом сотрудничестве и глобальных цепочках добавленной стоимости. Более того, они не всегда понимают, что эта оценка необходима;
- у МСП чаще всего недостаточно управленческих и финансовых ресурсов, что препятствует модернизации оборудования;
- недостаточный уровень защиты собственной интеллектуальной собственности;
- злоупотребление преимущественным положением со стороны крупных заказчиков при экспорте или партнеров по кооперационным связям.

Сами МСП, принимавшие участие в опросе, проведенном ОЭСР, заявляют что основными препятствиями для них при осуществлении международного экономического сотрудничества являются «необходимость совершенствования используемых технологий и недостаток денежных и людских ресурсов»⁶.

Предлагаем определить терминологически, какие предприятия относятся к сектору МСП. В российском законодательстве критерии отнесения предприятий к МСП установлены Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 №209-ФЗ. Обобщенно говоря, к субъектам МСП в России относятся в большинстве случаев компании, имеющие среднесписочную численность работников не более 250 человек и предельную годовую выручку не более 2 млрд рублей. Существует также ряд критериев, связанных со структурой капитала предприятий.

В международной практике применяется чаще всего такой же подход для отнесения предприятий к субъектам МСП (количество работников, размер годовой выручки), но с некоторыми исключениями. В то же время в некоторых странах существуют также критерии по размеру инвестиций, по отрасли и форме предприятия. Например, в ФРГ все семейные предприятия, независимо от количества работников и размера выручки, считаются субъектами МСП.

Чаще всего при оценке роли и места МСП в международном экономическом сотрудничестве оперируют показателями доли МСП той или иной страны в экспорте товаров.

Согласно исследованию Еврокомиссии и Европейского института предпринимательства (ЕИЕР), доля экспорта МСП в ЕС составляет около 35-40%. Особенно значительна эта доля в Германии, Нидерландах и Италии. Германия известна своими мелкими и средними производителями, специализирующимися на высокотехнологичных продуктах, таких как машиностроение и химическая промышленность.

По оценкам Министерства торговли США, примерно 30% всего американского экспорта приходится на малые и средние предприятия, причем большинство экспортеров - это именно небольшие фирмы. Важно отметить, что многие американские МСП ориентируются на высокие технологии и инновационные отрасли, такие как ИТ и биотехнологии.

Хотя Китай широко ассоциируется с крупными промышленными концернами, вклад малых и средних предприятий в китайский экспорт весьма значителен. По некоторым оценкам, около 30-35% китайского экспорта поступает от МСП, преимущественно занятых производством потребительских товаров и комплектующих для электроники.

Если говорить о ситуации в России, «количество МСП-экспортеров за время действия национального проекта «Международная кооперация и экспорт» выросло на 57%»⁷, рассказала на сессии «Международная кооперация: от задач к решению» Петербургского международного экономического форума 2023 года генеральный директор АО «Российский экспортный центр» Вероника Никишина.

«Общее количество наиболее подготовленных к экспорту МСП-компаний сейчас составляет около 150 тысяч на всю страну и почти половина из них уже является экспортерами. В 2022 году в России количество МСП-экспортеров превысило 62,5 тысячи. Это абсолютный рекорд, а прирост относительно 2021 года составил более 13%»⁸.

«Федеральная таможенная служба (ФТС) не раскрывает статистику по внешней торговле МСП с начала 2022 года, но по косвенным данным можно сделать выводы об увеличении активности этого сегмента бизнеса и во внешнеэкономической деятельности (ВЭД), отмечают эксперты. По словам директора по корпоративным рейтингам рейтингового агентства «Эксперт РА» Михаила Никонова, наблюдается стремительный рост оборотов таких предприятий. По данным облачного сервиса «МойСклад», в 2023 году они увеличились на 23%»⁹.

Как уже было подчеркнуто, целый ряд особенностей МСП позволяет им успешно встраиваться в мировые экономические связи и международные цепочки добавленной стоимости. Для России это отчетливо проявилось в период санкционных ограничений, наложенных на Российскую Федерацию традиционными внешнеторговыми партнерами, прежде всего из стран Европейского союза. Надо признать, что перекройке народнохозяйственных связей и логистических цепочек подверглась не только экономика России, но и экономики сопредельных государств и других стран. В частности, экономики Республики Беларусь, Казахстана, Узбекистана, Киргизии и даже таких стран, как Турция, Индия, претерпели значительные изменения.

Во многом ситуация с переменами в международном экономическом сотрудничестве из-за санкционных ограничений аналогична изменениям, происходившим в период пандемии COVID-19. По итогам анализа воздействия пандемии на мирохозяйственные связи и в целях реагирования на подобные ситуации в дальнейшем международными организациями был разработан ряд принципов для правительств.

К примеру, институтами ОЭСР была разработана матрица оценки рисков для цепочек поставок, которая основывалась на четырех возможностях: предвидение рисков; использование инструментов внутренней политики; использование инструментов государственного и частного секторов, включая МСП; использование международных инструментов:

1. Предвидение рисков. Прогнозирование рисков для ответных мер и подготовки к будущим вызовам.

2. Использование инструментов внутренней политики. Инвестиции в инфраструктуру, создание условий для цифровой торговли, рациональное управление закупками и гибкость регулирования, сотрудничество между различными государственными учреждениями.

3. Использование инструментов государственного и частного секторов. Разработка стратегии управления рисками на уровне компаний; планы действий между государственным и частным секторами, включая МСП; стресс-тестирование цепочек поставок и стратегическое управление на внутреннем уровне; составление карты отечественных и иностранных сторон, участвующих в некоторых основных логистических цепочках; сбор и обмен данными о потенциальной концентрации и «узких местах» на начальном этапе или создание стресс-тестов для основных цепочек поставок.

4. Использование международных инструментов. Снижение барьеров в торговле и инвестициях для основных товаров и их ресурсов. Упрощение процедур торговли: ускоренное прохождение таможенного контроля или ускоренная сертификация. Признание процедур оценки соответствия.

Для повышения устойчивости компаний в странах - участницах АТЭС был предложен инструментарий, который включает в себя следующие элементы в контексте модификации и совершенствования глобальных цепочек поставок:

- повышение готовности - расширение анализа основных рисков и включение стресс-тестирования цепочек поставок в бизнес-планирование и стратегии управления рисками;
- реструктуризация и перепроектирование цепочек поставок - создание резервов, увеличение запасов и увеличение сроков выполнения заказов; управление составом поставщиков и управление географическим разнообразием для обеспечения большей гибкости и жизнестойкости цепочек поставок;
- изменение дизайна продукта - упрощение продуктов и производственных процессов, обход или пропуск более рискованных звеньев в цепочках поставок;
- инвестиции в цифровизацию - доступ к большему количеству данных, усовершенствование инструментов принятия решений, интеграция или создание платформ цепочек поставок для обеспечения сквозных процессов. Также важно инвестировать в укрепление доверия к цифровому бизнесу для борьбы с растущими угрозами кибербезопасности;
- расширенные обязательства в области охраны окружающей среды, социальной защиты и управления (ESG) - повышение способности учитывать экологические, социальные и этические аспекты деятельности каждой компании и всех ее цепочек поставок.

Указанные выше подходы к инструментарию, включая необходимость формирования устойчивых к внешним воздействиям кооперационных цепочек, созвучны принципам развития сотрудничества, реализуемым в рамках ЕАЭС.

По мнению главного экономиста Евразийского банка развития (ЕАБР) и Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР) Е.Винокурова, «в основе деятельности ЕАЭС лежит идея движения к свободному перемещению товаров, услуг, труда и капитала как средству повышения экономического роста, модернизации экономики и улучшения жизни граждан. К настоящему времени у ЕАЭС уже есть ряд значимых достижений в этом направлении:

- создано единое таможенное пространство. Внутри Таможенного союза не применяются таможенные пошлины. Действует Единый таможенный тариф;
- Союз предоставляет гражданам государств-членов возможности общего рынка труда, по глубине интеграции сопоставимого с рынком труда ЕС. Это и упрощенные схемы миграционного учета и легального трудоустройства, и полный пакет социальных гарантий на всей территории ЕАЭС, включая здравоохранение, образование и взаимное признание дипломов, а также пенсионное обеспечение;
- успешно работают созданные Союзом такие структуры, как Евразийский банк развития и Евразийский фонд стабилизации и развития, которые через свои финансовые инструменты способствуют экономической интеграции стран-участниц;

- техническое регулирование в рамках ЕАЭС уже в существенном объеме осуществляется на базе новых современных технических регламентов, обеспечивающих соответствие производимой на евразийском пространстве продукции единым стандартам качества»¹⁰.

Также, по мнению Е.Винокурова, «еще есть вопросы и проблемы, к которым необходимо искать и найти эффективные подходы и решения»¹¹. Так, например, достройка общих рынков, гармонизация мер поддержки МСП позволили бы компаниям пользоваться рядом преимуществ в ведении бизнеса, а для МСП более активно встраиваться в трансграничные цепочки добавленной стоимости, что обеспечит возможность проведения общей взаимовыгодной сбытовой стратегии на рынках третьих стран (вместо необоснованной конкуренции).

Согласно результатам опроса представителей бизнеса, включая МСП, «(337 компаний Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана), проведенного Евразийским банком развития, большинство опрошенных (в среднем 73%) согласились с тем, что евразийская интеграция облегчает ведение бизнеса на территории вышеупомянутых государств»¹².

В то же время было установлено, что компании шести стран при ведении внешнеэкономической деятельности в ЕАЭС и регионе СНГ «сталкиваются с определенными барьерами, чаще всего в торговле. При этом, помимо технических барьеров, отмечались высокая конкуренция, отсутствие информации о внешних рынках и потенциальных партнерах, ограничения сбыта товаров и финансовые меры, включая получение и использование кредита для финансирования импорта»¹³.

Наряду с другими можно отметить еще и следующие аспекты:

- «инвестиционные сложности: трудности с поиском и удержанием инвесторов, недостаточная безопасность инвестиций, нехватка государственной поддержки»¹⁴;
- «поставки: проблемы с получением услуг и товаров сторонних организаций, нехватка сырья и нехватка оборудования»¹⁵;
- отсутствие интеграции поставщиков нижнего уровня (в основном это МСП) в отраслевые производственные цепочки;
- необходимость разработки мер по стимулированию внутреннего спроса на товары и услуги, производимые в странах ЕАЭС;
- распространение успешного национального опыта в сфере реализации финансовой поддержки промышленных проектов на уровень ЕАЭС;
- «сложности с поиском надежных партнеров»¹⁶;
- отсутствие национальных реестров верифицированных поставщиков компонентов, комплектующих.

С учетом сложившейся экономической ситуации на евразийском пространстве в соответствии с поручением Евразийского межправительственного совета и решением Высшего евразийского межправительственного совета от 2022 года в 2023 году под эгидой Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) был разработан и запущен в мае 2024 года механизм финансовой поддержки кооперационных проектов в областях промышленности (далее - Механизм), призванный способствовать технологическому развитию и созданию новых моделей производства в государствах-членах, расширению торгово-экономических связей между ними, наращиванию взаимных инвестиций.

По мнению экспертов, в условиях санкционного давления Механизм «является удобным инструментом локализации технологий и комплектующих, поставляемых по «серому импорту»: все, что попадает под западные запреты, будет ввозиться на совместные предприятия под нейтральной евразийской юрисдикцией»¹⁷. На тех же условиях в пространстве ЕАЭС может быть организован и реверсивный инжиниринг, их дальнейшая доработка и сертификация под стандарты ЕАЭС.

Реализация Механизма позволяет МСП активнее встраиваться или создавать новые производственные цепочки, обеспечивать доступ к новым технологиям, замещать выпавшие из-за санкций и ухода иностранных компаний товары и услуги, снижать издержки самостоятельного импортозамещения.

Механизмом предусматривается субсидирование процентной ставки по кредитам и займам, выданным финансовыми организациями для реализации совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности, направленных на создание новых или модернизацию существующих производств. При этом в проекте должны участвовать минимум три участника от трех государств - членов ЕАЭС.

Основные компоненты Механизма следующие:

- источник финансирования - бюджет ЕАЭС, на 2025 год - около 3 млрд рублей¹⁸;
- форма поддержки - субсидирование части ставки по кредитам и займам в размере 100% ключевой ставки ЦБ/НБ;
- максимальный объем поддержки - 350 млн рублей в год на один проект;
- срок субсидирования и реализации проекта - до пяти лет;
- максимальная коммерческая ставка кредита/займа - ключевая ставка ЦБ/НБ + 6,5%.

Требования к участию (3+) в проекте (и/или, но не менее первого пункта для каждого участника проекта):

- поставки комплектующих, материалов для конечного производства $\geq 5\%$ в производимой продукции;
- доля $\geq 10\%$ от стоимости проекта (имущественный взнос);
- услуги $\geq 10\%$ от стоимости проекта (связанные с проведением проектно-изыскательских и проектировочных работ, технологический инжиниринг, строительство, в т. ч. инфраструктура производства);
- технологии $\geq 5\%$ от стоимости проекта (поставка оборудования, ПО или права пользования решением)¹⁹.

Важным фактором расширения места МСП в международном экономическом сотрудничестве, отмечаемым в том числе в рамках исследований, проводимых ОЭСР и АТЭС, является развитие цифровых ресурсов и платформенных технологий, значительно упрощающих доступ МСП на международные рынки, поиск партнеров, проведение переговоров, заключение сделок и осуществление поставок.

По мнению основательницы компании «RUSS-Wildberries» Татьяны Ким, «цифровые платформы играют ключевую роль в развитии экономики стран БРИКС и СНГ, способствуя росту малого и среднего бизнеса, укрепляя международную торговлю и развивая сотрудничество между странами»²⁰.

Она подчеркнула, «что у каждой страны, независимо от ее размера или экономического положения, уже есть одна или несколько развитых цифровых платформ, которые играют важную роль в развитии экономики»²¹.

Причем речь идет не только о классических универсальных маркетплейсах, таких как «Aliexpress», «WeChat» (КНР), «MercadoLivre» (Бразилия), «Flipkart» (Индия), но и о специализированных отраслевых маркетплейсах (платформы для перепродажи одежды «Vinted» (Литва), «Otto» (Германия) или так называемых классифайдах, которые нацелены не на фактическую продажу товаров, а на установление деловых контактов, в том числе с целью развития устойчивых кооперационных связей. Отдельно следует выделить экспортные классифайды, реализуемые с господдержкой, например online-bozor.uz (Узбекистан) и azexport.az (Азербайджан).

Более того, наличие разных форматов цифровых платформ позволяет малым компаниям с разной продукцией, разным опытом в маркетинге и продвижении, с любым

географическим месторасположением активно включаться в международное экономическое сотрудничество.

Преимущества для МСП при осуществлении бизнеса через маркетплейсы весомы, просты и понятны. Главные из них: получение доступа к обширной аудитории без значительного вложения дополнительных средств, легкий старт начала работы на платформе, простота и удобство интерфейса, отсутствие лишних формальностей, экономия людских и временных ресурсов за счет автоматизации процессов на +++платформах, осуществление оператором платформы прохождения платежей, логистики, аналитики продаж, продвижения и рекламы товара.

Однако если речь не идет о потребительских или стандартизированных промышленных товарах, то чаще всего платформы выступают как витрины продавцов и покупателей, предлагая пользователям удобный интерфейс для отбора перспективных партнеров и установления деловых контактов. В таком случае важным плюсом платформы будет наличие дополнительных сервисов по верификации экспертами заявок и статуса компаний, организации и сопровождению переговоров, отслеживанию результатов взаимодействия и доступа к мерам поддержки МСП.

В Российской Федерации компании МСП имеют доступ к частным и государственным платформенным решениям для осуществления международного сотрудничества как в сфере B2C («Wildberries», «Ozon»), так и B2B (МСП.РФ).

Сервис «Производственная кооперация и сбыт» цифровой платформы МСП.РФ²², с одной стороны, собирает и систематизирует сведения об отечественных субъектах МСП - производителях непродовольственных товаров и продуктов питания, а с другой - запросы на закупку и потребности в продукции от частных российских и иностранных заказчиков и ритейлеров. С его помощью пользователи цифровой платформы МСП.РФ - производители непродовольственных товаров и поставщики продуктов питания - смогут представить свою продукцию, разместить свои потребности и откликнуться на потребности частных российских и иностранных компаний, а также торговых сетей.

По информации АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства», являющегося оператором цифровой платформы МСП.РФ, в настоящее время на сервисе «Производственная кооперация и сбыт» размещены запросы 106 зарубежных компаний из 14 стран (Беларусь, Армения, Азербайджан, Киргизия, Китай, Индия, Иран, ОАЭ, Узбекистан, Турция, Таджикистан, Туркменистан, Мексика, Сербия). Всего на цифровой платформе разместили запросы более 300 российских и зарубежных компаний, более 9 тыс. номенклатурных позиций.

С момента запуска сервиса заключено более 250 договоров и соглашений между российскими субъектами МСП - поставщиками продовольственной, непродовольственной продукции с промышленными и торговыми компаниями, в том числе из зарубежных стран.

Следует отметить, что ввиду сложности продукции, которая востребована в рамках производственной кооперации, от размещения запросов до первых поставок может пройти до 1,5 лет.

Подводя итоги, следует отметить, что в настоящее время роль российских МСП в международном экономическом сотрудничестве объективно возрастает. Этому способствуют:

1. Меняющаяся внешнеэкономическая конъюнктура, создающая новые возможности для малых и средних предприятий, обладающих рядом преимуществ перед крупными компаниями.
2. Разработка национальных и межгосударственных инструментов поддержки цепочек добавленной стоимости и международной кооперации, призванных ответить на наиболее острые вызовы, препятствующие усилению роли МСП в международной торговле и международной кооперации.
3. Развитие новых форматов, прежде всего цифровых ресурсов и платформенных решений, облегчающих МСП поиск партнеров за рубежом и осуществление внешнеторговых операций.

Учитывая роль сектора МСП для социально-экономической стабильности в стране, необходимо поддерживать существующие тренды роста участия малого и среднего бизнеса в международном экономическом сотрудничестве. Как отметил председатель Правительства Российской Федерации М.В.Мишустин на заседании Правительственной комиссии по развитию малого и среднего предпринимательства в мае 2025 года, «сфера предпринимательства стала неотъемлемой частью нашей экономики и одним из главных ее драйверов, помогая формировать конкурентную среду, обеспечивая занятость и способствуя укреплению регионов»²³. В частности, МСП «может стать локомотивом по таким направлениям, как экспорт несырьевых и неэнергетических товаров»²⁴.

Взаимодействие МСП все более эффективно упрочняет международное экономическое сотрудничество. Особенно заметен этот процесс в приграничных регионах, где малые и средние компании зачастую являются едва ли не единственными экономическими акторами. Но и в развитии отношений между странами, не являющимися соседними, МСП обладают значительным потенциалом. В посткризисный период они естественным образом заполняют ниши, образовавшиеся после ухода с рынка крупных компаний, способствуя таким образом оздоровлению межстрановых отношений в целом. Перефразируя известное высказывание о суммарной прочности тысяч нитей гуманитарных связей, можно утверждать, что малые и средние компании с такой задачей справляются не хуже.

¹<https://www.rbc.ru/business/16/05/2022/6282227c9a7947fd5be20a6f>

²<https://iz.ru/1416250/kirill-sazonov-evgenii-bagdasarov/zvezda-zakatilas-mercedes-benz-ukhodit-iz-rossii>

³<https://www.forbes.ru/biznes/486270-vladelec-zara-i-berushka-okoncatel-no-zakroet-svoi-269-magazinov-v-rossii>

⁴<https://www.reuters.com/world/china/apple-aims-source-all-us-iphones-india-pivot-away-china-ft-reports-2025-04-25/>

⁵<https://www.theguardian.com/world/2022/nov/26/us-bans-new-huawei-equipment-sales-over-unacceptable-risk-to-national-security>

⁶Enhancing the Role of SMEs in Global Value Chains // OECD. 2008. С. 10.

⁷https://www.exportcenter.ru/press_center/za-vremya-deystviya-natsproekta-mezhdunarodnaya-kooperatsiya-i-eksport-kolichestvo-msp-eksporterov-v/

⁸Там же.

⁹https://www.vedomosti.ru/kapital/trends/articles/2024/02/28/1022487-biznes-shturmuem-ved?from=copy_text

¹⁰Винокуров Е. Приоритеты евразийской экономической интеграции. Экспертное мнение. 2020. С. 1 // Первый евразийский конгресс // <https://eabr.org/analytics/research-articles/evgeniy-vinokurov-prioritety-evraziyskoy-ekonomicheskoy-integratsii/>

¹¹Там же.

¹²Интеграционный бизнес-барометр ЕАБР. С. 3 // ЕАБР // https://eabr.org/upload/iblock/85a/EDB_2022_Report-1_Integration-Business-Barometer_rus.pdf

¹³Там же. С. 6.

¹⁴Там же. С. 7.

¹⁵Там же.

¹⁶Там же.

¹⁷<https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-06-28--novyj-mehanizm-podderzhki-promyshlennosti-v-caes-v-chem-osobennost-74172>

¹⁸<https://eec.eaeunion.org/news/speech/na-2025-god-predusmotreno-poryadka-3-mlrd-rublej-na-kooperatsionnye-proekty-v-ramkakh-caes/>

¹⁹<https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/242/f4h4iblz7ez1005aslvmtild5qiu69f/Polozenie-ob-otbore-kooperatsionnykh-proektov-v-promyshlennosti.pdf>

²⁰<https://pravo.ru/opinion/255722/>

²¹Там же.

²²<https://mcp.pf/services/development/promo/nonprod/>

²³https://www.economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_opredelilo_rol_msp_v_dostizhenii_nacionalnyh_celey_do_2030_goda.html

²⁴Там же.

Ирина Грачева

*Начальник научно-исследовательского отдела
Военного университета им. князя Александра
Невского Министерства обороны Российской
Федерации*

kirisha@inbox.ru

Ключевые слова: *Союзнический контрольный совет, законы СКС, СВАГ, работа по денацификации, демократические преобразования.*

ОПЫТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ДЕНАЦИФИКАЦИИ В СОВЕТСКОЙ ЗОНЕ ОККУПАЦИИ ГЕРМАНИИ

Обращаясь к гражданам страны 24 февраля 2022 года - в день начала специальной военной операции, Президент Российской Федерации, Верховный главнокомандующий Вооруженными силами РФ В.В.Путин определил в качестве одной из важнейших целей СВО денацификацию Украины¹.

Представляется, что достижение этой цели станет более реальным при условии использования того богатого практического опыта, который был накоплен органами государственной власти и военного управления Советского Союза при решении аналогичной задачи на территории зоны Германии, оккупированной Красной армией в результате Второй мировой войны.

Для управления капитулировавшей Германией страны-участницы антигитлеровской коалиции 5 июня 1945 года учредили специальный орган - Союзнический контрольный совет (СКС) в составе главнокомандующих оккупационными войсками четырех держав - СССР, США, Великобритании и Франции.

Законы, приказы и директивы СКС являлись обязательными для исполнения всеми военными администрациями, которые были созданы правительствами этих стран в их окку-

пационных зонах. В рамках интересующей нас проблематики прежде всего следует назвать изданные СКС следующие законы 1945 года: №1 от 20 сентября «Об отмене нацистских законов»; №2 от 10 октября «Прекращение и ликвидация нацистских организаций» - о роспуске и ликвидации Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) и ее «дочерних организаций»; №8 от 30 ноября «Отмена и запрещение военного обучения» - о мерах по демилитаризации Германии; №10 от 20 декабря «О наказании лиц, совершивших военные преступления или преступления против мира и человечности». В 1946 году СКС издал директивы: 12 января - «Об устранении нацистов и других лиц, враждебных союзным целям, из учреждений и с ответственных постов»; 12 октября - «Арест и наказание военных преступников, национал-социалистов, милитаристов и интернирование, контроль и наблюдение за возможно опасными нацистами»².

Все они опирались на решения Потсдамской конференции, предусматривавшие необходимость отмены нацистских законов, предания суду и наказания фашистских и военных преступников, удаления активных нацистов и других лиц, враждебных союзным целям, с общественных и полуофициальных должностей и с ответственных постов в важных частных предприятиях³.

6 июня 1945 года постановлением Совета Народных Комиссаров СССР №1326/301 была образована Советская военная администрация Германии (СВАГ) по управлению Советской зоной оккупации. В качестве Главноначальствующего ее возглавил Маршал Советского Союза Г.К.Жуков, одновременно бывший Главнокомандующим советскими оккупационными войсками и представлявший СССР в Союзническом контрольном совете.

На СВАГ возлагалась двуединая задача: во-первых, осуществление контроля за выполнением Германией условий безоговорочной капитуляции, во-вторых - управление советской зоной оккупации в Германии⁴.

В рамках второй из названных задач СВАГ предстояло осуществить денацификацию немецкого общества. Денацификация рассматривалась как часть общего процесса демократизации Советской зоны оккупации и строительства новой возрожденной Германии, представляя собой ряд мер, направленных на устранение остатков нацизма, искоренение нацистской идеологии в сознании людей и недопущение возрождения нацистских тенденций.

Несмотря на то что СВАГ во многом шла непроторенными путями, определенный опыт проведения денацификационных мер советскими военными властями был получен еще до учреждения СВАГ, на заключительном этапе разгрома нацистской Германии и в первые дни оккупации разгромленной Германии. Эту деятельность вели военные советы фронтов, концентрировавшие в своих руках всю полноту власти на занятой войсками территории, созданные ими военные комендатуры, а также уполномоченные НКВД СССР на фронтах.

Непосредственно в Берлине командующий 5-й ударной армией 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Н.Э.Берзарин, назначенный начальником гарнизона и военным комендантом германской столицы, еще 30 апреля 1945 года первым же своим приказом предписал: «Национал-социалистическую немецкую рабочую партию и все подчиненные ей организации («Гитлерюгенд», «Фрауеншафт», «Штудентенбунд» и проч.) распустить и деятельность их воспретить.

Руководящему составу всех учреждений НСДАП, гестапо, жандармерии, охранных отрядов, тюрем и всех других государственных учреждений в течение 48 часов с момента опубликования настоящего приказа явиться в районные и участковые военные комендатуры для регистрации.

В течение 72 часов на регистрацию обязаны также явиться все военнослужащие немецкой армии, войск СС и СА, оставшиеся в Берлине»⁵.

Не явившиеся в срок, а также виновные в укрывательстве указанной категории военнотружущих и чиновников, предупреждал приказ, будут привлечены к строгой ответственности по законам военного времени.

Более развернуто начавшаяся работа по денацификации предстает из документов, изданных уже после капитуляции Германии. «Задача вытравления яда нацизма из немецкого организма, - говорилось, например, в указаниях Военного совета и политуправления 1-го Украинского фронта военным комендантам немецких городов от 13 мая 1945 года, - должна быть осуществлена при непосредственной и активной помощи самого немецкого населения... Если немецкий народ возьмется энергично за ликвидацию всего фашистского наследства, то может ускорить свое восстановление как народа, равного среди других народов мира»⁶.

Денацификация предусматривала не только выявление нацистских преступников и активных деятелей органов гитлеровского государства, но и массовую агитационно-пропагандистскую работу среди населения, отравленного нацистской пропагандой за время существования Третьего рейха.

«Эта пропаганда, - говорилось далее в указаниях Военного совета и политуправления фронта, - должна возбудить среди немецкого населения ненависть против гитлеровского режима и его вдохновителей и руководителей, дать населению правильное представление о Советском Союзе, рассказать о задачах Красной армии в Германии, разоблачать фашистскую клевету на СССР и Красную армию, информировать о международном положении и важнейших событиях, популяризировать высказывания товарища Сталина о Германии и немецком народе»⁷.

Политической работой среди населения Германии требовалось: разоблачить слухи о том, будто Красная армия уничтожает немецкое население; показать, что в интересах самого немецкого населения каждый немец должен активно участвовать в разоблачении фашистской агентуры, передавать в руки Красной армии гестаповцев, диверсантов и шпионов; разъяснить населению, что нынешняя катастрофа Германии, ее настоящий разгром являются логическим результатом гитлеровской разбойничьей политики.

Поскольку немецкий народ поддерживал гитлеровский режим, мирился с этим режимом, говорилось в документе, он несет ответственность за те испытания, которые Германия принесла миру в этой войне; разъяснить, что нынешнее положение для немецкого народа не безвыходное. Главным условием его жизни является: окончательно порвать с гитлеризмом, с идеологией мирового господства, расизма и фашизма вообще.

Характерно, что уже в этом, одном из первых документов советских военных властей по проблеме денацификации, военным комендантам и их заместителям по политической части давалась ориентировка на дифференцированный подход к населению оккупированной зоны. Карательные меры отделялись от мер политической, агитационно-пропагандистской работы. Активных фашистов следовало выявлять и обезвреживать, а рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной армии, предписывалось не трогать.

«Для закрепления победы над врагом... - говорилось в указаниях Военного совета и политуправления 1-го Украинского фронта, - необходимо уничтожить все фашистское, уничтожить гитлеровское государство, ликвидировать нацистскую партию и созданные ею порядки. А это можно сделать только путем соответствующей правильно проведенной политической работы среди населения и правильных взаимоотношений с ним»⁸.

Так строилась работа до создания СВАГ. Тем более денацификация стала в центр деятельности советских оккупационных властей после учреждения Советской военной администрации в Германии. Она сводилась к мерам по отмене нацистского законодательства, привлече-

нию к ответственности лиц, совершивших военные преступления или преступления против мира и человечности, объявлению вне закона нацистской партии, ликвидации действовавшей в Третьем рейхе судебной системы и другим.

Помимо нормативных актов Союзнического контрольного совета, правовую базу для Советской зоны оккупации составляли приказы СВАГ. И чем дальше - тем больше, поскольку между союзниками по антигитлеровской коалиции разногласия нарастали, и члены СКС в первую очередь стали ориентироваться на указания собственных правительств, а не на коллективно принятые в рамках совета решения по совместному решению общегерманских проблем⁹.

Так или иначе, но с созданием СВАГ резко усилился начавшийся сразу же с выходом соединений Красной армии на территорию Германии розыск и привлечение к ответственности руководителей нацистской партии и ее организаций, гестапо, СС, СА, СД и нацистов, занимавших ответственные посты в административных и хозяйственных учреждениях.

Органами СВАГ были созданы комиссии по денацификации. К началу 1947 года в Советской зоне оккупации действовали 262 комиссии, в которых было занято 1512 человек¹⁰.

В первую очередь в демократическом духе реорганизовывалась судебная система. 4 сентября 1945 года Главногоначальствующий СВАГ маршал Г.К.Жуков издал приказ №49 «О реорганизации немецких судов в провинциях Советской зоны оккупации Германии», в котором указывалось на необходимость удаления из аппарата судов и прокуратур при проведении реорганизации судебной системы бывших членов нацистской партии, а также лиц, непосредственно осуществлявших карательную политику при гитлеровском режиме.

Забегая вперед, отметим, что в порядке денацификации органов юстиции к 31 декабря 1945 года из этих органов было уволено 10 475 человек. Новые органы юстиции комплектовались за счет судей и прокуроров, не принадлежавших к нацистской партии, а также незначительного числа выделенных СЕПП для работы в юстиции партийных работников, имевших юридическое образование, и за счет подготовки новых кадров через земельные юридические курсы¹¹.

В соответствии с приказом Г.К.Жукова №039 от 8 сентября 1945 года «Об изъятии нацистской и милитаристской литературы» владельцы частных библиотек, книжных магазинов и издательств, а также все частные лица были обязаны к 1 октября 1945 года всю подобную литературу сдать в районные комендатуры СВАГ.

17 и 29 сентября последовали приказы Главногоначальствующего СВАГ №66 и №79 об упразднении чрезвычайных судов и отмене нацистских законов, которые создавали базис для гитлеровского режима и устанавливали дискриминацию на основе расы, религии или политических убеждений. В частности, были отменены фашистские законы «О запрете создания политических партий», «Об охране чистоты немецкой крови и немецкой чести», «О гитлеровской молодежи», «О специальных судах», «Прусский закон о гестапо», «Постановление о доказательстве немецкого происхождения» и другие нацистские законодательные акты.

Наконец, приказом Главногоначальствующего СВАГ №80 от 25 сентября 1945 года были объявлены незаконными и полностью ликвидированы НСДАП, ее отряды, примыкавшие к ней ассоциации и руководимые ею организации, включая полувоенные организации и фашистские учреждения. Попытки восстановления нацистских организаций рассматривались как уголовное преступление и карались по всей строгости законов оккупационной военной власти¹².

Во исполнение приказа Главногоначальствующего подобные приказы в течение сентября - начала октября 1945 года были изданы всеми начальниками управлений СВАГ провинций и федеральных земель Советской зоны оккупации.

Проблема денацификации в советской зоне оккупации стояла весьма остро не только в сфере юстиции. Об этом свидетельствует целый ряд документов, в частности спецсообщение начальника оперсектора НКВД СССР по провинции Мекленбург и Западная Померания В.В.Губина заместителю Главногоначальствующего СВАГ по делам гражданской администрации И.А.Серову от 8 сентября 1945 года о засоренности аппарата местной власти фашистскими элементами. Только в аппарате провинциального правительства было выявлено 36 человек «фашистского элемента». Значительное число бывших членов НСДАП, по словам автора спецсообщения, «пробралось» на руководящую работу в качестве бургомистров, сельских старост, начальников и следователей органов полиции. Нацистскими и другими враждебными элементами были засорены и органы самоуправления федеральной земли Саксония¹³.

Реагируя на подобного рода донесения, Г.К.Жуков 21 сентября 1945 года передал директиву военным комендантам округов, городов и районов, в которой обращал внимание на то, что в провинциях Тюрингия и Мекленбург слабо проводится очистка аппарата самоуправления от фашистов. Только в уездном управлении Майнинген (Тюрингия) было выявлено 186 членов нацистской партии. Директива требовала «принять самые решительные меры для устранения фашистских элементов из всех органов самоуправления»¹⁴.

Выполняя директиву, начальники УСВА в федеральных землях организовали такую работу. Так, по докладу начальника Управления Советской военной администрации (УСВА) земли Тюрингия И.С.Колесниченко только в районе Майнинген к 1 октября 1945 года из аппарата местного самоуправления были исключены 218 нацистов¹⁵.

Надо иметь в виду, что далеко не все советские должностные лица, особенно низового звена, видели разницу между представителями различных политических сил Германии, из-за чего арестам подвергались люди невинные, а то и, наоборот, боровшиеся против нацистского режима. В той же Тюрингии был арестован обер-бургомистр города Эйзенаха доктор Фреесдорф. Областной союз Социал-демократической партии в письме на имя начальника УСВА характеризовал Фреесдорфа как испытанного антифашиста и просил освободить его из-под ареста¹⁶.

Работа по очистке аппарата местного самоуправления и судов от профашистского элемента к концу 1945 года была усилена. Судя по указаниям, которые получили военные коменданты округов, городов и уездов, в частности в провинции Мекленбург и Западная Померания, советскими властями производилась сплошная проверка (с последующим утверждением в должности) руководящего состава немецких органов местного самоуправления, судей и прокуроров. Комендантам впредь запрещалось самостоятельно смещать с должности или назначать на должности лиц указанной категории, а также производить их арест без санкции начальника УСВА¹⁷.

Был установлен срок, к которому следовало провести тщательную проверку всех органов местного самоуправления и завершить полную очистку их от нацистских элементов - 1 декабря 1945 года¹⁸.

Но, судя по всему, в этот срок поставленные задачи выполнить не удалось, особенно при денацификации сферы юстиции. Даже во втором квартале 1946 года, как следует из отчета о работе СВАГ, еще шло «укомплектование немецких органов юстиции демократическими кадрами и дальнейшее очищение этих органов от нацистских элементов». Авторы отчета закономерно сетовали на то, что эта работа «связана с большими трудностями, так как старые немецкие юристы в большинстве своем были нацистами, а демократически настроенных юристов очень мало»¹⁹.

Не сбавлять темпы работы по денацификации органы СВАГ побуждала директива №24 Союзнического контрольного совета «Об устранении нацистов и других лиц, враждеб-

ных союзным целям, из учреждений и с ответственных постов» от 12 января 1946 года. Судя по отчету, который был направлен советской стороной в СКС, на 1 января 1947 года было уволено либо не допущено к работе в немецких органах самоуправления 83 571 человек, в полиции - 25 613 человек, в судах и прокуратуре - 9818 человек²⁰.

В ходе денацификации на 1 января 1947 года было интернировано 150 тыс. бывших служащих СС, гестапо, службы безопасности СС и руководящего состава нацистской партии, из них 17 тысяч осуждены на разные сроки тюремного заключения²¹.

Проводя работу по денацификации, органы СВАГ не только выявляли и удаляли из аппарата немецкого самоуправления явных и скрытых нацистов, но также подбирали из немцев подходящие для управления кадры антифашистов.

В ходе столь сложной и во многом новаторской работы по денацификации органы СВАГ не смогли избежать и ряда недостатков.

Так, приказы Главного начальствующего СВАГ лишь отменяли нацистские законодательные акты, запрещали нацистскую литературу, объявляли вне закона нацистскую партию и призывавшие к ней организации, но не определяли механизм и методы денацификации. Из-за отсутствия единых руководящих документов по денацификации подход к решению этой задачи в федеральных землях и провинциях был различным.

Длительное время, вплоть до июля 1946 года денацификация шла обезличенно: не был налажен персональный учет нацистов, устраненных из органов самоуправления, полиции, судебных органов, сферы образования, печати, с производственных предприятий, что позволяло им повторно устраиваться на ответственные должности. В свою очередь, отдельные комиссии по денацификации прекращали свою деятельность, объясняя это отсутствием фронта работ.

Решения об устранении активных нацистов с должностей выполнялись далеко не сразу под предлогом их незаменимости. Многие комиссии по денацификации допускали огульный подход к рассмотрению дел нацистов, не заботясь об отделении активных деятелей уничтоженного нацистского режима от номинальных²².

По мере вскрытия такого рода недостатков руководящие органы СВАГ вносили необходимые коррективы в работу по денацификации, что позволило в конце концов успешно ее завершить.

В отчете Генерального секретариата советской секции Союзнического контрольного совета давалась следующая оценка результатов осуществленной в зоне денацификации: «В начале второй половины 1947 года, когда со времени капитуляции Германии прошло около двух лет и когда в Советской зоне были достигнуты значительные успехи в области денацификации, выросли и окрепли немецкие демократические организации, способные решать серьезные и трудные задачи, появилась возможность сделать нижеследующие шаги. Стало необходимым проводить различие между бывшими активными фашистами, милитаристами и лицами, действительно виновными в военных и иных преступлениях, с одной стороны, и номинальными, не активными нацистами, с другой стороны, способными на деле порвать со своим прошлым и вместе с демократическими слоями немецкого народа принять участие в общих усилиях по восстановлению мирной демократической Германии»²³.

Приказом Главного начальствующего СВАГ от 26 февраля 1948 года деятельность комиссий по денацификации была прекращена, а они сами - распущены как выполнившие свои задачи. Итог их работы - из административного аппарата и различных органов самоуправления, из руководящих звеньев на предприятиях и в учреждениях были удалены около 520 тыс. бывших членов нацистской партии, милитаристов и военных преступников²⁴.

Таким образом, несмотря на ряд допущенных ошибок в осуществлении денацификации, советским властям удалось уже к 1948 году провести в Восточной Германии основные демократические преобразования, очистить органы самоуправления, полицию и судебные органы от явных и скрытых нацистов, сформировать земельные и провинциальные правительства, которым СВАГ смогла полностью передать все экономические и политические полномочия по осуществлению дальнейших преобразований.

Накопленный советскими оккупационными властями опыт по денацификации Германии целесообразно использовать органам власти и военного управления Российской Федерации при проведении аналогичной работы на территориях, освобожденных в ходе СВО от власти киевского неонацистского режима. К сожалению, пока такой опыт используется в ограниченных масштабах.

¹Обращение Президента Российской Федерации. 24 февраля 2022 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 12.04.2025).

²История Германии. Учебное пособие: В 3 т. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века // Отв. ред. Ю.В.Галактионов. М., 2008. С. 335, 343.

³Тегеран - Ялта - Потсдам. Сборник документов. 2-е изд. М.: МО, 1970. С. 387-388.

⁴Русский архив: Великая Отечественная: Т. 15 (4-5). Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). М., 1995. С. 408.

⁵Там же. С. 382.

⁶Там же. С. 397- 398.

⁷Там же. С. 397.

⁸Там же. С. 392.

⁹История Германии. Учебное пособие: В 3 т. ... С. 336.

¹⁰Семиряга М.И. Как мы управляли Германией: политика и жизнь. М., 1995. С. 95.

¹¹Там же. С. 96.

¹²Филипповых Д.Н. Советская военная администрация в Германии: военно-политический аспект деятельности (1945-1949 гг.). М., 1995. С. 66-67.

¹³СВАГ и немецкие органы самоуправления, 1945-1949. М., 2006. С. 446, 451.

¹⁴Там же. С. 449.

¹⁵Там же. С. 457.

¹⁶Там же. С. 447.

¹⁷Там же. С. 464.

¹⁸Там же. С. 468.

¹⁹Там же. С. 339.

²⁰Петров Н.В. Формирование органов немецкого самоуправления и советизация Восточной Германии: СВАГ и немецкие органы самоуправления, 1945-1949. М., 2006. С. 41.

²¹История Германии Учебное пособие: В 3 т. ... С. 346.

²²Филипповых Д.Н. То же произведение. С. 69, 74-76.

²³Цит. по: Семиряга М.И. То же произведение. С. 94.

²⁴Висков С.И., Кульбакин В.А. Союзники и «германский вопрос» (1945-1949 гг.). М., 1990. С. 221.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН

Е.В.Ананьева,
*обозреватель, кандидат
философских наук*

А.И.Давыденко,
*первый заместитель
главного редактора*

М.Б.Куракин,
*заместитель
главного редактора*

Ю.А.Минаев,
*заместитель
главного редактора*

Е.Б.Пядышева,
*заместитель
главного редактора,
кандидат исторических наук*

Е.Ю.Студнева,
обозреватель

С.В.Филатов,
обозреватель

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

**Заведующая отделом
выпуска и контроля**
И.Н.Знатнова

Редакторы:

О.Н.Ивлиева
Н.В.Карпычева
Л.А.Подчашинская

Научный редактор:

А.Д.Дубина

Технический редактор:

М.С.Тюрина

Ответственный редактор и составитель номера Е.Б.Пядышева

www.interaffairs.ru

Ежемесячный научно-политический журнал «Международная жизнь».

Материалы, публикуемые в журнале «Международная жизнь», не обязательно отражают точку зрения редакции.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК:

Основные специальности: 5.1 Юридические науки; 5.5 Политические науки; 5.6 Исторические науки. Тематика журнала: 5.1.5 Международно-правовые науки; 5.5.2 Политические институты, процессы, технологии; 5.5.4 Международные отношения; 5.6.1 Отечественная история; 5.6.2 Всеобщая история; 5.6.7 История международных отношений и внешней политики. Сведения об авторах (имя, отчество, фамилия, место работы, электронный адрес) и текстах (заглавие, аннотация, сам материал, ключевые слова, приставные ссылки или список литературы) публикуются в базе данных Научной электронной библиотеки (РИНЦ).

Учредитель МИД РФ и ФГБУ Редакция журнала «Международная жизнь».

Адрес: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: journal@interaffairs.ru

Издатель ФГБУ Редакция журнала «Международная жизнь».

Адрес: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: journal@interaffairs.ru

Адрес английского издания нашего журнала, выпускаемого в Миннеаполисе, США, фирмой East View Information Services: 10601 Wayzata Blvd, Minneapolis MN, 55305-1526 USA. Phone: 1-952-252-1201 (N.America); fax: 1-952-252-1202; toll-free: 1-800-477-1005; E-mail: periodicals@eastview.com

Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ №ФС 77-42508 от 01.11.2010 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 4300. Цена свободная.

Дата выхода в свет 30.10.2025. Формат 60х90 1/8. Офсетная печать.

Отпечатано в ООО НПО «Типография Москва»

121352, г. Москва, ул. Давыдовская, д. 3.

Тел.: +7 (495) 724-72-40 zakaz@listovki.net

Компьютерный набор, верстка и дизайн редакции.

INTERNATIONAL AFFAIRS

A Monthly Journal of Foreign Policy, Diplomacy and National Security

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

С 2009 года журнал перешел на систему рецензирования. Статьи на рецензию представляются в электронном виде. Электронные версии статей следует направлять по электронной почте по адресу редакции: journal@interaffairs.ru с указанием фамилии, имени, отчества (полностью), должности, места работы, ученой степени и звания. Объем присылаемых в редакцию статей - не более 0,6 а.л. Редакция просит авторов прилагать к тексту статей краткую (8-10 строк) аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова (не более 10), контактную информацию для переписки (адрес электронной почты). Примечания помещаются в постраничных сносках, источники помещаются в конце текста. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИЯ РАССМАТРИВАЕТ ФАКТ НАПРАВЛЕНИЯ АВТОРСКИХ РУКОПИСЕЙ
ПО АДРЕСУ: journal@interaffairs.ru
КАК ПЕРЕДАЧУ ЕЙ АВТОРАМИ ПРАВ НА ИХ ПУБЛИКАЦИЮ.

Правила оформления сносок и библиографии в конце статьи:

¹Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

²Putham H. Mind, language and reality. Cambridge: Cambridge univ. press, 1979. P. 12.

³Инвестиции останутся сырьевыми//PROGNOSIS.RU: ежедн.интернет-изд. 2006. 25 янв.
URL: <http://www.prognosis.ru/print.html.id=6464> (дата обращения: 19.03.2007).

⁴Ефимова Т.Н., Кусакин А.В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл
// Проблемы региональной экологии. 2007. №1. С. 80-86.

journal@interaffairs.ru

Индекс 70530. ISSN 0130-9625 «Международная жизнь». 2025. №10. 1-136

Благодарим ИДЦ МИД России за предоставленные фотографии на обложку журнала.

ГлавУпДК - традиции гостеприимства: автомобильный паркинг в России

ГлавУпДК при МИД России - крупнейший и наиболее опытный игрок на рынке аренды московской недвижимости. В ведении Предприятия находится более миллиона квадратных метров жилой и офисной недвижимости в Москве, загородные комплексы отдыха и машино-места в самых разных уголках столицы.

В цикле статей «ГлавУпДК - традиции гостеприимства», подготовленных специально для журнала «Международная жизнь», мы исследуем, как формировались отечественные традиции гостеприимства. В новом авторском очерке речь пойдет об истории развития автомобильного паркинга в России.

Карету мне, карету!

В дореволюционной России основным личным и общественным видом транспорта в городах был гужевой - кареты, коляски и другие повозки служили основным способом передвижения для элиты и простых горожан.

Понятия «парковочная стоянка», или «машино-место», в современном понимании (фиксированное место, где останавливается транспортное средство), конечно, в то время не было. Остановка экипажей регулировалась неформальными правилами и городскими обычаями: транспорт парковали у фасадов жилых зданий, гостиниц, театров или административных учреждений, привязывая лошадей к фонарям, деревьям, уличной ограде и любым другим подходящим элементам городского ландшафта. Городские власти обычно не одобряли такого, вследствие чего появились символические штрафы за парковку.

Для общественных же извозчиков (прообраз городского транспорта в наши дни) существовали специальные стоянки, известные как «биржи». Такие площадки позволяли кучерам ожидать пассажиров в организованных зонах, избегая пробок на проезжей части. Подобные биржи часто располагались у рынков, вокзалов, театров или на оживленных улицах вроде Невского проспекта.

Личные кареты для состоятельных граждан хранились в специализированных постройках - каретниках. Деревянные (реже - каменные) одноэтажные строения включали экипажный сарай, конюшню и амбар для инвентаря. В Санкт-Петербурге сохранились примеры таких зданий, одно из наиболее известных - Служба комендантского ведомства в Петропавловской крепости.

В императорских резиденциях экипажи размещались в Конюшенном ведомстве - обширных комплексах с боксами для лошадей и карет. Интересно,

Комендантский дом в Петропавловской крепости
Источник: opeterburge.ru

что коронационные кареты часто выставлялись или хранились в дворцовых музеях, подчеркивая статус владельца.

И все-таки автомобили становятся частью российской реальности уже в 1890-х годах. Так, в 1891 году инженеры Евгений Яковлев и Петр Фрезе представляют первый автомобиль отечественной сборки на Нижегородской выставке, а спустя три года в Санкт-Петербурге открылся магазин Карла Шпана с моделями «Бенц».

Николай II в автомобиле. Источник: <https://novate.ru/blogs/051218/48656/>

К 1917 году общий автопарк Российской империи достиг почти девяти тысяч единиц, преимущественно импортных. Изначально автомобили парковали в приспособленных конюшнях и амбарах - тех же каретниках, но с учетом специфики: машины нуждались в защите от пыли, влаги и угона, а их обслуживание требовало специальных мастерских.

Так, для семьи Николая II в Царском Селе появился Императорский гараж. Официально гараж стал подразделением Императорского двора в 1907 году, со штатом в 80 человек к 1913 году. Для владельцев ниже рангом гаражи возводились при особняках или арендовались в городах, поскольку организованных стоянок не существовало.

Эпоха гаражей

После революции 1917 года количество частных автомобилей в стране резко сократилось. Большинство транспортных средств было национализировано, а автомобильное производство практически остановлено. Так, к 1927 году в стране насчитывалось всего 12 тыс. автомобилей.

Тенденция начала меняться в 1930-х годах с индустриализацией: появились заводы ГАЗ (Горьковский автомобильный завод), ЗИС (позже - ЗИЛ) и другие. Правда, массовая автомобилизация среди населения возникла только три десятилетия спустя и была связана с постройкой Волжского автомобильного завода (ВАЗ) в Тольятти (родина знаменитых «Жигулей»).

Что же касается обслуживания нового вида транспортных средств, то сразу после 1917 года бывший Императорский гараж перешел под контроль советской власти и стал частью Гаража особого назначения, обслуживающего правительство. В 1920-х годах появились и первые специализированные гаражи для общественного транспорта:

гараж на Новорязанской улице в Москве и Бахметьевский гараж, использовавшийся для обслуживания автобусов вплоть до конца столетия.

Парковка в раннем СССР была «импровизированной»: машины оставляли на улицах или во дворах, однако с ростом производства легковых автомобилей возникла нужда в машино-местах для граждан. Первый подземный гараж появился в Москве в 1954 году в доме по адресу: улица Строителей, 4, строение 6, а уже в 1960 году Совет Министров СССР принял постановление, разрешающее создание гаражно-строительных кооперативов. Подобные комплексы начали возникать в конце 1960-х на окраинах столицы или во дворах.

Спецавтоцентр ГлавУпДК при МИД России

К 1970-м годам в крупных городах Союза появились более организованные стоянки: возводились многоэтажные гаражи и открытые парковки при новых жилых районах. Например, в 1973 году на территории Гаража для инопредставительств (подразделение УпДК при МИД СССР, ныне - Спецавтоцентр ГлавУпДК при МИД России) был возведен многоярусный охраняемый паркинг. Объект предназначался для размещения автопарка посольств и соответствовал передовым стандартам того времени.

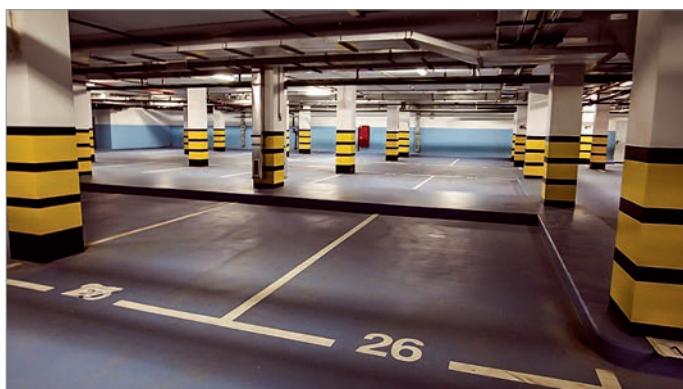
Правда, развивающаяся система машино-мест все равно отражала плановую экономику Союза: гаражи не находились в частной собственности, а уличная парковка оставалась бесплатной и хаотичной.

Новый стандарт

Распад СССР открыл двери для массовой автомобилизации среди населения. Если в советское время частные машины были роскошью, то после 1991 года их число в разы увеличилось благодаря импорту и локальному производству.

С нескольких миллионов единиц в начале 1990-х общий автопарк России увеличился до десятков миллионов к середине нулевых, что логичным образом привело к острому дефициту парковочных мест. В крупных городах дворы жилых домов превратились в стихийные стоянки: машины занимали газоны, детские площадки и проезды, угрожая экологии и безопасности прохожих.

Платные парковки на улицах Москвы стали важнейшим инструментом разгрузки городов от избыточного трафика. В столице пилотный проект стартовал в ноябре

Подземный паркинг в жилом комплексе
 Источник: <https://www.kommersant.ru/doc/2341004>

чем, спрос на такие места по-прежнему превышает предложение ввиду продолжающегося роста автопарка. При этом многие гаражные комплексы, предлагаемые фирмами-посредниками, находятся на периферии города, вынуждая автовладельцев тратить много времени на дорогу или искать альтернативные варианты.

Выгодное решение предлагает ГлавУпДК при МИД России - клиенты Предприятия имеют уникальную возможность аренды машино-мест в охраняемых подземных паркингах многофункциональных комплексов, большинство из которых расположены в центральных районах Москвы.

Кроме того, можно забронировать машино-места в Спецавтоцентре ГлавУпДК при МИД России (ул. Киевская, д. 8), причем оформление услуги доступно на сайте центра в онлайн-формате. На территории комплекса также располагаются станция технического обслуживания автотранспорта, круглосуточная бесконтактная автомойка, пункт технического осмотра автотранспорта; в непосредственной близости находится и АЗС.

Шаговая доступность от деловых, культурных и жилых зон позволит минимизировать неудобства, связанные с перемещением по перегруженному городу. Другим преимуществом является доступная цена аренды, которая выгодно отличается от рыночных ставок в центре столицы. Арендовать можно сразу несколько машино-мест - такая возможность особенно ценна для семей и бизнеса.

Оставляя автомобиль на объекте ГлавУпДК, владельцы могут быть уверены в безопасности: здания оснащены современными системами охраны, включая видеонаблюдение и круглосуточное присутствие персонала. Помимо этого, подземный паркинг защищает машину от ненастных погодных условий, тем самым продлевая срок службы транспортного средства.

Договор аренды машино-места подписывается на срок менее года. Здания, в которых располагаются паркинги, обслуживаются высококвалифицированными управляющими компаниями - давними партнерами Предприятия.

2012 года и затрагивал несколько улиц, а со следующего года расширился на все пространство внутри Бульварного кольца.

Кроме того, с ростом урбанизации в мегаполисах новые жилые комплексы стали оснащаться подземными паркингами. Такой подход позволил частично решить проблему стихийных стоянок во дворах и освободить наземное пространство для социальной инфраструктуры. К 2020-м годам практика оборудования новых жилых комплексов подземным паркингом стала повсеместной в крупных российских городах.

Эволюция парковочного пространства сделала долгосрочную аренду машино-места привлекательной инвестицией. Впрочем,

*Узнать подробнее об услугах аренды
 машино-мест у ГлавУпДК:*

Мацкепладзе Максим

ГЛАВУПДК
ПРИ МИД РОССИИ

ДЛЯ ЖИЗНИ И БИЗНЕСА В МОСКВЕ

100 лет
безупречной работы

Надежность
Комфорт
Безопасность

Без посредников
и комиссий

Аренда
недвижимости

Медицинское
обслуживание

Индивидуальный
и корпоративный отдых

Бухгалтерское и кадровое
сопровождение бизнеса

Организация конференций
и праздников

Техническое обслуживание
автотранспорта

+7 (495) 770 35 35

updk.ru

119034 г. Москва,
ул. Пречистенка, 20

